

**МАТЕРИАЛЫ
III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**(памяти доктора исторических наук,
профессора Ю.К. Некрасова)**

19–20 мая 2017 года

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Материалы
III Всероссийской научной конференции
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(памяти доктора исторических наук,
профессора Ю.К. Некрасова)

19–20 мая 2017 года

ВОЛОГДА
2017

УДК 93/94(063)

ББК 63.3я431

М34

Редколлегия:

доктор исторических наук, декан исторического факультета ВоГУ

В. А. Саблин (гл. редактор),

младший научный сотрудник А. И. Пчелинцев,

доктор исторических наук, профессор О. Ю. Солодянкина,

кандидат исторических наук, доцент О. Б. Молодов,

кандидат исторических наук, доцент Д. А. Черненко,

кандидат исторических наук, доцент Ю. С. Егорова,

кандидат исторических наук, доцент О. В. Ильина

М34 **Материалы III Всероссийской научной конференции «Некрассовские чтения (памяти доктора исторических наук, профессора Ю.К. Некрасова)».** 19–20 мая 2017 года / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; [гл. ред. В. А. Саблин]. – Вологда : ВоГУ, 2017. – 200 с.

ISBN 978-5-87851-764-5

В сборнике опубликованы доклады авторов, принимавших участие в III Всероссийской научной конференции «Некрассовские чтения» (памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Клавдиевича Некрасова), прошедшей в Вологде 19–20 мая 2017 г.

Тематика представленных докладов отражает актуальные проблемы всеобщей истории, государственного и общественно-политического развития, экономики, религии и религиозных конфликтов в контексте истории, диалога культур в исторической ретроспективе, вопросы международных отношений и роли личности в истории.

Сборник предназначен всем, кто интересуется проблемами отечественной и всеобщей истории.

УДК 93/94(063)

ББК 63.3я431

ISBN 978-5-87851-764-5

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание	6
---------------------------	---

СЕКЦИЯ № 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Арискина Ю.Э. АЛЕКСАНДР I и «СОСЛОВИЕ СЕНАТОРОВ»: К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ СЕНАТСКОЙ РЕФОРМЫ 1802 ГОДА.....	6
Иванов Ф.Н. РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.	11
Карпов С.Г. ПРОФСОЮЗЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946–1950 ГГ.)	14
Киселева О.А. ЗАПАДНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ РУБЕЖА XIX–XX В.	18
Попова К.Е. СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 1991–1995 ГГ.	22
Саблин В.А. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ 1917–1921 ГОДОВ	25
Черняев А.А. КОРРУПЦИОННЫЕ СКАНДАЛЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БРАЗИЛИИ	29

СЕКЦИЯ № 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Артёмов А.Э. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	33
Гуляева А.О. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ОГАЙО И СОЗЫВ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛОГСТАУНЕ В 1752 Г.	38
Евлоева Р.Д. У ИСТОКОВ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА ДАШКОВА	43
Лившиц А.А. РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ТИБЕТЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ П.К. КОЗЛОВА	46
Мамедов Р.С. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	49
Серебряков К.Д. НАЧАЛО РУССКО-ТИБЕТСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДНЕГО ЭТАПА БОЛЬШОЙ ИГРЫ.....	52
Смелова Е.В. О РОЛИ КОМАНДИРОВКИ В США В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.И. ЯНЖУЛА	56
Толмачев Ю.О. КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В 1967 Г.	60
Федотовская Н.А. КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ В ЗЕРКАЛЕ ЗАПИСОК РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.	64
Циватый В.Г. ИТАЛЬЯНСКАЯ МОДЕЛЬ ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ЕВРОПЕ ПЕРИОДА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XVIII ВВ.): ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ.....	67

СЕКЦИЯ № 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

Воротникова Н.С. МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА НАРОДНЫХ ШКОЛ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	71
Грязнов А.Л. ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ АРХИВЫ КНЯЗЕЙ СОГОРСКИХ XV–XVI ВВ.	75
Золотарев А.Ю. АРХИТЕКТОНИКА СУДЕБНИКА КОРОЛЯ АЛЬФРЕДА ВЕЛИКОГО	80
Измюмова Л.В. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)	83
Коноплев В.А. ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АЛЯСКЕ В КОНЦЕ XVIII В. В АРХИВЕ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	87
Плех О.А. МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	91
Пшеницын Д.А. ОТ ВОЛОКОВОГО ПУТИ К ВОЛОСТИ: ЛЕЖСКИЙ ВОЛОК В XIV–XVII ВЕКАХ	95
Черкасова М.С. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОСТЯХ И КУПЦАХ ГОСТИНОЙ СОТНИ В КОНЦЕ XVI–XVII ВВ.	99

СЕКЦИЯ № 4. ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Барлова Ю.Е. ПРАВИЛЬНОЕ ПИТАНИЕ КАК ВЫХОД ИЗ БЕДНОСТИ: ПРОПАГАНДА ЭКОНОМНОЙ КУЛИНАРИИ В АНГЛИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ	103
Борзых А.С. БЫТ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЩИНЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	108
Волкова Н.Л. «ХАРАКТЕР ВЫКОВЫВАЕТСЯ В СУМЯТИЦЕ МИРА»: СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ДНЕВНИКУ Ф. ФАРМБОРО)	111
Гуслистова А.Н. ПЕТРОВСКАЯ УЛИЦА Г. ВОЛОГДЫ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.: ИСТОРИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ	114
Жуковская Т.Н., Калинин Е.А. ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАНКАСТЕРСКОГО МЕТОДА В 1810–1830-х гг.	120
Ильина О.В. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1941–1945 ГГ.	124
Кирпичников И.А. ПЕРСОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI ВЕКА: СЛУЧАЙ «ДЕЛА О ВЫМУЧЕННОЙ КУПЧЕЙ»	128
Копылов Ф.В. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ВОЛОГДЫ И Г. ЧЕРЕПОВЦА)	132
Шустрова И.Ю. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	136
Щукина У.О. ПОВСЕДНЕВНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖСКОГО И ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКОЙ ИМПЕРИИ (1804–1812 гг.)	139

СЕКЦИЯ № 5. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И КОММЕМОРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ЛИЧНОСТЕЙ

Голованова Д.В. ПАМЯТЬ О ЦАРСКОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ «НОВОГО АРИФМЕТИЧЕСКОГО ЗАДАЧНИКА»	143
Голодяев К.А. БЫВШИЙ ПОЧЁТНЫЙ	146
Добычина А.С. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БОЛГАР О СВОЕМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРОШЛОМ В XVI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ БОЛГАРСКОЙ КНИЖНОСТИ)	151
Обухов С.В. О СКУЛЬПТУРНОЙ ГОЛОВЕ ЦАРИЦЫ АНТИЧНОЙ КОММАГЕНЫ ИЗ АРСАМЕИ НА РЕКЕ НИМФЕЙ	155
Солодянкина О.Ю. КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ	159

СЕКЦИЯ № 6. РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

Аламенко О.Н. КАМЕНЬЕ В ГОРОДЕ ВОЛОГДЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ	163
Минкова К.В., Акимов Ю.Г. МАССОВЫЕ ПЕРЕХОДЫ РУСИНОВ В ПРАВОСЛАВИЕ И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	168
Ерохин В.Н. КОНЦЕПЦИЯ КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ XVI–XVII ВВ.	172
Исаков А.А. МАКСИМ ГРЕК О РУССКИХ ЕРЕСЯХ	175
Каргальцев А.В. К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ В «СТРАСТЯХ СВЯТЫХ ПЕРПЕТУИ И ФЕЛИЦИТАТЫ» И «АПОЛОГЕТИКЕ» ТЕРТУЛЛИАНА: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ	180
Ложкин Е.А. ФЕНОМЕН ИКОНОБОРЧЕСТВА	184
Лурье З.А. ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ТЕАТР В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	188
Тихомирова Г.В. РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ	192
Хрулёва И.Ю. РЕЛИГИОЗНЫЙ «ЭНТУЗИАЗМ» АМЕРИКАНСКОГО «ВЕЛИКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ» СЕРЕДИНЫ XVIII В.: ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА ДЖ. УИТФИЛДА И Ч. ЧОНСИ	196

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

При открытии конференции с приветственным словом выступили:

О.А. Васильев, заместитель губернатора Вологодской области;

М.А. Безнин, д-р ист. наук, заместитель директора по научной работе Педагогического института, заведующий кафедрой отечественной истории ВоГУ;

В.А. Саблин, д-р ист. наук, декан исторического факультета.

СЕКЦИЯ № 1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 94(47)»16/18»

АЛЕКСАНДР I И «СОСЛОВИЕ СЕНАТОРОВ»: К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ СЕНАТСКОЙ РЕФОРМЫ 1802 ГОДА

Арискина Юлия Эдуардовна

преподаватель, кандидат исторических наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

ariskina_julie@mail.ru

Аннотация. Истоки правительственного реформизма Александра I наиболее четко просматриваются в преобразованиях первых лет его царствования. К подготовке сенатской реформы, одного из первых крупных начинаний императора, были привлечены основные политические силы империи: Сенат, Непременный совет и Негласный комитет. В процессе разработки сенатской реформы раскрывается широкая палитра существовавших в высших сановных кругах точек зрения на грядущие реформы и государственное устройство России. Кроме того, публичное обсуждение реформы обострило политическую борьбу за влияние на императора и его политический курс.

Ключевые слова. Александр I, правительственный реформизм, самодержавие, сенатская реформа, Сенат, Непременный совет, Негласный комитет, политическая борьба.

ALEXANDER I AND THE SENATORS: PREPARATION OF THE SENATE REFORM OF 1802

Yulia E. Ariskina

PhD in history, Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

ariskina_julie@mail.ru

Abstract. The origins of the governmental reformism of Alexander I can be most clearly seen in the reforms of the first years of his reign. The main political players of the Russian Empire – the Senate, the State Council and the Secret Committee – were engaged in preparing for the Senate reform that was one of the first major undertakings of the emperor. The further development of the Senate reform showed a wide spectrum of political views that existed in the upper circles on future reforms and the state structure of Russia. In addition, public discussion of the reform exacerbated the political struggle for influence over the emperor and his policy.

Keywords. Alexander I, governmental reformism, autocracy, senate reform, Senate, State Council, Secret Committee, political struggle.

Александр I унаследовал от предшественников ряд нерешенных проблем Сената – медленный ход дел, конфликт Сената с канцелярией и генерал-прокурором, невозможность разрешать судебные дела без апелляций к монарху. Настроения в обществе и реальная необходимость реформ заставили его заняться «делом Сената» в самом начале царствования. Кроме того, с расширением прав Сената были связаны властные амбиции высшего сановного дворянства, поэтому дискуссия о статусе Сената велась при участии всех заинтересованных сторон.

Уже 9 мая 1801 года вопрос о восстановлении в правах Сената поднимается в «протоколах» Негласного комитета П.А. Строганова [1]. Поводом к этому послужило обращение к Александру I сенатора Д.П. Трошинского, одного из участников заговора 12 марта 1801 года, с предложением провести реформу Сената [2]. В связи с этим император намеревался поручить первому департаменту Сената и лично П.В. Завадовскому, председателю Комиссии составления законов, заняться выяснением того, какие права и полномочия были утрачены Сенатом и каким образом они могут быть восстановлены.

Публичная фаза разработки сенатской реформы началась с издания Александром I 5 июня 1801 года именного указа Сенату, предписывающего ему подготовить доклад о правах и привилегиях, которые с течением времени потеряли свое значение. Радикальное преобразование Сената могло взволновать дворянство, а «восстановление» прав, напротив, сулило возвращение к «золотому веку». Опубликование указа вызвало живой интерес в

столичном высшем обществе, результатом которого стали многочисленные мнения и проекты. Поскольку именно обновление Сената, а не возвращение его в прежнее состояние, было целью Александра, окончательный проект указа, несмотря на упоминание «восстановления прав», требует от Сената описания его теперешних, современных прав. В протоколе заседания Негласного комитета 9 декабря 1801 года зафиксировано, что Александр назвал недостаточным только составление перечня утерянных Сенатом прежних прав [3]. Более высоко император впоследствии оценивал мнения и проекты, предлагавшие пути реформирования Сената.

Следует отметить, что употребление выражения «права и привилегии» скорее применимо к сословию, социальной группе, нежели к учреждению. Введение этих понятий в обнародованный указ о Сенате, являвшемся средоточием высшего сановного дворянства, подчеркивало восстановление дворянских привилегий на самом высшем уровне. При этом самосознание сенаторов отличалось от общедворянского: сенаторы ощущали себя отдельной социальной группой, имеющей особые права и привилегии.

Официальным ответом Сената на указ императора от 5 июня 1801 стало подготовленное графом П.В. Завадовским [4] при участии сенаторов первого департамента Положение о правах и преимуществах Сената [5]. В докладе Завадовского особое внимание уделено Сенату как хранилищу законов, занимающему исключительное положение в государственном управлении. Большое значение придается праву представления правителю о вновь вышедших законодательных актах, если они противоречат ранее изданным. Автор обращается к Наказу Екатерины II и находит в нем источник для права представления [6].

Общий доклад и отдельные мнения сенаторов о восстановлении прав были рассмотрены на заседании Негласного комитета 5 августа 1801 года и предварительно изучены Новосильцевым [7]. Основное его замечание касалось возможности наделения Сената законодательными функциями: «...Сенат не может рассматриваться как законодательный корпус. Председатель, обладающий властью, может иметь с администрацией только отношения хозяина и управляющего». Руководствуясь примерами европейских законодательных учреждений, Новосильцев видит носителем законодательной власти если не императора, то только выборный представительный орган.

Другой аргумент Новосильцева состоит в необходимости сохранения в руках императора всей полноты власти ради проведения запланированных преобразований: «Император, давая им [сенаторам] значительные права <...> легко может связать себе руки» [8].

Также следует отметить, что к концу февраля 1802 года Александр уже серьезно задумывался над ограничением полномочий Сената и советовался на этот счет с Лагарпом. В письме Александру от 25 февраля 1802 года Лагарп пишет о том, что «...если уже слишком поздно, чтобы не представлять Сенату прав, которых для него требуют, то нужно сдержать обещание, что-

бы никто не мог усомниться в Ваших принципах» [9]. Однако, по мнению Лагарпа, идя на эту «минутную жертву», необходимо оставить за собой право все изменить в соответствии с государственными нуждами, а также не включать в указ о Сенате конкретики – распределения полномочий между департаментами. Лагарп предложил издать краткий указ, провозглашающий Сенат высшим судом, а административные права передать министерским структурам в момент их учреждения и реформированному Непременному совету.

Таким образом, позиция членов Негласного комитета относительно сенатской реформы сводится к их стремлению ограничить полномочия Сената исключительно судебными функциями. Департаменты с исполнительными функциями в разработанных в итоге проектах указов были сохранены по настоянию императора. Обсуждение реформы в Негласном комитете наиболее ярко демонстрирует, насколько тяготит императора и необходимость проведения этой реформы, и ее публичное обсуждение.

Члены Непременного совета в большинстве своем не одобряли расширение прав Сената и предлагали свести реформу к делопроизводственным усовершенствованиям или вовсе отложить до издания нового свода законов. Вынужденность издания указа о Сенате была ясна членам совета так же, как и членам Негласного комитета. Однако в Непременный совет входили и инициатор проведения сенатской реформы Д.П. Трошинский, и ее активные сторонники П.В. Завадовский и А.Р. Воронцов. Мнение А.Р. Воронцова во многом сходно с позицией другого активного сторонника расширения прав Сената – Г.Р. Державина – и предполагает превращение Сената в основной орган управления империей.

После обсуждения в Непременном совете постановление о Сенате не претерпело значительных изменений и было готово к реализации. Однако реформа Сената в это время была представлена второстепенным событием по отношению к учреждению министерств, на которое был сделан акцент при издании обоих постановлений 8 сентября 1802 года. Фактически указ о Сенате не изменил положения дел в этом учреждении за исключением отрицательного ответа на вопрос о возможности существенного расширения функций Сената. Сенат остался преимущественно судебным учреждением, наделенным весьма ограниченными административными и надзорными функциями. Единственной уступкой сенатским чаяниям стало учреждение права представления, причем в такой формулировке, что во время «сенатского инцидента» в марте 1803 года его удалось истолковать как относящееся исключительно к прошлому.

Процесс обсуждения и подготовки сенатской реформы был более открытым, нежели в случае с остальными преобразованиями Александра I начала царствования. Однако уже на начальном этапе Александр стал тяготиться публичностью, определявшей ход сенатской реформы. Оказалось, что среди поданных сенаторами и другими государственными деятелями

проектов и мнений император не смог найти по-настоящему новых идей. Вдохновленные заключавшимся в указе 5 июня 1801 года знаком уважения сенаторы выдавали либо банальные ссылки на постановления разных лет, либо ностальгические пространные описания петровского и екатерининского «золотых веков». Обсуждение сенатской реформы также продемонстрировало соперничество между центральными государственными учреждениями за влияние на императора. Сенат и Непременный совет конкурируют за место главного государственного учреждения империи. Члены Негласного комитета – неофициального собрания сподвижников Александра I – убеждают его не наделять реальной властью никакие государственные учреждения, сохранив её полностью в своих руках.

Указом 5 мая 1801 года император взял на себя обязательства в обозримом будущем провести сенатскую реформу (хотя это желание отпало у него уже к началу 1802 года), но не получил взамен свежих идей, которые помогли бы ему найти способ дальнейшего реформирования администрации. Возможно, это и стало причиной того, что уважение к мнению Сената у императора пропало (ликвидация права представления в марте 1803 года). Кроме того, опыт первой, сенатской реформы продемонстрировал неэффективность публичного обсуждения и стал причиной того, что круг лиц, действовавших в разработке последующих преобразований, оказался значительно уже, а Негласный комитет окончательно утвердился как основная площадка разработки реформ.

Литература

1. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. 2. С. 32.
2. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. Л., 1988. С. 113.
3. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. 2. С. 138.
4. 5 июня 1801 года граф П.В. Завадовский именным указом был назначен председателем Комиссии составления законов. ПСЗ (1649–1825). Т. XXVI. С. 682. № 19.904.
5. Положение о правах и преимуществах Сената // Сборник Археологического института. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1878. – С. 70.
6. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 72.
7. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. С. 84.
8. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). СПб., 1903. С. 85.
9. Correspondance de F.-C. de La Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de La Harpe avec les membres de la famille imperiale de la Russie (publiee par J.Ch.Biaudet et F.Nicod). Neuchatel, 1978–1980. P. 484.

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.

Иванов Фёдор Николаевич

доцент кафедры истории России и зарубежных стран,

кандидат исторических наук

Сыктывкарский государственный университет

им. Питирима Сорокина

Сыктывкар, Россия

fedor-ivanoff@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов рекрутских наборов на Европейском Севере России во время Крымской войны 1853–1856 гг. Основное внимание уделено оценке эффективности проведенной императором Николаем I реформы рекрутской системы комплектования. Сделан вывод о том, что модернизированная рекрутская система справлялась со своей задачей, однако общее устаревание военной организации России снижало эффективность её работы.

Ключевые слова. Рекрутская повинность, рекрутские наборы, Крымская война, Европейский Север России, Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии.

THERECRUITMENTON THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA DURING THE CRIMEAN WAR 1853–1856

Ivanov Fyodor Nikolaevich

*Associate Professor at the Department of History of Russia and Foreign
Countries, Candidate of Historical Sciences*

Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin

Syktvykar, Russia

fedor-ivanoff@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of recruitment in the European North of Russia during the Crimean War of 1853–1856. The main attention is paid to the evaluation of the efficiency of the reform of the military's recruitment system which was conducted by Emperor Nicholas I. It is concluded that the modernized recruitment system coped with its task, but the general obsolescence of the entire military organization of Russia made its work ineffective.

Keywords. Recruiting duty, recruitment, Crimean War, European North of Russia, Arkhangelsk, Vologda, Olonetsk provinces.

Последним крупным вооруженным конфликтом в истории России, в ходе которого для пополнения вооруженных сил проводились рекрутские наборы, стала Крымская война 1853–1856 гг. Россия тогда вступила в борьбу с коалицией держав и потерпела поражение, одной из причин такого исхода многие исследователи считают «устаревшую рекрутскую систему комплектования». Действительно, одними из ключевых особенностей русской армии дореформенной поры были её большая численность в мирное время и при этом невозможность получения военно-обученного пополнения для дополнительного развёртывания сил или восполнения потерь [1, с. 351–352]. При этом рекрутов приходилось набирать в большом числе и долгое время обучать военному делу перед отправлением по полкам.

Между тем с необходимостью противостояния массовым армиям Россия впервые столкнулась на полстолетия ранее во время наполеоновских войн. Первым ответом на этот вызов стал постоянный рост численности войск, которая достигла более миллиона человек к началу Крымской войны. Вторым ответом было создание в начале XIX в. института народного ополчения [2; 3]. Третьим ответом стала попытка создать в стране с 1834 г. военно-обученный запас за счет введения института «бессрочноотпускных» солдат. Четвёртым ответом была проведенная императором Николаем I масштабная модернизация рекрутской системы комплектования. Серьезные изменения были привнесены во все элементы рекрутской повинности – систему её раскладки, практику подготовки и проведения наборов [4, с. 172–176].

Посмотрим теперь на то, насколько эффективными оказались результаты предпринятых в 1830–1840-е годы усилий по модернизации рекрутской повинности в годы Крымской войны на примере одного из исторических регионов страны – Европейского Севера России (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии). За годы войны в губерниях региона было проведено шесть рекрутских наборов: один общий с обеих полос империи и частные очередные – 10-й, 11-й и 12-й с Восточной (Вологодская губерния) и 11-й и 12-й с Западной (Архангельская и Олонецкая губернии) полос империи. Как можно видеть из материалов таблицы, всего в регионе планировалось собрать по раскладке 25712 рекрутов, и в то число было набрано «натурой» 23037 человек (или 89,60% от общего числа), ещё за 2629 рекрутов (10,22%) были внесены деньги или представлены рекрутские зачетные квитанции и, наконец, «в недоимке» остались 46 рекрутов (0,18%). По данным Л.Г. Бескровного, в 1853–1856 гг. по всей России было набрано в армию 879000 человек [5, с. 78–79], следовательно, новобранцы из состава населения Европейского Севера страны составили 2,62% молодого пополнения. Примечательно, что в 1830-х – начале 1850-х годов на Европейском Севере по раскладке требовалось собрать 34762 рекрута, поступило в войска 29863 человека (85,91%), смогли откупиться 4772 человека (13,73%) и «в недоимке» оказалось 125 рекрутов (0,36%) [4, с. 210–211]. Из этих данных видно, насколько большими были масштабы набора в армию в годы Крымской войны

– за три года было взято на военную службу до $\frac{3}{4}$ общего числа рекрутов, отправленных в войска за два предшествовавших десятилетия. В то же время заметно, что число не поставленных в армию рекрутов было ранее крайне невелико и во время войны снизилось в два раза. Последний момент можно объяснить применением на практике норм о снижении требований к росту и здоровью армейского пополнения в ходе «усиленных» и «чрезвычайных» рекрутских наборов по повышенным нормативам, которые и проводились в 1853–1855 гг. Кроме этого, обращает на себя внимание снижение доли тех, кто смог откупиться от рекрутской повинности, что объясняется увеличенными нормативами наборов. На губернском уровне видна несколько иная картина, поскольку если население Вологодской и Олонецкой губерний имело право, как и было установлено по всей стране, на приобретение рекрутских зачетных квитанций, то в Архангельской губернии представители податных сословий могли дополнительно откупаться от службы в армии за 300 рублей серебром.

Таблица

**РЕЗУЛЬТАТЫ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ
В ГУБЕРНИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
в 1853–1855 гг.***

Вологодская губерния					Архангельская губерния					Олонецкая губерния				
Год	1	2	3	4	Год	1	2	3	4	Год	1	2	3	4
1853	3837	3715	122	0	1854	922	475	447	0	1854	1029	901	128	0
1854	4648	4584	64	0	1854	1026	542	438	46	1854	1142	1043	99	0
1855	3864	3832	32	0	1855	1024	457	567	0	1855	885	809	76	0
1855	3890	3845	45	0	1855	Набор не проводился				1855	Набор не проводился			
Всего	18170	17874	296	0	Всего	3672	1738	1888	46	Всего	3870	3425	445	0

*Составлено по: [4, с. 210–211].

Примечание: 1 – следовало собрать рекрутов по раскладке (норматив набора); 2 – собрано рекрутов «натурой»; 3 – зачтено рекрутов по квитанциям (в Архангельской губернии также внесено денег за рекрутов); 4 – осталось рекрутов в недоимке.

Таким образом, данные по рекрутским наборам периода Крымской войны на Европейском Севере России показывают, что модернизированная рекрутская система комплектования вполне справлялась со своей задачей – набором в полном числе и в срок значительных армейских пополнений. Однако в условиях крупномасштабного вооруженного конфликта с применением массовых армий вся военная организация России перестала соответствовать требованиям времени, что значительно подрывало военный потенциал страны.

Литература

1. Свечин, А. А. Эволюция военного искусства / А. А. Свечин. – Москва: Академический проект, 2002. – 864 с.
2. Лифчак, Б. Ф. История ополчения в вооруженных силах России XIX в.: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук / Б. Ф. Лифчак; Ин-т истории АН СССР. – Москва, 1966. – 36 с.

3. Лапина, И. Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук / И. Ю. Лапина; Республиканский гуманитарный институт СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2008. – 42 с.

4. Иванов, Ф. Н. Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831 – 1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний): монография / Ф. Н. Иванов. – Москва: Перо, 2016. – 212 с.

5. Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. – Москва: Наука, 1973. – 616 с.

УДК 930.1

ПРОФСОЮЗЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1950 ГГ.)

Карпов Сергей Григорьевич

профессор, кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

ksg-asics@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены организационные изменения в профсоюзах и основные направления их деятельности в послевоенный период.

Ключевые слова. Профсоюз, производственная деятельность, социальные вопросы, культурно-массовая работа.

THE UNIONS OF THE VOLOGDA REGION IN THE POSTWAR PERIOD (1945–1950)

Karpov Sergey Grigorievich

Professor, candidate of historical Sciences, associate Professor

Vologda state University

Vologda, Russia

ksg-asics@yandex.ru

Abstract. The article considers the organizational changes in the trade unions and the main directions of their activities in the postwar period.

Keywords. Trade Union, industrial activities, social issues, cultural-mass work.

Окончание Великой Отечественной войны выдвинуло на первый план задачи по восстановлению экономики страны и налаживанию мирной жизни. Четвертый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. содержал напряженные задания во всех сферах экономики и социальной жизни. Руководство страны рассматривало

профсоюзы как мощную общественную организацию в деле мобилизации населения для решения социально-экономических задач.

Задачи, поставленные перед профсоюзами после окончания войны, требовали совершенствования их организационной структуры. В Вологодской области, как и в стране в целом, насчитывалось огромное количество малочисленных профсоюзных организаций, которые непосредственно подчинялись отраслевым ЦК, находившимся в Москве. Отсутствие координации деятельности профсоюзов на уровне республик, краев и областей существенно затрудняло их работу по мобилизации масс на решение экономических и социальных задач, стоявших перед страной. Многие профсоюзные активисты не имели практического опыта и должной теоретической подготовки, нередко нарушались нормы профсоюзной демократии.

В связи с этим 1 октября 1948 г. XIX пленум ВЦСПС принял постановление об образовании в республиках, краях и областях Советов профессиональных союзов. Советам профсоюзов поручалось координировать все направления деятельности профсоюзных организаций республик, краев и областей.

20 октября 1948 г. первая Вологодская областная межсоюзная конференция профсоюзов избрала областной Совет в составе 29 членов и 7 кандидатов, а также ревизионную комиссию в составе 5 человек. Председателем областного Совета профсоюзов стал А.В. Розанов, секретарем – И.М. Иванов [1, 1948, 23 октября]. На тот момент областному Совету профсоюзов подчинялись 40 отраслевых профсоюзных организаций.

Структура и штаты областного Совета утверждались ВЦСПС. Так в марте 1951 г. штатное расписание Вологодского Совета профессиональных союзов включало следующие должности: председатель, секретарь, 2 старших инструктора, 3 инструктора, старший инструктор по кино, главный бухгалтер, инструктор-ревизор по соцстраху, управделами, шофёр, курьер-уборщица. В 1953–1955 гг. в штате Совета добавились должности секретаря-машинистки, заведующей профсоюзным кабинетом, библиографа-библиотекаря, инструктора по киноинспекции.

Структура профсоюзных организаций области постоянно менялась. К началу 1951 г. Вологодский областной Совет профсоюзов объединял 25 областных, дорожных и бассейновых комитетов, в непосредственном подчинении которых находилось 7 горкомов, 252 райкома, 86 райгруппкомов, 146 ФЗМК, 409 месткомов, 224 рабочкома, 3 пристанкома, 1 линейный комитет, 6 объединенных комитетов, 3 постройкома, 31 профком, 237 профгрупп.

В апреле 1949 г. X съезд профсоюзов СССР принял новый Устав, в котором подчеркивалось, что профсоюзы строятся на основах демократического централизма по производственному принципу, на них были возложены весьма разнообразные и масштабные задачи: производственные, социально-бытовые, воспитательные и культурно-массовые.

В центре внимания профсоюзов находились вопросы выполнения производственных планов. Основным методом решения этой задачи являлось

соревнование. 8 июня 1946 г. президиум ВЦСПС принял постановление «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана восстановления и развития народного хозяйства СССР» [5, л. 22]. Постановление обязало все профсоюзные организации обеспечить широкий размах соревнования во всех отраслях промышленности, на транспорте, строительстве, совхозах и МТС. На профсоюзные комитеты всех уровней возлагались задачи по оперативному руководству соревнованием.

Президиум Вологодского облсовпрофа для пропаганды опыта работы новаторов организовал регулярное проведение «стахановских четвергов» с докладами передовиков производства и инженерно-технических работников о новых методах работы. Эти мероприятия освещались по радио и в газете «Красный Север», проводились собрания трудовых коллективов с обсуждением передовых методов труда [2, л. 13]. Большое внимание уделялось индивидуальным формам соревнования. Для участия в соревновании было определено более 30 ведущих профессий: электропилищики, трактористы, токари, слесари, кузнецы, котельщики, маслоделы, штукатуры, маляры, ткачи, продавцы и др.

Для привлечения рабочих к управлению производством и стимулирования выполнения производственных планов власти вернулись к практике заключения коллективных трудовых договоров. Коллективные договоры послевоенного времени являлись соглашением между администрацией предприятия (организации) и рабочими (служащими) в лице профсоюзных органов, устанавливающим обязательства предприятия, работников и профсоюзной организации по выполнению и перевыполнению производственного плана, обеспечению материальных, культурно-бытовых и других условий труда. Практическая ценность коллективных договоров виделась властями в том, что они позволяли мобилизовать трудящихся на выполнение задач, поставленных КПСС.

Кроме производственных показателей коллективные договоры содержали обязательства администрации и профсоюзов по улучшению условий труда, жилищно-бытового и культурного обслуживания трудящихся, организации летнего отдыха детей, развития физкультурно-спортивной работы. Решение этих задач также было возложено на профсоюзы.

Важным направлением деятельности профсоюзов являлась организация политико-воспитательной и культурно-массовой работы. Именно на профсоюзы как самую массовую организацию, объединявшую большую часть работающего и беспартийного населения, правящая партия возлагала задачи проведения многочисленных политических кампаний. Профсоюзы участвовали в организации выборов в высшие и местные органы власти, выборов судей и народных заседателей, вели агитационную и пропагандистскую работу, как на производстве, так и по месту жительства. Одной из важнейших политических задач послевоенных лет стало участие профсоюзов в органи-

зации подписки населения на государственные займы восстановления и развития народного хозяйства СССР.

Культурно-массовая работа также находилась в ведении профсоюзов, которые располагали солидной материально-технической базой. В 1940-е гг. она насчитывала 75 клубов, 33 библиотеки, 33 киноустановки, свыше 700 красных уголков. В 1949 г. на Вологодчине состоялся общественный смотр культурных учреждений профсоюзов области, в котором приняли участие десятки трудовых коллективов [3, л. 1].

По мере налаживания мирной жизни перед профсоюзами встала задача вывести спортивную жизнь области на новый уровень. 16 марта 1949 г. президиум областного Совета профсоюзов утвердил план мероприятий по физкультурно-спортивной работе в профсоюзных организациях области. План предусматривал: создание новых физкультурных коллективов, двукратное увеличение числа спортсменов, проведение смотра-конкурса коллективов физической культуры предприятий, учреждений, МТС, совхозов, учебных заведений, усиление контроля физкультурной работы в школах, осуществление подбора инструкторов-общественников для спортивных секций [2, л. 118–120].

Одной из острых социальных проблем послевоенного времени стало наличие десятков тысяч детей, потерявших родителей в годы войны. Для борьбы с беспризорностью государство создало сеть детских приёмников и детских домов, но средств для обеспечения детей не хватало. В Вологодской области 105 предприятий и профсоюзных организаций осуществляли шефство над 107 детскими домами. Так, завод «Северный коммунар» шефствовал над Погореловским детским домом, ВПВРЗ – над Шалыгинским, Шекснинский леспромхоз – над Кирилловским детским домом и т. д. [4, л. 24]. Многие предприятия области оказывали шефскую помощь образовательным учреждениям области.

Таким образом, в послевоенные годы профсоюзы проводили масштабную организаторскую и воспитательную работу в трудовых коллективах, мобилизуя людей на решение задач по восстановлению и развитию народного хозяйства страны. Формально профсоюзы считались самой массовой общественной организацией, но по существу являлись элементом государственной машины, во главе которой находилось руководство Коммунистической партии. Указания правящей партии являлись законом для профсоюзов, поэтому их деятельность была в первую очередь направлена на решение хозяйственных задач любой ценой. В этих условиях забота о людях уходила на второй план, хотя многие профсоюзные организации даже в сложных условиях послевоенного времени много сделали для улучшения условий труда и отдыха своих работников.

Литература

1. Красный Север: орган Вологодского областного и городского комитетов ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся.

2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ). – Ф. 9805. – Оп. 1. – Д. 6.
3. ВОАНПИ. – Ф. 9805. – Оп. 1. – Д. 22.
4. ВОАНПИ. – Ф. 9805. – Оп. 1. – Д. 75.
5. ВОАНПИ. – Ф. 9817. – Оп. 1. – Д. 167.

УДК 94 (4)

ЗАПАДНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ РУБЕЖА XIX–XX в.

Киселева Ольга Анатольевна

доцент, кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

olgakiseleva03@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание западного конституционализма нового времени в интерпретации российских авторов рубежа XIX–XX в. Анализируются его признаки, типы, исторические условия и традиции формирования. Определяются причины интереса российских ученых к данной проблеме.

Ключевые слова. Гражданское равенство, закон, конституционное государство, монархия, парламент, политическая история, республика.

THE WESTERN CONSTITUTIONAL STATE IN THE RUSSIAN SCIENTIST S' WORKS (THE END OF THE 19-th – THE BEGINNING OF THE 20-th CENTURY)

Kiseleva Olga Anatolievna

*Associate Professor of the Department of World History and Social-Economic
disciplines, Candidate of History*

Vologda State University

Vologda, Russia

olgakiseleva03@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Russian scientists' interpretation of the western constitutionalism's essence. The author analyses its types, history and traditions. The reasons of the Russian authors' attention to this problem are described too.

Keywords. The civil equality, the constitutional state, the law, the monarchy, the parliament, the political history, the republic.

Исследование истории становления и функционирования западного конституционализма, равно как и его изучение в высшей школе [1, с. 47–48], является крайне актуальной проблемой. Это осознавали ученые разных

эпох. В России впервые глубокий его анализ был дан в конце XIX – начале XX в., когда в странах Запада уже доминировали конституционные порядки и было признано, что главной чертой конституционного государства, в отличие от абсолютизма, является самоограничение власти, зафиксированное в Основном законе страны. Наряду с академическим интересом, российскими авторами либерального толка владел мощный общественно-политический мотив: убежденность в необходимости замены самодержавия в России конституционной формой правления. Как стремление познакомить общество с историей, сущностью и перспективами развития конституционализма следует расценивать издание сборника «Конституционное государство» [2]. Ту же цель преследовала публикация в 1905 г. собрания текстов «Современные конституции», сопровождавшаяся краткими, но емкими комментариями [3].

Проблемы политической истории зарубежных стран, типологизации существовавших в них властных институтов привлекали внимание историков, правоведов и публицистов – В.В. Водовозова, В.М. Гессена, А.Д. Градовского, А.К. Дживелегова, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, С.А. Котляревского, Н.И. Лазаревского, П.Г. Мижуева, М.И. Свешникова и многих других. По мнению большинства из этих ученых, современное им государство в ведущих странах Запада правомерно было называть не только конституционным, но и народно-представительным, так как сформированный на основе выборов и обладавший законодательной властью орган управления – народное представительство – в значительной мере определял характер их внутренней и внешней политики [4, с. 3]. Н.И. Кареев выделял три главных признака конституционного государства XIX – начала XX в.: существование в нем народного представительства в форме парламента; гражданское равноправие в противоположность делению общества на сословия в эпоху Старого порядка, когда объем прав и обязанностей человека определялся его сословной принадлежностью; индивидуальная личная свобода и гарантия ее неприкосновенности как антитеза неограниченной власти абсолютистского государства над подданными в раннее новое время. Ученый признавал особую важность последнего из названных признаков и подчеркивал, что сама представительная система может рассматриваться как один из механизмов обеспечения личной свободы и прав граждан [4, с. 2–4]. Н.И. Лазаревский оценивал в качестве самой эффективной формы контроля народного представительства за деятельностью других органов управления его право утверждать государственный бюджет [5, с. 244].

Будучи общими для ведущих стран Запада нового времени, в каждой из них эти принципы внедрялись в практику в разное время и в различной форме. Российские авторы выделяли две традиции в истории развития западного конституционализма: англосаксонскую и континентально-европейскую. Если для первой, по их мнению, главной чертой являлась преемственность в эволюции политических институтов, то для второй – революционная ломка старых учреждений. При этом они настаивали на том, что к началу XX в. именно

английское законодательство в наибольшей степени воплощало принципы конституционного народно-правового государства [4, с. 434].

К концу XIX в. из двух форм конституционного правления – монархии и республики – в Европе возобладала конституционная монархия. Из стран «первого эшелона» республиканскими были США и Франция. П.Г. Мижуев, одним из первых в России занявшийся изучением американской истории, писал, что американское государство, хотя и возникло в результате революции, но революции не социального, а политического характера, так как ее главной причиной был конституционный конфликт, вызванный отказом переселенцев признавать прерогативу английского парламента, в частности его право введения налогов без их на то согласия [6, с. 6].

По мнению А.Д. Градовского, в Западной Европе существовал ряд факторов, придававших устойчивость монархической форме правления. Во-первых, в отличие от эпохи абсолютизма, в конституционно-монархическом государстве власть короля ограничена законами: будучи главой государства, монарх должен был следовать действовавшим в стране нормам права и прививать уважение к ним своим подданным. Во-вторых, большинство европейских держав имели свои исторические династии, тесно связанные с судьбами страны, вследствие чего население воспринимало их как воплощение национальной исторической традиции. В-третьих, в ряде стран правящие династии пользовались популярностью в силу роли, сыгранной ими на переломных этапах в истории государства. Ярким примером являлась Савойская династия, способствовавшая объединению Италии в 50–60-х г. XIX в. В-четвертых, по мнению ученого, существование монархической власти позволяло удачно сочетать в политике стабильность и преемственность. С одной стороны, прерогатива и авторитет монарха, защищаемые нормами права, были способны предотвращать радикальные повороты в управлении страной, включая нелегитимные захваты власти. С другой стороны, как показала история, монарх, оставаясь главой государства при меняющихся составах парламента и правительства, приобретал беспрецедентный опыт, обеспечивая преемственность внутри- и внешнеполитического курса страны. Наконец, монархическая власть, осуществляемая сильной, заслуженной династией, в известной мере зависела от партий. Это позволяло ей в критических для страны ситуациях выступать от имени всей нации и объединять общество или значительную его часть в поддержку государства [7, с. 108].

Своеобразным воплощением национальных государственно-политических традиций, складывавшихся в течение многих столетий, российские ученые фактически единодушно считали английскую монархию, функционировавшую на основе одного из главных принципов любого конституционного государства: «В Англии король не может желать того, чего нет в законе». Подчеркивая отсутствие в Англии «писаного» текста конституции, исследо-

ватели указывали, что ее стержнем являются исторические нормы, «устанавливавшие распределение верховной власти в государстве» и призванные обеспечить реализацию главного постулата конституционного правового государства: «...разрешено все, что прямо не запрещено законом» [8, с. 43, 45]. Большинство из них выражали уверенность в том, что в исторически обозримой перспективе конституционные институты укоренятся и в России.

Литература

1. Киселева. О. А. Об изучении политической истории ведущих стран Запада в новое время / О. А. Киселева // Проблемы изучения всеобщей истории в средней и высшей школе: тезисы научной конференции 19-20 апреля 1994 г., г. Псков / ПГПИ им. С.М. Кирова. – Псков, 1994. – С. 47-50.
2. Конституционное государство. Политический строй современных государств: сборник ст. П. Г. Виноградова, В. М. Гессена, М. М. Ковалевского, Н. Е. Кудрина, М. А. Рейснера и др. – Санкт-Петербург: Г.Ф. Львович, 1905. – XI1, 653 с.
3. Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / пер. под. ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена и Б. Э. Нольде. – Санкт-Петербург: кн. склад «Право», 1905. – 220 с.
4. Кареев, Н. И. Происхождение современного народно-правового государства. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. / Н. И. Кареев. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – X, 496 с.
5. Лазаревский, Н. И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений / Н. И. Лазаревский // Конституционное государство: сб. статей / сост. И. В. Гессен, А. И. Каминка. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – С. 179-252.
6. Мижухев, П. Г. Великий раскол англо-саксонской расы / П. Г. Мижухев. – Санкт-Петербург: Брокгауз - Ефрон, 1901. – 234 с.
7. Градовский. А. Д. Государственное право важнейших европейских держав / А. Д. Градовский. – Санкт-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1895. – 528 с.
8. Мижухев, П. Г. Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы / П. Г. Мижухев. – Санкт-Петербург: Русская скоропечатня, 1906. – 165 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 1991–1995 ГГ.

Попова Ксения Евгеньевна

студент 5 курса исторического факультета

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

shipula1123@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления парламентских партий, а также предпринимается попытка проследить взаимовлияние исторических процессов на партийный спектр Российской Федерации в ранний постсоветский период.

Ключевые слова. Политические партии, выборы, Государственная дума, плюрализм, оппозиция, партия власти.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARY PARTIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND SOCIAL-ECONOMIC PROCESSES IN 1991–1995

Popova Ksenya Evgenievna

the 5th year student of the historic faculty

Vologda State University

Vologda, Russia

shipula1123@rambler.ru

Abstract. The article examines particular formation characteristics of parliamentary parties and attempts to observe mutual influence of historic processes on party range of the Russian Federation during early post-soviet years.

Keywords. Political parties, elections, the State Duma, pluralism, opposition, a government party.

Современные парламентские партии Российской Федерации представляют собой сложные устойчивые структуры, формирование которых началось вместе с распадом советской системы и продолжается до сих пор. Именно на первом этапе, с началом формирования избирательного законодательства и после выборов в Государственную думу второго созыва, сложилась база для развития российского плюрализма и политической мысли. В отечественной науке история партий получила широкое освещение в по-

литологических и социологических исследованиях, но не менее важно проследить их становление, оценить деятельность и вклад в институт многопартийности сквозь призму исторических событий.

В полной мере невозможно рассмотреть период становления парламентских партий, не уделив внимания их зарождению. С перестройкой пришел политический плюрализм, который подготовил почву для образования мелких депутатских групп, обществ, клубов – будущих массовых партий. Это стало возможным на фоне переживавшей упадок КПСС. Во второй половине 1980-х гг. раскол проявился, прежде всего, в делении членов партии на сторонников и противников перестройки. На XIX Всесоюзной партийной конференции, последней в истории КПСС, генеральный секретарь ЦК М.С. Горбачев заявил, что необходимо «четко разграничить функции партийных и государственных органов в соответствии с ленинской концепцией роли Коммунистической партии как политического авангарда общества и роли Советского государства как орудия власти народа» [1]. На деле разграничение полномочий правящей партии и Советов ознаменовало предпосылку к созданию многопартийности. Закостенелая партия уже не могла сдерживать нарастание противоречий не только внутри страны, но и внутри себя.

Противники КПСС, имея перед собой партию, которую уже невозможно было отделить от государства, не стремились оформить свою идеологическую основу. Вся конструктивная часть строилась только на антикоммунистической риторике. Между тем как системная оппозиция («Демократическая Россия» и др.), так и несистемная («Демократический союз» и др.) объединяли в себе самые разные, порой абсолютно противоположные течения и группировки. Это привело к тому, что после путча в августе 1991 г., когда КПСС была запрещена, внутри демократов началась борьба за лидерство. Другой удар был нанесен курсом самого Б.Н. Ельцина. В ноябре 1991 г. блок «Народное согласие» заявил о своем намерении выйти из Движения «Демократическая Россия», так как вопреки официальной линии объединения выступил за сохранение государственного единства СССР и против моратория на запрет о пересмотре границ. Оба события сказались на размежевании и ослаблении демократического крыла.

Между тем в сентябре 1993 г. противостояние между Верховным Советом и Президентом вылилось в вооруженное восстание. Одним из итогов стало назначение выборов в Государственную думу Федерального собрания по смешанной избирательной системе, которая должна была усилить роль политических объединений. Вместо того чтобы мелким партиям сгруппироваться вокруг более крупных, они начали усиливать представительство в одномандатных округах. Это привело к сильной фрагментации партийной системы, сказавшейся на итогах выборов. Особенно это отразится на проправительственном спектре, который, идя на выборы тремя разным блоками («Выбор России», «Партия российского единства и согласия», «Российское движение демократических реформ»), не будет иметь крупного политического перевеса, что вынудит искать союзников в Думе и за ее пределами.

Авторитет сторонников радикальных перемен подорвали и первые итоги рыночных реформ. Политический скептицизм россиян не способствовал расцвету партий даже в условиях идейно-политического плюрализма [2]. Особенностью партийного спектра, ввиду стремительного ухудшения уровня жизни и социального расслоения, станет снижение привлекательности идеологических партий и усиление роли патронажных. В российской партийной системе главенствующую роль начнет играть не приверженность к определенной системе ценностей, социальной базе или методам, а политические лидеры и стремление обхватить весь электорат. Это приведет к наплыву популистских обещаний в программах, стиранию границ между партиями и партийному «вождизму». Электорат стремился к некой «третьей силе», абстрагировавшейся от «шоковых реформ», коммунистического прошлого, обещавшего улучшение жизни здесь и сейчас. Как итог – падение влияния либерализма в стране, Россия сделает первый поворот к национал-государственной концепции. Это станет одной из причин успеха ЛДПР на первых многопартийных выборах, КПРФ на вторых и «Единой России» в 2003 г. Идеологические же партии, вроде «Выбора России», «Аграрной партии России» либо вынуждены будут слиться с более сильным союзником, либо, как социал-демократическое «Яблоко», иметь стабильную, но не слишком высокую поддержку на выборах.

Испытанием не только для государственности Российской Федерации, но и ее парламентских партий станет чеченский кризис 1994 г., который поделит страну на два лагеря: сторонников и противников военного вмешательства. Особую популярность будут иметь объединения, выступающие за мирное урегулирование конфликта – КПРФ, «Яблоко». Используя антивоенную риторику, им удастся упрочить свои позиции в Думе второго созыва (КПРФ наберет пропорциональное большинство на выборах 1995 г.), в то время как ЛДПР уже не сумеет повторить свой успех, а партия власти «Наш дом – Россия» вновь, вопреки ожиданиям, не получит большинства.

Таким образом, в 1991–1995 гг. были заложены особенности российской многопартийной системы. Партии и движения, образовавшиеся в этот период, стремились к борьбе в рамках закона – посредством получения мест в парламенте. Идеологическая и организационная слабость первых парламентских партий не способствовала консолидации под влиянием политических процессов, а привела к брожению и снижению влияния на электорат. Реформаторские демократические партии этого периода не смогут прочно закрепиться в партийной системе. С началом многопартийных выборов в Государственную думу Российской Федерации обозначились первые парламентские партии, большинство из которых представлены на партийном спектре до сих пор.

Литература

1. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет: в 2 т. Т. 1. – Москва: Политиздат, 1988. – 352 с.
2. Согрин. В. В. Политическая история современной России / В. В. Согрин. – Москва: Весь мир, 2001. – 272 с.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ 1917–1921 ГОДОВ

Саблин Василий Анатольевич

*декан исторического факультета, заведующий кафедрой всеобщей
истории и социально-экономических дисциплин,
доктор исторических наук, доцент
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
Sablin@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам преимущественно аграрной революции 1917–1921 гг. на Европейском Севере России. Автор акцентирует внимание на вопросах ликвидации поземельной собственности, подчеркивает, что она проводилась самими крестьянами и соответствовала их представлениям о справедливом общественном устройстве. События 1917–1921 гг. в деревне рассматриваются как смена аграрного строя страны. Автор указывает на происходившую архаизацию сельского хозяйства, на превращение государства в абсолютного собственника земли.

Ключевые слова. Гражданская война, аграрная революция, Европейский Север России, крестьянское хозяйство, земледелие.

THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR IN THE NORTHERN VILLAGE OF 1917–1921

Sablin Vasily A.

*Dean of the Faculty of History, Head of the Department of World History
and socio-economic disciplines, doctor of historical sciences, professor
Vologda State University
Vologda, Russia
Sablin@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to the issues of the predominantly agrarian revolution of 1917–1921 in the European North of Russia. The author focuses attention on the issues of the liquidation of landed property, emphasizes that it was carried out by the peasants themselves and corresponded to their notions of a just social order. Events of 1917–1921 in the countryside are seen as a change in the country's agrarian system. The author points to the ongoing archaization of agriculture, to the transformation of the state into the absolute owner of the land.

Keywords. Civil war, agrarian revolution, European North of Russia, peasant farming, agriculture.

Революция 1905–1907 гг. была первой в истории России революцией, которая представляла собой реакцию общества на издержки самодержавной модернизации, бросала вызов всей европоцентричной, западной модели развития, сложившейся в предшествующее столетие. Великая русская революция 1917–1921 гг., крестьянская по своей основе, служила еще более наглядным примером неприятия традиционным российским социумом форсированных, искусственно насаждавших «вестернизацию» преобразований [1, с. 51, 57].

Преобладание в деревне Европейского Севера мелких, не затронутых модернизацией, полунатуральных крестьянских дворов, экономические интересы которых, при фактическом отсутствии слоя помещиков, входили в противоречие с интересами казны и удела – основных собственников земли, определяло своеобразие крестьянских представлений северных губерний о путях справедливого решения аграрного вопроса в начале XX в., которое выражалось в требовании ликвидации всех форм частной собственности на землю, включая крестьянскую, передачи лесов в заведование крестьянскими сообществами или их организациями, наконец, расширения землепользования за счет государственного финансирования и возможности переселения. В свою очередь это придало аграрной революции на Севере весьма специфические формы.

Следует признать, что в аграрной революции крестьянский социум действовал вполне осознанно. Его безусловное требование «черного передела» было мотивировано, с одной стороны, желанием ликвидировать неупорядоченность землепользования и избавиться от малоземелья, с другой стороны, приумножить свой доход, обеспечить благополучие и стабильность своего хозяйства.

Национализация земли, выразившаяся в основном в конфискации «владельческих земель», отличавшаяся наибольшим напряжением в 1918 г., завершилась на Севере в 1919 г., а в ряде районов и к началу 1920 г. К концу Гражданской войны фонд конфискованных и взятых на учет частновладельческих земель составлял в регионе 300068,66 дес., из которого было распределено 223713,3 дес. земли. Из этой площади 208286, 5 дес. (69,4%) было передано в единоличное пользование крестьянам, 8027,81 дес. (2,7 %) – совхозам, 7398,99 дес. (2,5%) – первым коммуна и артелям, в запасном фонде было оставлено 76355,36 дес. (25,4%). Прирост крестьянского землепользования оказался незначительным и составил около 3,8%. Параллельно силами самого крестьянства, при неизменной поддержке властей, был проведен «черный передел» земли. Было достигнуто максимальное соответствие размера полевого участка и размера семьи.

Противоположные цели в земельном вопросе преследовал аграрно-крестьянский курс белого правительства в Архангельске – Верховного Управления Северной области и сменившего его Временного правительства Северной области. Аграрное законодательство белой власти (1918–1920 гг.), при условии его претворения в жизнь, преследовало цель насаждения в деревне «крепкого» крестьянского хозяйства, основанного на применении для обработки земли в основном сил владельца земельного участка и членов его

семьи, свободных от принудительной опеки общины. С этой целью правительство пошло на установление «трудовой» нормы пользования внеадельной землей в размере 11 дес. на двор. Все, что превышало норму, подлежало отчуждению и передаче в особый арендный фонд земства. Устанавливался особый порядок бессрочной аренды с правом наследования. Крестьянство, однако, воспротивилось пересмотру результатов «черного передела», и белая власть под влиянием политической конъюнктуры лета–осени 1919 г. фактически отложила до неопределенных времен реализацию своего аграрного курса [2, с. 94–95]. Восстановление советской власти в Архангельской губернии сопровождалось возобновлением процесса нивелировки аграрных отношений.

Важнейшим следствием аграрной революции стало изменение социального облика крестьянства. В 1920/21 г. крестьянское хозяйство было наиболее однородным за всю свою историю. Глобальная нивелировка социально-экономической структуры деревни, происходившая на основе натурального, по существу присваивающего хозяйства, приводила к своеобразной самоизоляции аграрной сферы.

Обратной стороной этого процесса стала усиливающаяся деградация взаимоотношений с промышленным городом. Беззащитность горожанина в продовольственном отношении, дефицит средств и сырья провоцировали особую агрессивность в способах и методах проведения фискальной политики в деревне, которая со временем все более приобретала репрессивный характер. До осени 1918 г. налоговая система в деревне в целом сочетала в себе дореволюционные платежи и стихийную советскую налоговую практику, идущую снизу и закрепленную в соответствующих декретах. С 1919 г. вмешательство государства в деревенское хозяйство становится более энергичным и выливается в наиболее радикальный способ получения продуктов крестьянского труда – продовольственную разверстку. Введение продразверстки послужило отправной точкой для формирования системы натуральных общегражданских повинностей, завершившегося окончательно к 1921 г. Абсолютные показатели всех крестьянских платежей в 1920/21 г. сравнялись с уровнем 1912 г.

Продразверстка, накладывавшаяся на такие факторы, как снижение поставок хлеба из центра, разруха, аграрное перенаселение, находившее свое выражение в росте численности крестьянских дворов (в 1920 г. на 10,9% по сравнению с 1917 г.), сокращение размеров семьи, недостаток рабочих рук и обремененность деревни нетрудоспособными членами, падение экономической мощности и слабая производственная база, оказывали значительное влияние на развитие крестьянского хозяйства. Под их воздействием в хозяйстве сокращаются размеры посевных площадей до минимальной потребительской нормы (с 2,0 дес. в 1917 г. до 1,2 дес. в 1920 г.), изменяется их структура в пользу продовольственных культур.

Более стабильными показателями развития, по сравнению с другими регионами страны, отличалось северное животноводство. Незначительное

сокращение поголовья рабочего скота (на 8,0% по региону) не имело катастрофических последствий для сельского хозяйства, и потенциальные возможности подъема земледелия сохранялись здесь в большей степени. Существенное уменьшение стада крупного рогатого скота касалось только хозяйства с промышленным животноводством.

При общем снижении личного потребления подавляющая часть расходного бюджета крестьянской семьи приходилась на продукты питания. Даже наименее обеспеченный северный крестьянин в это время питался лучше городского рабочего. Создававшийся доходный дефицит по-прежнему восполнялся за счет промысловых заработков. Наибольшее развитие получили те виды промыслов, которые были связаны с производством продуктов питания (рыболовство, охота, плодово-ягодный промысел и др.), а также те, в которых было заинтересовано государство: лесозаготовки и деревообработка.

Отмеченные позитивные моменты деревенского хозяйствования лежали в плоскости сугубо внутренних потребностей крестьянского двора, были в малой степени связаны с интересами государства и фактически не были ориентированы на рынок. Производство все более приобретало натуральный характер, хотя некоторый излишек продукции, главным образом промысловой и животноводческой, позволял несколько расширить товарооборот в рамках региона. Тем самым сохранялись, пусть в ограниченном объеме, стимулы к расширению сельскохозяйственного производства крестьянского двора. В 1919/20 г. доля продукции, приобретаемой горожанами на «вольном» рынке путем обмена или платы за работу составляла на Европейском Севере примерно 30–40% по отношению ко всей массе продуктов.

Падение благосостояния деревни увеличивало число дворов, вынужденных прибегать к услугам рынка для приобретения продуктов питания и семян. Согласно бюджетным обследованиям, разница между покупками и продажами крестьянской семьи в Северо-Двинской губернии, например, составляла до войны 28,4 руб. в пользу последней, а в 1920/21 г. уже покупки превышают продажу на 11,1 руб. Обратные покупки в крестьянских хозяйствах этой губернии фактически равнялись отчуждению продуктов по продразверстке — 30,7 руб. против 29,6 руб. Закономерен вывод о том, что именно продразверстка являлась первопричиной отрицательного баланса покупок и продаж.

Восполнить дефицит продуктов питания и приобрести промышленные товары крестьянин мог только за счет продажи продукции промыслов и, главным образом, скота. Определенная часть необходимого объема продуктов питания восполнялась за счет продажи зерна. В 1920 г. примерно 0,5% крестьянских дворов всех северных губерний имели избыток хлеба и могли предложить его на рынок. В любом случае важнейшей чертой крестьянского оборота в силу указанных выше причин явилось увеличение числа приобретающих и сокращение числа продающих дворов.

Таким образом, аграрная революция изменила систему поземельных отношений в стране. Государство превратилось в абсолютного собственника земли, предоставив хозяйствующим субъектам права землепользователей.

Выдвинув крестьянский двор на роль основного производителя сельскохозяйственной продукции, революция одновременно архаизировала его производственные связи, раздробила и измельчила его структуру. В условиях «военного коммунизма» стремление власти направить деревенское производство в нужное ей и регулируемое русло, извлечь при этом максимум продукции и складывающаяся система управления деревенским производством постепенно приобретали характер глобального принуждения. Мелкое, ослабленное хозяйство пыталось противостоять этому натиску путем дальнейшего сворачивания производства и замыкания в потребительских рамках.

В результате важнейшим итогом революции явилась масштабная архаизация и возврат государства к традиционному (аграрному) обществу. Специфика исторического развития России в 1920-е годы (установление диктаторского правления одной политической партии, переросшей в диктатуру вождя), конечно же, придавала этим процессам своеобразие, но не меняла, а скорее укрепляла каркас из несущих конструкций аграрного общества [3, с. 5].

Литература

1. Красильщиков, В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В. А. Красильщиков. – Москва: РОССПЭН, 1998. – 148 с.

2. Саблин, В. А. Аграрная политика белых правительств на Европейском Севере России и в Сибири во второй половине 1918–1919 гг. (проблема выработки общего курса) / В. А. Саблин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – С. 90–96.

3. Безнин, М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: тезисы научного доклада / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда: Легия, 2003. – 36 с.

УДК 93/94(063)

КОРРУПЦИОННЫЕ СКАНДАЛЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БРАЗИЛИИ

Черняев Андрей Алексеевич

студент исторического факультета

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

Chernyaev.A.A@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние крупнейших коррупционных скандалов на политические процессы в Бразилии. Делается вывод о том, что крупнейшие коррупционные скандалы приводили к институциональным трансформациям политической системы страны.

Ключевые слова. История Бразилии, коррупция, политические скандалы, импичмент, партии Бразилии.

CORRUPTION SCANDALS AS A FACTOR OF POLITICAL DEVELOPMENT OF BRAZIL

Chernyaev Andrey Alekseevich

student of the Historical Faculty

Vologda State University

Vologda, Russia

Chernyaev.A.A@mail.ru

Abstract. The article examines the impact of the largest corruption scandals on the political processes in Brazil. The conclusion is drawn that the largest corruption scandals led to institutional transformations of the country's political system.

Keywords. History of Brazil, corruption, political scandals, impeachment, parties of Brazil.

Основной причиной политических скандалов в новейшей истории Бразилии является раскрытие коррупционных схем, связанных с муниципальной, федеральной властью и государственными компаниями. Проблема коррупции в высших эшелонах руководства страны особую актуальность приобрела ещё во времена создания республики в 1890-е гг.; а в 1930-е гг. она вышла на новый уровень в связи с развитием бюрократического аппарата и отсутствием контроля со стороны общественности. Однако демократизация страны в середине 1980-х гг. способствовала более широкому вниманию к коррупционным делам со стороны формирующегося гражданского общества, что автоматически влияло на политические процессы в стране. В итоге за время существования Новой республики (1985 – наше время) количество коррупционных скандалов в отношении влиятельных политиков составило не один десяток. По данным соцопроса, проведённого DataFolha в 2009 г., 43% бразильцев связывали коррупцию непосредственно с политикой и государством. Причём 92% указали на коррупцию в конгрессе; 88% – в институте президентства и министерствах; 1/3 заявила, что без завлечения в коррупционные схемы заниматься политикой невозможно [1].

Один из первых крупных коррупционных скандалов был связан с президентом Ф. Колором, представлявшим либеральную коалицию вокруг Партии реконструкции и развития (ПРР). Главу государства уличили в участии в коррупционных схемах, о которых сперва публично заявил его собственный брат. После этого была создана парламентская комиссия, подтвердившая на основе огромного количества фактов вовлечённость президента в финансовые аферы и использование государственных средств для личного обогащения. Судебные иски были возбуждены также и в отношении ряда бывших министров. В итоге к середине августа 1992 г. Палата депутатов запустила процедуру импичмента, которая проходила в условиях бурных парламентских и общественных дискуссий, а также массовых выступлений на улице. В результате парламент сперва отстранил президента от полномочий

на 180 дней, а когда его вина была доказана – 30 декабря 1992 г. лишил его власти. Причём исследователи отмечали, что данный прецедент имел историческое значение, поскольку процедура импичмента прошла исключительно в конституционных рамках и связана была с высокой активностью гражданского общества [2, с. 322].

События, связанные с импичментом, вызвали и определённые изменения в партийно-политической системе страны. От президента отвернулась Партия либерального фронта (ПЛФ), заявившая о свободе голосования своей фракции по вопросу импичмента. Одновременно широкую деятельность развернули левые силы под предводительством Партии трудящихся (далее – ПТ), которые требовали изменения избирательного законодательства и объединились в коалицию с правоцентристской Партией бразильского демократического движения (далее – ПБДД). Это стало предпосылкой бразильской специфики формирования коалиций, когда правые партии объединялись с левыми, а левые – с правыми. Кроме того, завершение импичмента Ф. Колору повлекло в дальнейшем важные институциональные реформы, проведённые следующими президентами – И. Франку (утверждение президентской республики) и Ф. Кардозу (стабилизация экономики, сокращение президентского срока с 6 до 4 лет, право президента избираться на второй срок).

Новая волна коррупционных скандалов в высших политических кругах пришлось уже на время правления коалиции, возглавляемой ПТ. В 2012 г. начался процесс по делу о коррупции в высших эшелонах власти в 2005–2006 гг., в котором было замешано 38 человек (министры, депутаты правящей коалиции вокруг ПТ, крупные бизнесмены, многие из которых являлись помощниками и соратниками действующего тогда президента Лулы да Силвы). Новое разоблачение руководящих кругов пришлось на 2013 г., что отразилось на результатах выборов 2014 г., показавших постепенное изменение предпочтений избирателей в пользу правых и центристских партий.

Однако ключевым скандалом являлось дело «Автомойки», связанное с государственной нефтяной компанией Petrobras. Данное расследование установило факты массового отмыwania денег и взяточничества, в которых были замешаны высокопоставленные чиновники, депутаты и министры. В связи с этим действующему президенту Д. Русеф, представляющую ПТ, были предъявлены обвинения в использовании рычагов влияния для того, чтобы тормозить процесс расследования и создать иллюзию профицита бюджета. Помимо этого, Д. Русеф в годы президентства Лулы да Силвы являлась членом совета директоров Petrobras и, следовательно, по мнению оппозиционных депутатов, также была замешана в коррупционных схемах. Всё это привело к масштабным выступлениям на улицах в 2015 г. и к запуску процедуры импичмента, завершившейся в сентябре 2016 г. отстранением Д. Русеф. Импичмент вызвал новое размежевание политических сил: из правящей коалиции во главе с ПТ начали выходить правые и центристские партии, пытаясь отгородить себя от данного скандала [3, с. 140]. Однако и нового

президента М. Темера, представляющего уже правоцентристскую ПБДД, обвинили в незаконном финансировании предвыборной кампании и даче взятки спикеру Палаты депутатов Э. Кунью за молчание в вопросе махинаций вокруг компании Petrobras. Теперь и ему грозит процедура импичмента.

В связи с событиями вокруг коррупционных скандалов 2012–2017 гг. прокуроры и судьи штатов в марте 2015 г. подготовили пакет реформ «10 мер против коррупции», предполагающий усиление полномочий судебной власти (ускорение уголовного процесса, ужесточение наказаний) и правоохранительных органов (конфискация имущества) по коррупционным делам, а также борьбу с нелегальными пожертвованиями на политические кампании в обмен на государственные подряды. Следующим этапом реализации данных предложений должна стать структурная реформа политической системы, предполагающая повышение проходного барьера в парламент и переход на парламентскую систему [4]. Пакет реформ вызвал, с одной стороны, противодействие в Национальном конгрессе, а с другой – широкую поддержку общественности. Дальнейшая реализация этого пакета приведёт к новому витку политической трансформации в стране: повышение проходного барьера приведёт к искоренению фрагментарности парламентских сил (сейчас парламент представлен 28 партиями) и связанной с ней сложной системой коалиций; введение парламентской системы правления может ослабить роль президента; а усиление судебных и правоохранительных органов будет содействовать реальному укреплению системы разделения властей. Таким образом, как и предыдущие коррупционные скандалы громкие расследования 2012–2017 гг. могут способствовать очередным институциональным изменениям политической системы.

Литература

1. Datafolha.Instituto de Pesquisas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://datafolha.folha.uol.com.br/opiniaopublica/index.shtml> (дата обращения: 15.05.2017).
2. Окунева, Л. С. Бразилия: особенности демократического проекта: страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.) / Л. С. Окунева. – Москва: МГИМО-Университет, 2008. – 822 с.
3. Черняев, А. А. Коалиционная политика Партии трудящихся Бразилии конца XX – начала XXI вв. / А. А. Черняев // Материалы II Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения (памяти д.и.н., профессора Ю. К. Некрасова)», 20–21 мая 2016 года / [редкол.: В. А. Саблин, А. М. Лютынский, А. И. Пчелинцев и др.]; Вологод. гос. ун-т. – Вологда, 2016. – С. 137-140.
4. DezMedidasContraaCorrupção [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dezmedidas.mpf.mp.br/apresentacao/conheca-as-medidas> (дата обращения: 15.05.2017).

СЕКЦИЯ № 2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

УДК 327.8

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Артёмов Александр Эдуардович

*студент 3 курса факультета глобальных процессов
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
artymov@yahoo.com*

Аннотация. Рост числа конфликтов в международных отношениях побуждает искать причины снижения эффективности модели современной дипломатии. С целью оптимизации этого процесса вырабатываются критерии эффективности дипломатии через призму работы двух ключевых механизмов дипломатии сегодня: конференционной дипломатии и компартиментализации (кластеризации) международных отношений.

Ключевые слова. Дипломатия, ООН, конференционная дипломатия, компартиментализация, национальные интересы.

ASSESSMENT OF MODERN DIPLOMACY EFFECTIVENESS

Artyomov Alexander

*Faculty of Global Studies Lomonosov Moscow State University student
Moscow, Russia
artymov@yahoo.com*

Abstract. As a number of conflicts in international relations is soaring, the science faces the issue of research the reasons why modern diplomacy is becoming less effective. The article elaborates the criteria of effectiveness to optimise the research regarding the way the two key mechanisms of diplomacy work nowadays: conference diplomacy and compartmentalisation of international relations.

Keywords. Diplomacy, UN, conference diplomacy compartmentalization of international relations, reasons d'état.

Проблема устранения конфликтов в международных отношениях является одной из актуальных на сегодняшний день, что обусловлено ростом числа столкновений в мировой политике, которые одновременно и подчеркивают необходимость рассмотрения поставленной проблемы, и являются

прямым свидетельством необходимости изменений и осмысления существующих противоречий в международных отношениях.

Проанализировать эффективность дипломатии на современном этапе представляется корректным сквозь призму новых форм взаимодействия, используемых дипломатией, а именно двух её ключевых инструментов и механизмов: механизма конференционной дипломатии и инструмента компартиментализации международных отношений.

Мы ставим своей задачей выработку системы критериев, которая способна определить эффективность дипломатии в общем виде, что будет применимо в частном случае. Сделать это мы можем, только поняв принцип функционирования разных структур в общей модели дипломатии. Анализируя новые формы взаимодействия между субъектами дипломатии, мы пришли к выводу, что эпоха глобализации принесла только две абсолютно новые формы. Остальные существовали и раньше, возможно под другими названиями, но по своей природе не изменялись.

В XXI веке многосторонние отношения между государствами выражены в механизме конференционной дипломатии и представлены в формате международных организаций.

Главным преимуществом конференционной дипломатии является собственно её конференционность, то есть представительность. Генеральная Ассамблея ООН состоит из 193 стран-участниц. Каждая проблема, требующая решения мировым сообществом, собирает вокруг себя именно тех акторов, которые способны её решить. С этой точки зрения механизм конференционной дипломатии позволяет максимально оптимизировать работу по сведению на нет негативных последствий любого явления в международных отношениях.

Основным недостатком механизма конференционной дипломатии видится диспозитивный характер принимаемых решений.

Рассмотрим, как действует конференционная дипломатия на примере резолюции Генеральной Ассамблеи о территориальной целостности Украины от 27 марта 2014 года (68/262). Состоящая из 6 пунктов постановляющая часть резолюции признает нелегитимность крымского референдума (прошёл 16 марта 2014) и призывает все страны воздержаться от признания изменения статуса Республики Крым и города Севастополь. Резолюция была принята 100 голосами «за», Резолюция противоречит интересам или по крайней мере не вызывает одобрения у 93 государств [1].

Основной возможностью и одновременно целью конференционной дипломатии стало недопущение развязывания крупномасштабного конфликта. В случае ООН и её Совета Безопасности речь идёт о недопущении третьей мировой войны, с чем Организация лишь формально справляется на протяжении 70 лет своего существования.

Главная возможность конференционной дипломатии перерастает в её главную слабость: решения конференций зависят от воли наиболее могущественных их участников.

Уже краткий SWOT-анализ – анализ сильных и слабых сторон, возможностей и сдерживающих факторов развития объекта – показывает неэффективность конференционной дипломатии.

Еще одна форма взаимодействия, которую мы хотим проанализировать здесь, называется компартиментализация международных отношений. Он широко используется «новой» дипломатией по всему миру в моменты усиления напряженности двусторонних отношений. Компартиментализация – кластеризация двусторонних отношений на группы, в одну из которых входят вопросы, по которым государства не имеют общей позиции и прекращают сотрудничество, а в другую – все остальные.

Ярчайший пример применения данного инструмента – российско-турецкие отношения. Вся сложность и непредсказуемость двусторонних отношений сохранилась до настоящего времени. Однако под влиянием глобализации страны приобрели взаимные интересы. В частности, взаимные интересы стран лежат в энергетической сфере. Они должны были реализоваться в проекте «Турецкий поток» – газопроводе, проходящем по дну Чёрного моря и доставляющем газ в Турцию напрямую. Проект получил свою жизнь после пика Украинского кризиса, хотя Россия и Турция имеют разные взгляды и разные подходы к этому событию. Что важно, проект не был закрыт, а только приостановлен, даже после инцидента с российским самолётом СУ-24. Даже убийство российского посла, что вообще-то говоря является *casus belli*, не остановило работу в этом направлении [2].

Таким образом, взаимные претензии не позволяют акторам международных отношений отказываться от взаимных интересов в условиях глобализации. Страны вынуждены «делить», структурировать, дифференцировать свои отношения на составные части, чтобы несогласие по одним вопросам не нанесло ущерб договорённостям по другим. Мотив для использования инструмента компартиментализации возникает при обострении двусторонних отношений.

Под эффективностью мы понимаем степень достижения результата. Результат дипломатического взаимодействия может быть достигнут а) одной стороной и б) всеми сторонами.

Помня о тенденции современной дипломатии к многосторонности, мы намеренно не говорим «двумя сторонами». Количество сторон зависит не от количества участников взаимодействия, а от количества позиций, ими занимаемых. Например, в Совете Безопасности ООН, при минимальных пятнадцати участниках переговоров, позиций по данной повестке может быть три. Так, например, в 1998 году 15 членов Совета Безопасности, разбирая ситуацию, сложившуюся в Косово и Югославии, занимали следующие позиции:

а) предоставить Косово автономию в составе Югославии (Бразилия, Габон, Китай, Россия, Франция);

б) предоставить Косово суверенитет (Бахрейн, Гамбия, Словения, Великобритания, США);

в) ввести миротворческий контингент Организации Объединённых Наций (Кения, Коста-Рика, Португалия, Япония) [3].

В такой ситуации встает вопрос о систематизации полученной информации. Ответ на него даёт теория игр. При любом взаимодействии возможны три варианта развития событий: игра с нулевой суммой (S) и игра с ненулевой суммой, которая может быть положительна или отрицательна.

Модель игры с нулевой суммой ($S=0$) идеально описывает двусторонние отношения США (-) – Исламская Республика Иран (+). Итоги переговорного процесса по Иранской ядерной программе открывают путь иранской нефти в Европу, что бьёт по национальным интересам США. Таким образом, США как инициаторы первоначальных санкций остаются в проигрыше и вынуждены предпринимать дальнейшие действия [4].

Для иллюстрации модели с положительной суммой подойдет межгосударственный экономический договор между ЕС и Канадой – Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (CETA) [5].

Более интересная структура вписывается в модель с игры отрицательной суммой, когда все стороны несут убытки по итогам взаимодействия. Это инструмент экономических и политических санкций. Сам инструмент санкций так же, как со специальных миссий, не нов, но широко используется «новой» дипломатией.

Исторически Иран в ходе «холодной войны» выступал ареной столкновения геополитических интересов СССР и США. Иранская мирная ядерная программа развивалась при поддержке обеих стран. После окончания «холодной войны» Россия парадоксально получает преимущество в этой гонке. Иранская ядерная программа выходит из-под контроля США. В 1995 году США в одностороннем порядке вводят санкции против Ирана как против угрозы режиму ядерного нераспространения и глобальной безопасности. В 1997 году Евротройка в составе Германии, Франции и Великобритании ведёт активные переговоры с Ираном о выкупе его ядерной программы. При этом доказательств военного характера ядерной программы Ирана инспекторы Международного агентства по атомной энергии не нашли. Первый этап обогащения урана Иран начал только в 2004 году. Но и на тот момент неопровержимых доказательств в руках мирового сообщества не было.

Совет Безопасности ООН ввёл санкции против Ирана в 2006 году. Мотивацией для этого, как было сказано выше, стала угроза международной безопасности [6].

Итак, модель санкций показывает, что они являются, во-первых, ответом на угрозу режиму безопасности, во-вторых, инструментом сдерживания агрессора. В своей идее они не носят экспансионистских целей. Наученное опытом тридцатых годов прошлого века, мировое сообщество предпочитает не умиротворять, а сдерживать агрессора, инкубируя кризис на ограниченной территории. Третьей общей чертой всех санкций периода «новой» дипломатии является их неэффективность: ни одни санкции не способствовали

исправлению ситуации, в которой были введены. И, наконец, санкции способствуют накаливанию двусторонних отношений. Мы говорим о двусторонних отношениях, потому что а) при введении санкций международными организациями всегда есть актор, инициирующий этот процесс, и б) ввод санкций – всегда использование рычагов, доступных одному актору международных отношений, в отношении другого.

По нашему мнению, распределение этих трех моделей взаимодействия в количественном измерении можно назвать нормальным, причем на вторую треть оси абсцисс будет проецироваться игра с нулевой суммой. Это утверждение вызвано следующей предпосылкой: международные отношения всегда стремятся выделить гегемона.

Данный аналитический ряд даёт нам возможность выделить, по крайней мере, два критерия эффективности современной модели дипломатии.

1. Во-первых, успех дипломатического взаимодействия обратно пропорционален количеству акторов.

2. Во-вторых, достижение результата напрямую связано с соответствием цели взаимодействия национальным интересам более сильной стороны, которая не пойдет на уступки. Более сильная сторона – это сторона, обладающая более весомой экономической мощью (выраженной, например, в объеме ВВП), военной силой или имеющая более серьёзные международно-правовые рычаги давления. Часто три эти составляющие присущи одному актору международных отношений.

Национальные интересы государств оказывают определяющее влияние на эффективность используемых дипломатических механизмов и инструментов.

Литература

1. Отчет о заседании СБ ООН 15 марта 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documentsdssny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N14/266/16/PDF/N1426616.pdf?OpenElement> (дата обращения 09.03.16).
2. «Газпром» определил маршрут «Турецкого потока» [Электронный ресурс] // Вести. Экономика: информационный портал. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/52461>. (дата обращения 10.03.16).
3. Отчет о заседании СБ ООН 1199 (1998) [Электронный ресурс] // ООН. Совет безопасности. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1998.shtml>.
4. Малков, С. Ю. Модель устойчивости/дестабилизации политических систем / С. Ю. Малков, С. Э. Билюга // Информационные войны. – 2015. – Т. 1, № 33. – С. 7-18.
5. European Commission. EU and Canada [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/canada> (дата обращения 10.03.16).
6. Haidar, J. I. Sanctions and Exports Deflection: Evidence from Iran / J. I. Haidar; Paris School of Economics, University of Paris 1 Pantheon. – Sorbonne, Mimeo, 2015.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ОГАЙО И СОЗЫВ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛОГСТАУНЕ В 1752 г.

Гуляева Анна Олеговна

аспирант II курса исторического факультета

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

ana.gulyaeva@gmail.com

Аннотация. К середине XVIII столетия по мере развития английских и французских владений в Северной Америке образовались сначала отдельные точки, а затем более обширные зоны столкновения военно-политических и экономических интересов участников колонизационного процесса. Во главе их встал регион долины реки Огайо. Сосредоточившись вокруг юга и севера, колонисты начинали двигаться в разных направлениях, сферы их экономических интересов имели между собой все меньше общего. Представители английских колоний собирают конференцию с представителями важнейших индейских племен в Логстауне, дабы подтвердить свои права на земли Долины Огайо.

Ключевые слова. Англо-французские отношения в Северной Америке, Долина Огайо, конференция в Логстауне 1752 г.

ANGLO-FRENCH CONTRADICTIONS IN THE VALLEY OF THE OHIO RIVER AND THE CONFERENCE IN LOGSTOWN IN 1752

Gulyaeva Anna Olegovna

Postgraduate student of historical department of Moscow State University

Moscow, Russia

ana.gulyaeva@gmail.com

Abstract. In the 18th century, several zones of interest in England and France were formed in North America. At the head of them was the Ohio River Valley. Colonists began to move in different territorial directions; spheres of their economic interests were less common among themselves. Representatives of the British colonies gather a conference with some of the most important Indian tribes at Logstown to confirm their rights to the lands of the Ohio Valley.

Keywords. Anglo-French relations in North America, the Ohio Valley, the conference in Logstown 1752.

К середине XVIII столетия по мере развития английских и французских владений в Северной Америке на континенте образовались сначала отдельные точки, а затем более обширные зоны столкновения военно-политических и экономических интересов участников колонизационного процесса. Во главе их встал регион долины реки Огайо. Это было обусловлено, прежде всего, обилием рек, которые обеспечили бы легкую транспортировку товаров.

Так, в короткие сроки Долина Огайо сосредоточила вокруг себя внимание не только важнейших индейских племен востока Северной Америки, но и интерес множества английских и французских колонистов. При этом каждая из сторон стремилась получить исключительное право на владение этими землями, и им необходимо было найти достойное оправдание для своих притязаний. Британские колонии претендовали на исключительное право владения землями от Атлантического до Тихого океана, но в то же время не имели ни одного постоянного поселения к западу от Аппалачей. С другой стороны, французские форты, миссии и торговые посты занимали обширные территории вдоль Великих озер и далее вдоль долины Миссисипи до Нового Орлеана. Имея всего несколько точек в стратегически важных местах, они контролировали огромные пространства [1, с. 517–525]. При этом исключительные права, на которые ссылались англичане, складывались из ряда основных прав – открытия, владения или же завоевания. В этом же случае получалось, что французы, открывшие, освоившие и владевшие бассейном Миссисипи, оказывались сильнее англичан, способных лишь сослаться на право завоевания. По счастливой случайности, обширные завоевания в этом регионе имела Лига Ирокезов¹. Английские колонисты проявили немалую изобретательность, выдвинув теорию о том, что Шесть Народов являются не просто их союзниками, но и подданными [1, с. 281–282], а потому метрополия обязана защищать их права на завоеванные территории, как свои.

Франко-канадские торговцы успешно вели торговую политику с коренным населением, однако к середине XVIII столетия они столкнулись с высокой конкуренцией с английскими товарами, которые оказались более качественными и значительно дешевле². Кроме того, англичане продолжали двигаться на запад, приближаясь к рекам Сент-Луис и Иллинойс [2, с. 456], по которым осуществлялось сообщение между Новым Орлеаном и Квебеком, что означало неизбежное вторжение англичан в водные пути французов.

Летом 1744 года английские колонии Виргиния, Мэриленд и Пенсильвания заключили Ланкастерский договор³ с Лигой Ирокезов, открывший им путь на земли к западу от Виргинии, именуемые Долиной Шенандоа [3, с. 411–412].

¹ К началу XVIII века территорию, к которой стремились европейские державы, контролировал самый крупный индейский военно-политический союз Северной Америки – Лига Ирокезов. В Лигу Ирокезов входило шесть племен или «наций»: Сенека – самое многочисленное племя, Каюга, Онондага, Онейда, Могавки и Тускарора.

² Дело в том, что Великобритания, благодаря начавшейся там промышленной революции, имела возможность производить товары гораздо более высокого качества. Также она имела преимущества над Францией в транспортировке. Британские колонии, находясь южнее, имели возможность вести морскую торговлю круглый год, в то время как воды вокруг французских замерзали либо были слишком опасны для мореплавания.

³ Текст договора: <http://treatiesportal.unl.edu/earlytreaties/treaty.00003.html>. (дата обращения: 01.05.2017).

В 1745 году английские колониальные войска захватили Луисбург, ключевой форт Новой Франции. Опасаясь новых атак, французы начали стягивать все войска и воинов союзных племен к востоку, на защиту Квебека [3, с. 57, 83]. Таким образом, покинув территории Огайо и оставив там лишь некоторое число торговцев, не способных в этих условиях противостоять английской конкуренции.

В 1747 году группа состоятельных купцов во главе с Томасом Ли направила губернатору петицию о предоставлении прав собственности на территории, размером более чем 80 000 гектар (200 000 акров), в районе реки Огайо. Получив отказ, они организовали Виргинскую Компанию Огайо, отправили новую петицию напрямую в Лондон, запросив более 200 000 гектар (500 000 акров) земель и предложили богатому лондонскому купцу Джону Хэнбери, способному повлиять на решение английской метрополии, принять участие в Кампании. Хэнбери дал свое согласие и представил петицию правительству [4, с. 2–3, 246–248], которое, в силу своих экспансионистских устремлений и желания закрепить за собой территории, находившиеся в зоне французских интересов, одобрило петицию в марте 1749 года.

Компания обязалась выполнить все условия, однако, новость о таком решении сиюминутно достигла не только Францию, но и индейские племена, которые считали, что горы Алпалачи всегда будут естественным барьером, не допускающим колонистов. Помимо коренного населения и французов такой новостью серьезно обеспокоились жители Пенсильвании. Причины негодования Пенсильвании были вполне ясны. Во-первых, она уже успела наладить торговлю с племенами долины, преуспев в ней гораздо заметнее других колоний, и сама была весьма заинтересована в возможностях развития торговых связей и освоения этих земель. Во-вторых, Пенсильвания, наравне с Виргинией и Мэрилендом, приняла участие в заключении Ланкастерского договора, а потому обладала теми же правами на данные территории [5, с. 229].

Пенсильвания была обязана своими дипломатическими успехами блестящему переводчику – Конраду Вейзеру. Используя свой авторитет, он легко убедил индейцев в том, что Компания Огайо вынашивает захватнические планы, что построенный ими форт будет использован для устрашения и контроля над окружающими племенами, а новые дороги откроют колонистам путь к их землям.

Президент Компании Огайо Томас Ли неоднократно пытался склонить Конрада Вейзера на свою сторону, однако его шаги были безуспешными [4, с. 466]. Не теряя надежды найти поддержку среди племен Огайо, Ли и его партнеры приняли решение отправить туда своего агента, Кристофера Гиста (Christopher Gist), дабы наладить союзнические отношения с индейскими племенами. Прибыв в Логстаун осенью 1750 года, Гист сумел заручиться поддержкой крупного пенсильванского купца Джорджа Крогхэна, который оказал ему помощь в установлении дипломатических связей с индейскими племенами [3, с. 640]. Он не забыл упомянуть о большом числе даров, при-

готовленных Виргинией в надежде преподнести их перед заключением договора. После этого Гист получил возможность свободно путешествовать и исследовать территорию Огайо. Виргиния рассчитывала, что этот визит, а также данные ими обещания, помогут заманить индейцев на юг, где те окажутся под их влиянием. Однако вместо этого они получили приглашение в Логстаун, где Пенсильвания организовывала конференцию с главами Лиги Ирокезов, Делаверов, Шауни и Яндотов.

Конференция началась 10 июня 1752 года и проходила в атмосфере заговоров и интриг [6, с. 28]. Виргиния и Пенсильвания участвовали отдельно, ведя переговоры с индейцами независимо друг от друга, каждый со своими представителями и в своих интересах. От Виргинии в Логстаун было направлено три специально уполномоченных лица, которые не просто не сотрудничали с агентами Кампании Огайо, но действовали против них. Со стороны Пенсильвании официальной делегации не было, однако ее представлял Джордж Крогхан, хорошо известный всем племенам, пользовавшийся достаточным с их стороны доверием, а также ожидавший извлечь свои выгоды из договора [4, с. 413].

Несмотря на достаточное количество противоречий между прибывшими представителями колоний, одна цель объединяла их всех: получить подтверждение того, что индейцы отказываются от своих претензий на земли Огайо, т.е. подтверждение Ланкастерского договора. При более конкретном рассмотрении, основные трудности были связаны с тремя сторонами. Во-первых, с французскими претензиями на земли. Во-вторых, с претензиями Лиги Ирокезов на представительство и управление теми же землями. В-третьих, с претензиями племен Делаверов и Шауни, переселившихся на эти земли и считавшими теперь их своими.

Английская метрополия рассчитывала, что колонии готовы действовать исключительно в ее интересах, а также в интересах Компании Огайо, которой та покровительствовала. В связи с этим представителям Виргинии были выданы дары для индейцев, общей стоимостью в 1000 фунтов, которые те, вопреки обычаю, вручили в самом начале конференции, рассчитывая, что это облегчит их задачу [4, с. 439–494]. Ослепленные подарками Ирокезы стали заметно сговорчивее. Решительную же роль сыграли подкупы их вождей, которые впоследствии не только подписали договор, одобрив строительство любого рода британских поселений и укреплений на территории к югу и востоку от реки Огайо, но и убедили Делаверов, проживавших на тех самых землях, поставить свои подписи [7, с. 38–39].

Итак, успешное заключение Логстаунского договора было заслугой Виргинии. Однако Пенсильвания также рассчитывала на часть обещанных земель, поскольку территории, на которых британским колониям дозволено было строить поселения, находилась в зоне ее исключительных интересов [8, с. 77–79, 176–177].

Задачи и цели, поставленные на конференции в Логстауне, были достигнуты, но пути, которыми воспользовались колонии в их достижении, ярко продемонстрировали, что интересы метрополии волновали их в последнюю очередь. Постепенно ассамблеи Пенсильвании, Виргинии и Нью-Йорка начинают действовать исходя из собственной выгоды, сопротивляясь воле короны в лице подвластных ей губернаторов. С этого момента имперская экспансия Великобритании сталкивается с личными интересами колоний, с сопротивлением местных выборных органов власти – колониальных ассамблей, пытающихся добиться больших свобод в ущерб прерогативе короны.

Литература

1. *Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les Possessions et les Droit Respectifs des deux Couronnes en Amérique*: 3 Volumes. – Amsterdam, 1755.
2. *Proceedings and Debates of the British Parliaments Respecting North America, 1754-1783*: 6 Volumes, Vol. 1 / Edited by Simmons R.C. and Thomas P.D.G. – Millwood (New York), 1982.
3. *George Mercer Papers Relating to the Ohio Company of Virginia* / Edited by Mulkearn, Lois. – Pittsburgh, 1954.
4. Gibson, L. H. *The British Empire before the American Revolution*. 15 Volumes, Vol. 4-8 / L. H. Gibson. – New York, 1967.
5. Ward, Matthew C. *Breaking the backcountry: the Seven Year's War in Virginia and Pennsylvania, 1754-1765* / Matthew C. Ward. – Pittsburg (P.A.), 2003.
6. Jennings, Francis. *Empire of Fortune: Crowns, Colonies and Tribes in the Seven Year's War in America* / Francis Jennings. – New York, 1988.
7. *The Ohio Company Papers, 1753-1817. Being Primarily Papers of the «Suffering Traders» of Pennsylvania* / Edited by Bailey, Kenneth. – California, 1947.

У ИСТОКОВ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА ДАШКОВА

Евлоева Рада Дзауриевна

бакалавр IV курса исторического факультета

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

evrada@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена первым дипломатическим контактам России и США. Исследование основано на комплексе разнообразных источников. Используя документы личного характера и американские публицистические материалы, в работе рассматривается деятельность Андрея Яковлевича Дашкова как первого русского посла в США. В течение десятилетия он умело представлял Россию, пришел к продуманной и взвешенной оценке Соединенных Штатов и их политической модели как будущей державы мирового уровня.

Ключевые слова. Русско-американские отношения, первые посольства, А.Я. Дашков.

AT THE BEGINNING OF THE RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS: ANDREY YAKOVLEVICH DASHKOV'S ACTIVITY

Evloeva Rada Dzaurievna

4th year student of the MSU, History department

Moscow, Russia

evrada@yandex.ru

Abstract. Article is devoted to the first diplomatic contacts of Russia and the USA. The research is based on a complex of various sources. Using documents of personal character and the American publicistic materials, in work Andrey Yakovlevich Dashkov's activity as first Russian ambassador in the USA is considered. Within a decade he represented Russia, has come to the thought-over and weighed assessment of the United States and their political model as world-class future power.

Keywords. Russian-american relations, first embassies, A. Dashkov.

Сближение России и США в начале XIX века являлось важным стратегическим шагом для обеих держав. В период европейских войн, когда Россия противостояла наполеоновской агрессии, а США противостояли давлению Великобритании, страны как никогда нуждались в союзничестве [1, с. 133–141].

Изучение данной темы представляет большой научный интерес, оно позволяет выявить истоки взаимоотношений двух стран, глубже и всесторонне понять систему международных отношений конца XVIII – начала XIX веков.

Сам факт установления дипломатических отношений между Россией и Северо-Американскими Соединёнными Штатами был зафиксирован на основе личных и многочисленных писем глав двух государств, императора Александра I и 3-го американского Президента Томаса Джефферсона, симпатизировавших друг другу; а также в результате переговоров дипломатических кругов с августа по декабрь 1807 года на нейтральной стороне, свидетельствовавших об обоюдном согласии первых лиц государства на обмен официальными посланниками, дипломатическими миссиями и консульствами. Переговоры ограничились устным обменом мнениями посланников в Лондоне, в результате чего обе стороны пришли к заключению, что договоренность между Россией и США достигнута и дипломатические отношения установлены на государственном уровне. Описанное выше, как нельзя лучше, соответствует трёхкратному установлению дипломатических отношений между Россией и США: в результате переписки и дипломатических встреч в 1807 году. В 1809 году дипломатические отношения между Россией и США были установлены на уровне дипломатических представительств в ранге посланников: в июле состоялась встреча Поверенного в делах и Генерального консула России в Соединенных Штатах, графа А.Я. Дашкова с Государственным секретарем Робертом Смитом и Президентом США Джеймсом Мэдисоном. Американский посланник Джон Куинси Адамс прибыл в Санкт-Петербург в октябре 1809 года. Андрей Яковлевич Дашков, назначенный российским посланником в Соединенных Штатах в апреле 1809 года, продолжал службу в Коллегии иностранных дел России еще почти целый год, собирал необходимые документы и материалы относительно российско-американских связей, отбыл из Санкт-Петербурга в Америку, получив инструкции от Александра I с указаниями укреплять политические и торговые отношения с США, и вручил свои Верительные грамоты американскому президенту в июне 1810 года.

Томас Джефферсон, оставив президентский пост после двух сроков пребывания, нашел возможность поздравить в письме графа Дашкова с прибытием в США и пригласить его в свое имение в Монтичелло. Российский посланник искренне поблагодарил Джефферсона за внимание и передал ему при встрече письмо Александра I.

Во время своего пребывания Дашков серьезно отнесся к предписанию Румянцева «максимально развивать наши коммерческие отношения с Соединенными Штатами, что является главной и почти единственной целью вашей миссии» [2]. Обращая особое внимание на американское сельское хозяйство, производство и технологию. Он отправил в Россию машину для очистки хлопка, которая принесла процветание внешней торговле Соединенных Штатов и, как он считал, могла произвести такой же эффект на юге России [3, с. 1–3].

Что касается внутривладеитической обстановки в США, Дашкову удалось сохранить нейтралитет своего правительства в условиях партийных противостаний того времени, хотя в частном порядке он сочувствовал Федералистам. Дашков много путешествовал по штатам Средней Атлантики и Новой Англии, пользуясь каждой возможностью посещать школы, тюрьмы и другие учреждения. Он культивировал контакты с видными американцами в политике, торговле и науке, от бывших президентов Джона Адамса и Тома-са Джефферсона до военно-морских офицеров.

Особую роль Дашков уделит российскому предложению о посредничестве в урегулировании Англо-Американского конфликта.

Дашков также способствовал сотрудничеству между российско-американской компанией и американской компанией John Jacob Astor American Fur. Кроме того, он способствовал созданию ряда консульств России в США, установив регулярные контакты между ними [3, с. 1–3].

Рассуждая о сходстве и отличии США с бывшей метрополией, Дашков определил, что «нельзя найти две страны, которые предлагают такое большое сходство между гражданами друг друга по виду, привычкам, языку и религии, как Англия и США. Различие чисто политическое. У людей все то же самое» [4]. Однако Дашков признал, что Америка - это все же больше, чем продолжение Англии. Он похвалил американскую судебную систему и ее судей за обеспечение свободы. Отметил, что в новой нации сохранились такие британские элементы, как Закон о Хабеас Корпус, суд присяжных и обеспечение защиты собственности. Он также восхищался «выдающимся» американским конгрессом, даже если его членам не хватало формальной политической подготовки [5, с. 552].

Нельзя не отметить определенные проблемы, с которыми вынужден был столкнуться Дашков, осуществляя свою миссию в США. В 1815 году американское правительство официально попросило удалить российского консула в Бостоне Евстафьева, обвинив его в том, что он незаконно конфисковал английские товары, и осудив его профедералистские высказывания.

Дашков был вынужден покинуть США после скандала с российским консулом в Филадельфии – Николаем Козловым.

Американское путешествие Дашкова, возможно, закончилось на грустной ноте, но в течение десятилетия он энергично и умело представлял Россию, пришел к продуманной и взвешенной оценке Соединенных Штатов в ранний период существования молодого государства и правильно предсказал его будущее величие.

Литература

1. Сучугова, Н. Ю. Становление российско-американских отношений в начале XIX в.: историография вопроса / Н. Ю. Сучугова // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31. – С. 133-141.
2. Из письма Н. П. Румянцева А. Я. Дашкову // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Т. 5 / М-во иностр. дел СССР. – Москва, 1961.

3. Докладная записка (копия) Дашкова Андрея Яковлевича штат-секретаря графу Нессельроде о своей деятельности в качестве уполномоченного министра в Соединенных Штатах Америки за десять лет, а также о бедственном положении. ГАРФ. – Фонд 907. – Опись 1. – Дело 102.

4. Заметки Дашкова Андрея Яковлевича о политико-экономическом положении в Соединенных Штатах Америки, о законах и правах американских граждан, Дашков, 29 января (10 февраля) 1813, С. Vann Woodward, *The Old World's New World*, New York, 1991.

5. Донесение А. Я. Дашкова Н. П. Румянцеву, 18/30 ноября 1812 г. // Россия и США: становление отношений, 1765-1815 / Н. Н. Башкина, Н. Н. Болховитинов, Дж. Браун и др. – Москва, 1980. – С. 386-387.

УДК 94

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ТИБЕТЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ П.К. КОЗЛОВА

Лившиц Антон Александрович

бакалавр IV курса исторического факультета

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

livshits13@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются экспедиции русского путешественника Петра Кузьмича Козлова на дальний Восток, в частности в Тибет.

Ключевые слова. Россия, Тибет, путешественники, международные отношения, экспедиция.

RUSSIAN EXPLORERS IN TIBET IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH, BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

Livshits Anton Aleksandrovich

Bachelor of the historic department of MSU

Moscow, Russia

livshits13@gmail.com

Abstract. The article is devoted to russian explorer Peter Kozlov who led an expeditions to the Far East, particularly in Tibet.

Keywords. Russia, Tibet, explorers, international relations, expedition.

Россию с давних времен привлекает неизведанное, до некоторой степени экзотическое. Тибет – не исключение. Область, затерянная в Центральной Азии, между двумя сильными державами, с одной стороны, крупнейшей

колониальной империей – Британской, с другой стороны – Китая, чья история насчитывает несколько тысячелетий. Он привлекал и привлекает внимание всего мира как религиозный центр тибетского буддизма; здесь находится его святыня – дворец Потала в Лхасе, резиденция Далай-Ламы, которому поклоняются сотни тысяч тибетцев, монголов, бурят и калмыков, а также многочисленные буддисты, населяющие Индию и страны Индокитая [1]. Тибет имел колоссальное значение в складывании системы международных отношений XIX–XX веков.

В XIX веке были отправлены в Тибет экспедиции, в подготовке русских тибетских экспедиций участвовали в основном две организации: Императорское Русское географическое общество и Военное Министерство. При этом роль ИРГО сводилась фактически к выдвижению инициативы, в то время как большую часть фактической работы по снаряжению и финансированию экспедиции проводило военное ведомство. При этом, однако, экспедиции официально позиционировались как научные экспедиции ИРГО. Также, и это немаловажно, все участники экспедиций были военными и состояли на действительной военной службе, т.е. на момент проведения экспедиции не могли подчиняться кому-либо кроме Военного Министерства, а конкретнее – Главного штаба.

Одной из таких экспедиций считается экспедиция под предводительством П.К. Козлова. Петр Кузьмич Козлов – русский путешественник, родившийся в 1863 году, сын прасола из города Духовщины Смоленской губернии, мечтавший о свободной страннической жизни в широких просторах пустынь и гор великого Азиатского материка [2, с. 449–450]. Со своим кумиром детства Н.М. Пржевальским Петр Козлов познакомился практически случайно, в имении Слобода, в 60 верстах от Духовщины, где 18-летний Петр Козлов подрабатывал в конторе пивоваренного завода, а Николай Михайлович купил усадьбу Глинки, в которой он мог спокойно описать свою третью экспедицию в Центральную Азию и Тибет [2, с. 450]. С тех пор Петр Кузьмич шел к осуществлению своей мечты и впоследствии был приглашен Пржевальским в свою следующую экспедицию, направившуюся от Кяхты к истокам Желтой реки вдоль северной окраины Тибета и по бассейну Тарима. Другим учителем и покровителем Козлова был знаменитый географ-путешественник, вице-председатель императорского Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский. С 1883 по 1926 гг. П.К. Козлов совершил шесть больших экспедиций в Тибет, Западный и Северный Китай, Монголию [2, с. 6].

В состав экспедиции Козлова, помимо него самого, вошел геолог А.А. Чернов, орнитолог В. Бианки и топограф П.Я. Напалков, а также конвой из солдат и казаков, количество которых менялось. Также к экспедиции присоединялись на разных этапах монголы и китайцы в качестве переводчиков, проводников и доверенных лиц чиновников и правителей.

Монголо-сычуанская экспедиция стала самой важной экспедицией П.К. Козлова по своим результатам: во-первых, в этой экспедиции был от-

крыт и исследован мертвый город Хара-Хото; во-вторых, П.К. Козлов во второй раз встретился с Далай-Ламой и стал наконец первым европейским исследователем, получившим официальное приглашение посетить Лхасу. Это было настоящим прорывом, несмотря на то, что реализовать эту возможность так и не удалось.

В экспедициях были собраны важные материалы об орографии, геологии, климате, растительности и животном мире Тибетского нагорья и о малоизвестных восточно-тибетских племенах. П.К. Козлов сделал подробные описания многочисленных озер (в том числе озера Кукунор, лежащего на высоте 3200 м и имеющего в окружности 385 км), истоков рек Меконга, Ялунцзяна (притока р. Янцзы), многих гор, в т.ч. двух хребтов в системе Куньлуня, неизвестных до тех пор науке. Один из них П.К. Козлов назвал хребтом Дютрейль-де-Рэнса, в честь известного французского путешественника по Центральной Азии, незадолго перед тем погибшего от рук тибетцев, а другой – хребтом Вудвиль-Рокхиль, в честь английского путешественника. Кроме того, П.К. Козлов дал блестящие очерки экономики и быта населения Центральной Азии, среди которых выделяется описание обычаев цайдамских монголов с исключительно сложным ритуалом празднования важнейших событий жизни – рождения ребенка, свадеб, похорон и т.д. Из этой экспедиции П.К. Козлов вывез обильную коллекцию фауны и флоры пройденных местностей. Во время экспедиции путешественникам не раз приходилось пробивать себе дорогу сражениями с вооруженными отрядами, численностью до 250-300 человек, натравленными на экспедицию местными ламами. Почти двухлетняя оторванность экспедиции от внешнего мира явилась причиной упорного слуха о полной ее гибели, дошедшего до Петербурга. Монголо-Тибетская экспедиция описана П.К. Козловым в двух больших томах – «Монголия и Кам» и «Кам и обратный путь». За это путешествие П.К. Козлову была присуждена Русским географическим обществом золотая медаль [3].

Принято считать, что большая часть экспедиций были отправлены в первую очередь для оценки военного потенциала, которым обладала колониальная Англия в этой местности. Ведь если Индия не имела с Россией сухопутной и морской границы, то Китай, напротив, имеет границу с Россией. А потенциальный захват Китая Британской империей означал появления одной из сильнейших держав XIX – нач. XX века у подножия Российской империи. Любопытно, что в путешествиях были и курьезные моменты: к примеру: наши «разведчики» во время исследования Тибета встретились с «зеркалом» – Британцы послали в эту область точно такую же миссию.

Стоит отметить, что в 2017 году будет отмечаться юбилей: 110 лет со дня подписания Русско-английского соглашения о разделе сфер влияния в Азии, которое, по сути, являлось одним из финальных этапов складывания тройственного союза Антанты.

Литература

1. Шаумян, Т. Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой Игре» / Т. Л. Шаумян. – Москва: Товарищество Научных изданий КМК, 2017. – 208 с.
2. Козлов, П. К. Тибет и Далай-лама. Мертвый город Хара-Хото / П. К. Козлов. – Москва: Эксмо, 2013. – 464 с.
3. Все величайшие путешественники: справочное издание / Н. Я. Дорожкин. – Москва: АСТ, 2009. – 447 с.

УДК 94 (560)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Мамедов Рамиль Сархад оглы
студент 4 курса исторического факультета
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
mamedov.rs@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные направления экономического взаимодействия России и Турции, рассматривается их влияние на российско-турецкие отношения.

Ключевые слова. Российско-турецкие отношения, экономика, Россия, Турция, санкции.

ECONOMIC ASPECT OF RUSSIAN-TURKISH RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Mamedov Ramil Sarkhad ogli
student of the Historical Faculty
Vologda State University
Vologda, Russia
mamedov.rs@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main directions of economic interaction between Russia and Turkey, their influence on Russian-Turkish relations is examined.

Keywords. Russian-Turkish relations, economy, Russia, Turkey, sanctions.

После окончания «холодной войны» отмечается стремительное развитие экономических связей России и Турции: рос товарооборот, увеличивались взаимные инвестиции, наблюдался непрерывный поток российских ту-

ристов, расширялось энергетическое сотрудничество, укреплялись культурные связи. К 2000 г. товарооборот Турции и России составил 4,5 миллиарда долларов. С 2003 г. из России в Турцию стал поступать природный газ в рамках проекта «Голубой поток». В 2004–2005 гг. проходит ряд встреч Путина и Эрдогана. В ходе этих визитов стороны признали необходимость увеличения товарооборота между странами, а Путин, занимавший прежде сторону Греции и Кипра в кипрском вопросе, поддержал Турцию. В результате к 2006 двусторонний товарооборот вырос до 15 миллиардов долларов. В 2007 г. Путин приехал в Стамбул, чтобы принять участие в заседании Организации черноморского экономического сотрудничества, эстафету председательства в которой тогда приняла Турция. Российский лидер провел двусторонние переговоры как с президентом Сезером, так и с Эрдоганом. За год товарооборот вырос почти в два раза и составил 28 миллиардов долларов. Возникшая в связи с югоосетинским конфликтом напряженность в политических отношениях не отразилась на экономике: в 2008 г. товарооборот увеличился до 37 миллиардов долларов [1].

В 2010 г. был создан Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ), функционирующий как объединенный совет министров; состоялось его первое заседание. На нем Турция и Россия подписали соглашение о создании атомной электростанции в Аккую (Мерсин). С этого момента заседания ССВУ проходят каждый год при участии лидеров двух государств. В 2011 г. Турция и Россия взаимно отменили визы.

В ходе украинского кризиса 2014 г. все страны — члены НАТО ввели санкции против России. Турция не присоединилась к ним. Более того, на пятом заседании было объявлено, что под действием антироссийских санкций европейских стран проект газопровода «Южный поток» будет аннулирован, а вместо него будет реализован проект «Турецкий поток» с транзитом через Турцию. В 2015 г. падение цен на нефть и рецессия российской экономики привели к тому, что товарооборот между Турцией и Россией уменьшился до 24 миллиардов долларов.

24 ноября 2015 года, на турецко-сирийской границе, Турция сбила российский самолет. После этого происшествия были введены санкции в отношении Турции, российским гражданам было рекомендовано отказаться от посещения Турции. Турецким гражданам был запрещен безвизовый въезд в Россию, с января снова были введены визы. Из-за инцидента на турецко-сирийской границе был нанесен существенный урон не только политическим, но и экономическим отношениям. Товарооборот между странами упал до 15,8 миллиардов долларов в 2016 г., причем в первой половине года экспорт Турции в Россию, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, сократился на 60,5%, до 737 миллионов долларов. После введения в ноябре 2015 г. временных ограничений на ввоз турецкой продукции, которые коснулись в основном сельскохозяйственных товаров, по предварительным подсчетам санкциями было затронуто 15% турецкого экспорта в Рос-

сию. Временное ухудшение отношений между Россией и Турцией оказало негативное влияние на двустороннюю торговлю; кроме того, сыграли роль кризисные явления в российской экономике, политическая нестабильность.

Особенность российско-турецкого экономического взаимодействия в том, что сальдо торгового баланса Турции отрицательное, т.е. импорт из России превышает экспорт, но происходит это в первую очередь за счет закупки Турцией энергоресурсов. В товарной структуре российского экспорта в Турцию преобладает нефть, нефтепродукты, природный газ, каменный уголь, различные металлы и изделия из них, на которые приходится более 70% всего экспорта. В то же время Россия импортирует из Турции продукцию текстильной промышленности (около 20%), продовольствие (около 22%), машины, оборудование (23%) и бытовую технику [2].

Энергетическое сотрудничество между Россией и Турцией имеет твердую основу: танкеры транспортируют нефть из российских портов в Черном море на внешние рынки через проливы Босфор и Дарданеллы, продолжается реализация проекта атомной электростанции в Аккую. В свою очередь, Турция является крупным потребителем российского газа, который доставляется в страну через два газопровода – «Голубой поток» и Трансбалканский газопровод. Несмотря на краткосрочное ухудшение отношений, уже на Мировом энергетическом конгрессе в октябре 2016 г. на правительственном уровне было подписано соглашение о строительстве газопровода «Турецкий поток». Это стало одним из первых шагов на пути к нормализации отношений между государствами.

Начиная с 2010-х гг. Турция стала одним из самых привлекательных направлений отдыха для россиян, которые до 2015 г. составляли 10% всех въехавших туристов. В 2012 г. турецкие курорты посетили 2,5 млн российских туристов, в 2013 г. – 3,07 млн, в 2014 г. их число составило 3,27 млн. Турцию по итогам 2016 года посетило 866 тыс. россиян, что на 76,26% меньше, чем было в 2015 году (3,65 млн российских туристов). Однако если анализировать данные за январь-август 2015 и за тот же период 2016 гг., то наблюдается еще более значительный спад количества туристов из России с 2,6 млн до 0,3 млн чел. По данным Министерства туризма и культуры Турции, в общей сложности иностранный турпоток в страну в прошлом году сократился с 35 до 25,3 млн человек. Основной причиной снижения количества зарубежных гостей стали проблемы с безопасностью в стране. Денежные поступления от туризма составляют почти 20% от экспорта Турции и имеют большое значение для успешного развития экономики. Поэтому сокращение туристских потоков из России существенно отразилось на данной отрасли, и, судя по всему, резкого восстановления прежнего потока не будет [3].

Таким образом, на протяжении 2000-х прослеживается устойчивый рост товарооборота между Россией и Турцией, и, несмотря на некоторое снижение после кризисных 2008–2009 гг., объемы торговли к 2013 г. встали на путь постепенного восстановления. Однако в полной мере достигнуть док-

ризисных показателей не удалось, в основном по причине замедления мировой экономики. Кроме того, серьезный ущерб экономическим отношениям был нанесен в результате инцидента со сбитым самолетом. Последние встречи лидеров государств показали намерения стран восстанавливать прежний уровень отношений, идет работа по восстановлению товарооборота. Налаживается экспорт сельхозпродукции Турции, которая должна в ближайшее время восстановить прежние позиции на внутреннем рынке России. Что же касается туризма, то вряд ли в ближайшие несколько лет восстановится прежний поток туристов из России, в первую очередь из-за спада в российской экономике и уже потом в связи с неспокойной внутривнутриполитической ситуацией в самой Турции. Помимо всего прочего, сторонам в кратчайшие сроки необходимо восстанавливать доверие деловой среды, поскольку в условиях неопределенности может надолго затормозиться инвестиционное сотрудничество.

Литература

1. The World Bank [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 24.04.2017).
2. Турецкий институт статистики [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://www.turkstat.gov.tr/> (дата обращения: 24.04.2017).
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 24.04.2017).

УДК 327.8

НАЧАЛО РУССКО-ТИБЕТСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДНЕГО ЭТАПА БОЛЬШОЙ ИГРЫ

Серебряков Кирилл Дмитриевич

студент (бакалавр) 2 курса направления подготовки «Политология»

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

s-kirill@list.ru

Аннотация. В данном материале автор пытается показать, что начало русско-тибетского диалога конца XIX века было обусловлено стратегически и рассматривалось в рамках англо-русского противостояния в Азии. Для этого автором были рассмотрены работы русских и советских историков по данному вопросу. Также предположено, что обращение к Тибету было неизбежным в силу особенностей экспансионистских моделей Российской и Британской империй, представленных в трудах В.П. Семенова-Тян-Шанского.

Ключевые слова. Тибет, Россия, Большая игра, колонизация, система «от моря до моря», клочкообразная система.

BEGINNING OF THE RUSSIAN-TIBETAN FOREIGN POLICY DIALOGUE IN THE CONTEXT OF THE LAST STAGE OF THE GREAT GAME

Serebryakov Kirill Dmitrievich

2nd year student of the specialty «Political Science»

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

s-kirill@list.ru

Abstract. In this material, the author tries to show that the beginning of the Russian-Tibetan dialogue of the late XIX century was strategically conditioned and was considered in the framework of the Anglo-Russian confrontation in Asia. The author examined the work of Russian and Soviet historians on this issue. It is also supposed that the reference to Tibet was inevitable due to the peculiarities of the expansionist models of the Russian and British empires, which are presented in the works of V.P. Semenov-Tian-Shansky.

Keywords. Tibet, Russia, Great game, colonization, system «from sea to sea», the point system.

Тибет являлся объектом острого англо-русского соперничества, исход которого имел ключевое значение для расстановки политических сил в Европе, безусловно, важным факте при ознакомлении с событиями данного периода как в контексте российской истории, так и зарубежной.

Начало русско-тибетского диалога в советской и российской историографии, политической мысли рассматривается до сих пор с позиций «плюрализма мнений», т.е. споры относительно мотивов до сих пор не разъяснены и не имеют общепринятой позиции.

Так, например, в статье историка А.Л. Попова «Россия и Тибет» мы видим рассмотрение данного взаимодействия под углом Большой игры, эпохального противостояния между Российской и Британской империями. Были высказаны тезисы относительно того, что тибетский вопрос вписывался в общую канву дальневосточной политики России. Более того, взаимоотношения России и Тибета были названы преимущественно «экзотичными», ибо первая не преследовала никаких военных и коммерческих прерогатив самих по себе, автор отметил, что Тибет к 1906 году стал площадкой нормализации отношений и погашения градуса социально-политического напряжения между ключевыми фигурами Большой игры, размежевав зоны влияния (России «отходила» Монголия, Тибет – Великобритании) [1, с. 101–119].

Ещё одним «адептом» превалирования англо-русского соперничества в определении основных векторов внешнеполитической деятельности царской России относительно Тибета выступает Т.Л. Шаумян. Она высказала мнение, что активизация России на восточном направлении, учитывая масшта-

бы экспансионистского воздействия, рано или поздно закономерно бы затронула тибетский вопрос, тем самым определяя место этой горной страны в системе международных отношений. По мнению Татьяны Львовны, отсталость региона, проявленная в экономическом и политическом аспектах, никак не способствовала проведению Тибетом самостоятельной политики, поэтому его лимитрофное существование практически было предначертано в рамках Большой игры [2, с. 231].

Своеобразную точку зрения высказал в своей монографии «Россия и Тибет в начале XX века» (1992) Н.С. Кулешов, попытавшись вывести отношения двух субъектов восточной политики за рамки дискурса относительно англо-русского соперничества. В частности, он отмечал, что Российская империя не имела каких-либо интересов в Тибете, а поддержание отношений с ламаистами и их иерархом носило религиозное значение, нацеленное на культурное взаимодействие между Лхасой и этносами Забайкалья [3, с. 273].

Для исследователя в данном случае релевантной будет «англо-русская» позиция в историографической науке, ибо нельзя игнорировать тот факт, что в положениях Англо-русской конвенции от 18 (31) августа 1907 года, окончательно утвердившей тройственный «сердечный» союз Антанты и завершившей Большую игру, речь шла о регулировании трёх вопросов: афганского, персидского и *тибетского* [прим. – К. Д.] [4, с. 114]. Безусловно, важное геостратегическое положение Тибета было необходимо Великобритании для укрепления своих позиций в северной части Индии (как минимум, защита британского протектората Сиккима, против которого выступили тибетцы, опасаясь английского влияния и планов последней по постройке дорог; торговая экспедиция 1886 года Кольмана Макколея [5]).

Почти одновременное начало активного воздействия на политику Тибета со стороны России и Великобритании это «законсервированное» состояние нивелировали, а характер действий этих стран обнажил различные экспансионистские системы, проявление которых в отношении Тибета вкупе с дипломатическим интересом и являлось вполне характерным репертуаром действий в рамках Большой игры.

То есть нельзя игнорировать значение и идейно-символического фактора, сформировавшего две определённо обозначенные системы колонизации, ещё выделенные в трудах русского мыслителя В.П. Семенова-Тян-Шанского: клочкообразную и континентальную систему «от моря до моря». Если для первой было характерно постепенное закрепление с помощью военных баз, сохранение на покорённых территориях местных политических элит при их полной финансовой зависимости от метрополии, проведение не полноценных военных кампаний, а карательно-превентивных экспедиций, то для второй характерна «мягкая» внутренняя колонизация, акцент на захват территории и дальнейшее строительство и развитие путей сообщения [6, с. 214–215].

Относительно Тибета представленные выше два набора действий мы можем обнаружить в политических и иных актах Британской и Российской

империи. Самым характерным подтверждающим примером может служить военная экспедиция 1903–1904 годов, проведённая под предводительством Ф. Янгхазбенда (впрочем, военной она стала, когда тибетцы отказались от предложенных английской стороной договоров в Камбадзонге), окончившейся бегством Далай-ламы XIII и подписанием унижительной для тибетцев Лхасской конвенции [7, с. 80–81].

Россия проводила более умеренную политику. Тибет был нужен России как один из защитных плацдармов для строящегося Великого Сибирского пути. Очевидно было нужно примерно единое культурное поле для этносов, живших на территориях строительства железнодорожной магистрали, чтобы избежать вокруг столь важной стратегической «артерии» социальных перегревов.

Таким образом, Тибет рассматривался как зона культурного влияния для России – один из механизмов «мягкой» колонизации, а для Великобритании данная территория являлась не чем иным, как буферным государством (характерным продуктом для клочкообразной экспансионистской системы), призванным оберегать уже имеющиеся у империи территории. Это, а также то, что тибетский вопрос был в центре дипломатических компромиссов между Российской и Британской империями, закончившихся подписанием конвенции 1907 года, позволяют нам сказать, что все действия были нацелены на новый и последний виток противостояния в рамках Большой игры.

Литература

1. Попов, А. Л. Россия и Тибет / А. Л. Попов // Новый Восток. – 1927. – № 18. – С. 101-119.
2. Шаумян, Т. Л. Тибет в международных отношениях начала XX в. / Т. Л. Шаумян. – Москва: Наука, 1977. – 231 с.
3. Кулешов, Н. С. Россия и Тибет в начале XX века / Н. С. Кулешов. – Москва: Наука, 1992. – 273 с.
4. Россия и Тибет: сб. рус. арх. док., 1900-1914 / Ин-т востоковедения: Ин-т Дал. Востока. – Москва: Вост. лит., 2005. – 231 с.
5. Historyof Sikkim [Электронныйресурс] // National Informatics Centre, Sikkim: сайт. – Режим доступа: http://sikkim.nic.in/sws/sikk_his.htm (дата обращения: 18.04.2017).
6. Геополитика современного мира: учебник для бакалавров / И. А. Василенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2015. – 420 с. – (Бакалавр. Углубленный курс).
7. Россия и Тибет: сб. рус. арх. док., 1900-1914 / Ин-т востоковедения: Ин-т Дал. Востока. – Москва: Вост. лит., 2005. – 231 с.

О РОЛИ КОМАНДИРОВКИ В США В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.И. ЯНЖУЛА

Смелова Елена Валентиновна

*старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат исторических наук*

*Северо-Западный институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Вологда, Россия
e.smelova.mm2014@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрыто содержание программы исследования важнейших аспектов экономики США российским ученым И.И. Янжулом во время его командировки в Америку в 1893 г. Особое внимание уделено влиянию изучения американского опыта Янжулом на сформулированные им оценки процесса монополизации.

Ключевые слова. И.И. Янжул, Всемирная выставка в Чикаго, монополистические объединения, монополизация.

ROLE OF I.I. YANZHUL'S US TRIP IN HIS RESEARCH

Smelova Elena Valentinovna

*Senior Lecturer, Candidate of Historical Sciences, State and Law Department
North-West Institute (Affiliate) of University Named after O.E. Kutafin (MSLA)
Vologda, Russia
e.smelova.mm2014@yandex.ru*

Abstract. The article reveals the content of the research program of the most crucial aspects of the US economy by the Russian scientist I. I. Yanzhul during his trip to America in 1893. Particular attention has been paid to the impact Yanzhul's study of the American practice had on his opinion of monopolization.

Keywords. I.I. Yanzhul, Chicago World's Fair, monopoly concerns, monopolization.

Как известно, период 90-х гг. XIX в. в России был отмечен существенными сдвигами в развитии экономики, в первую очередь промышленным подъемом. Министром финансов С.Ю. Витте была разработана программа создания в стране «крепкой национальной индустрии». В этих условиях существенно возрос интерес российских современников к опыту экономического развития ведущих капиталистических стран. Среди последних особое место занимали США. И это было неслучайно: к концу XIX – началу XX в. Соединенные Штаты вышли на первое место в мире по ведущим макроэкономиче-

ским показателям, превращались в страну монополистического капитализма. В 1893 г. в США была направлена большая группа российских специалистов (около 60 человек) на Всемирную художественно-промышленную выставку в Чикаго (Chicago WorldsFair), посвященную 400-летию открытия Америки Х. Колумбом, для ознакомления с экспозициями других стран и для подготовки докладов правительству об экспонируемых на выставке технических новинках [1, с. 127]. Всего же побывали на выставке или участвовали в ее работе около 300 специалистов, публицистов и гостей из России [2, р. 369].

В числе прибывших на выставку был и талантливый ученый – специалист в области права и экономики, профессор Московского университета – Иван Иванович Янжул (1845 или 1846–1914)*. И.И. Янжул был командирован в США Министерством финансов при активном содействии С.Ю. Витте. Командировка планировалась сроком на 4 месяца (включая дорогу) с содержанием в размере 3 200 металлических рублей. В программу исследования было включено изучение процесса монополизации в США («вопроса о синдикатах и трестах»), а также иных вопросов экономического характера – об элеваторах, организации внутренней и внешней хлебной торговли, налогов, протекционистской политики Соединенных Штатов и некоторых других. В целом, различные департаменты Министерства финансов возложили на ученого 19 разнородных поручений, многие из которых, по его замечанию, представляли «целые курсы, которые читаются в университетах целые семестры, если не целые годы» [3, с. 293, 298].

20 марта 1893 г. супруги Янжул выехали в Берлин, а затем через Гамбург и Лондон добрались до Ливерпуля, откуда на «огромном и роскошном» судне «Этрурия» отправились в Нью-Йорк. В числе многочисленных провожавших И.И. и Е.Н. Янжул в России был знаменитый писатель Л.Н. Толстой, от которого у супругов Янжул было поручение в Америку, связанное с переводом его рукописи.

Согласно «Воспоминаниям» И.И. Янжула, в Нью-Йорке супруги провели 1 месяц, после чего отправились на выставку в Чикаго через Филадельфию и Вашингтон (в Вашингтоне они находились неделю).

Во время пребывания в США И.И. Янжул провел много встреч с должностными лицами разного уровня, учеными, посетил различные учреждения, изучил огромное количество научной (особенно юридической) и справочной литературы. Из числа американцев, которые произвели на ученого особое впечатление, Янжул впоследствии упоминал известного статистика, директора Департамента труда США К. Райта, а из учреждений – Министерство земледелия, поразившего российского посетителя «стройностью и целесообразностью многочисленных своих лабораторий», а также любезным приемом его сотрудников [3, с. 312].

* На выставку в Чикаго И.И. Янжул прибыл вместе с супругой Екатериной Николаевной.

Довольно высокую оценку И.И. Янжул дал самой «Колумбовой выставке» (в противоположность городу Чикаго, поразившему ученого своим «неблагоустройством» и «грязью») [3, с. 313–314].

Основным результатом командировки И.И. Янжула в Америку стала подготовка отчетов по следующим вопросам: 1) портовые сборы; 2) регулирование торговли; элеваторы и хлебная инспекция; 3) маргариновый акциз; 4) организация американского Министерства земледелия; 5) «синдикаты». По первым трем вопросам ученый написал краткие отчеты еще во время пребывания в США и отослал их в Россию в Департамент торговли и мануфактур, где они, вероятно, затерялись [3, с. 309]. По четвертому вопросу ученым были собраны материалы, на основе которых была подготовлена большая статья для «Русских ведомостей», впоследствии перепечатанная в сборнике статей И.И. и Е.Н. Янжул «Часы досуга». Наконец, по пятой проблеме была подготовлена, по мнению ученого, «главная и серьезная работа», не потерявшая своего значения и в последующие годы – «Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Америки» [4]. Она была опубликована под грифом Министерства финансов в 1895 г. и, по словам автора, стала (помимо «газетных и журнальных статей») «единственным печатным и общедоступным результатом» его поездки в США [3, с. 311]. Как отмечал американский историк Р. Аллен, данный труд свидетельствовал о хорошем знании Янжулом специальной литературы по данному вопросу и его знакомстве с полемикой по нему в периодических изданиях [5, р. 210]. Книга (объемом в 459 страниц) состояла из Введения, восьми глав и приложения. В главе I было дано определение «промысловых синдикатов», в главе II – их общая характеристика и описание. В главах III–VI была рассмотрена история американских предпринимательских союзов. Глава VII содержала анализ их юридического положения. Наконец, глава VIII была посвящена «общей постановке вопроса о промысловых синдикатах».

В своей работе И.И. Янжул, прежде всего, показал закономерный характер процесса возникновения монополистических объединений, считая его новым этапом в экономической истории, сменившим эпоху свободной конкуренции и связанным с концентрацией производства и капитала [4, с. 374–385]. При этом ученый отметил причины высокой степени монополизации производства в США (в частности, значительный уровень развития экономики страны в целом, большую самостоятельность штатов в области промышленной политики и др.). Важное место в его работе было отведено выяснению социально-экономического значения деятельности монополистических объединений.

В тесной связи с взглядами на генезис монополистического капитализма в США и его последствия у И.И. Янжула формировалось мнение по вопросу об отношении государства к монополистическим объединениям. Он полагал невозможным ни уничтожение их через искусственный вызов кон-

курении. ни отмену деятельности монополистических союзов законодательными актами. Ученый предложил государству легализовать монополистические объединения, классифицировав их в три группы. Первую группу (промышленные объединения) – признать полезной и желательной формой ассоциации. предназначенной для предупреждения промышленных кризисов, вторую (объединения в торговле) – разрешить под строгим контролем государства и только третью (временные торгово-спекулятивные объединения) объявить «чистым злом» и преследовать уголовными карами.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что командировка И.И. Янжула в США в 1893 г. оказала заметное влияние на его научную деятельность. Книга ученого, посвященная «синдикатам», стала первым, обстоятельным исследованием на русском языке монополистических объединений. По признанию автора, в ходе работы над ней изменились некоторые из его собственных научных воззрений: вместе с осознанием монополий как «новой формы ликвидации старых экономических понятий о свободной конкуренции» его вера во всеисцеляющую силу промышленного и торгового соперничества была утрачена [3, с. 316–317]. В своих «Воспоминаниях» И.И. Янжул также подчеркивал, что в начале XX в. его главные выводы, касающиеся «синдикатов», стали общепризнанными: «Никто теперь из более или менее серьезных ученых не стоит более за простое уничтожение синдикатов как вредной экономической формы; все уже поняли, что это невозможно. Расходятся мнения лишь на том, как... легализовать синдикаты, какие дать им права и обязательства». В 1910 г., отмечал далее Янжул, российское правительство впервые намерено «серьезно заняться составлением законопроекта о синдикатах и внесении его в Думу и Государственный Совет» [3, с. 321]. Однако сильное влияние промышленного и синдикатного лобби не позволило юридически оформить подобный закон и представить его для принятия.

Литература

1. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII-XX века / сост. Э. А. Иванян. – Москва: Международные отношения, 2001. – 696 с.
2. Saul, N. E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914 / N. E. Saul. – Lawrence: Univ. Press of Kansas, 1996. – 672 p.
3. Янжул, И. И. Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Выпуск второй // Янжул И. И. Избранные труды. – Москва: Наука, 2005. – С. 29–354.
4. Янжул, И. И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Америки / И. И. Янжул. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1895. – XI, [1], 459 с.
5. Allen, R. V. Russia Looks at America: The View to 1917 / R. V. Allen. – Wash.: Libr. of Congress, 1988. – 322 p.

КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В 1967 г.

Толмачев Юрий Олегович

*старший преподаватель кафедры всеобщей истории
и международных отношений, кандидат исторических наук
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
Рязань, Россия
prey977@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются китайско-индийские вооруженные столкновения в 1967 г.

Ключевые слова. Граница, война, КНР, Индия, Сикким.

THE SINO-INDIAN ARMED CLASHES IN 1967

Tolmachev Yuriy Olegovich

*Senior Lecturer of the chair of the world history and international relations
PhD in Historical sciences
of Ryazan State University named for S.A. Yesenin
Ryazan, Russia
prey977@rambler.ru*

Abstract. The article describes the Sino-Indian armed clashes in 1967.

Keywords. Border, war, PRC, India, Sikkim.

Китайско-индийская война 1962 г. серьезным образом отразилась на развитии дипломатических отношений между КНР и Индией. Новый Дели и Пекин стали рассматривать друг друга не в качестве стратегических партнеров, а в роли политических соперников. Межгосударственное взаимодействие практически не развивалось. Поэтому два государства уделяли первоочередное внимание своей национальной безопасности, укрепляя границы с соседними государствами. Поскольку пограничный вопрос так и не был решен, то напряжение на китайско-индийской границе в период с 1962 по 1966 гг. существенным образом возрастало.

Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что Новый Дели и Пекин продолжали геополитическую борьбу за усиление влияния в Южной Азии. Национальные интересы двух стран пересекались в небольшом горном королевстве Сикким. В дипломатической корреспонденции стороны продолжали обвинять друг друга в нарушении линии прохождения границы.

В частности, за 1966 г., как утверждалось в китайской дипломатической ноте от 16 января 1967 г., индийская сторона 73 раза нарушила воздушную границу и 71 раз пересекла линию фактического контроля [1, с. 1]. Серьезную обеспокоенность у представителей КНР вызвал тот факт, что индийские военные также дестабилизировали ситуацию на китайско-сиккимской границе, постоянно вторгаясь на китайские территории через проход Нату Ла. Новый Дели на все заявления Пекина отвечал, что большая часть предъявленных обвинений является сфабрированными и бездоказательными, вследствие чего они не заслуживают детального рассмотрения, так как основной целью китайского режима «является поддержание напряженных отношений с другими государствами» [1, с. 21].

Обмен дипломатическими нотами не давал никаких результатов. Поэтому правительство Мао Цзэдуна решает использовать внутривнутриполитический фактор и оказать давление на Индию для того, чтобы последняя пошла на уступки Китаю в пограничном вопросе.

С этой целью китайская сторона поддерживает протестные движения, которые развернулись на территории индийского посёлка Наксалбари. Крестьяне использовали маоизм для того, чтобы оказать сопротивление индийскому правительству [7, с. 67].

Новый Дели, критически оценивая действия китайского руководства, начинает укреплять свои позиции в Сиккиме. Индийские военные в одностороннем порядке разрушили китайскую сваю Мани и установили семь каменных столбов, которые охватывали территорию свыше 2000 метров [1, с. 14]. Пекин незамедлительно отправил ноту протеста, где решительно осудил действия Нового Дели и сравнил их с попыткой пересмотреть в одностороннем порядке линию прохождения китайско-сиккимской границы [1, с. 14].

Министерство Иностранных дел Индии отвергло все обвинения китайской стороны. Несмотря на это политика по укреплению геополитических позиций в Гималайском регионе продолжилась. В июле 1967 г. индийские войска начали перегруппировку в горных перевалах Нату Ла, Чо Ла и Таги Лаги, после чего установили проволочные заграждения [1, с. 16–17].

Китайские политики на формальном уровне объясняли стремление Индии проводить подобный политический курс желанием следовать антикитайской политике, которую активно проводили США, СССР и ряд «реакционных стран» [1, с. 18].

Китайско-индийские противоречия усилились в августе 1967 г., так как в рассматриваемый период времени стороны боролись за горный перевал Нату Ла. Его стратегическая ценность объяснялась тем, что он еще с древних времен связывал между собой Гангток, Ятунг и Лхасу [4]. Более того, в двадцати милях восточнее от этого перехода расположен город Гангток, являющийся столицей княжества Сикким [5]. В результате китайско-пакистанской войны 1965 г. Китай потребовал от Нового Дели освободить этот переход, что и было реализовано на практике, но индийская сторона всегда считала требования китайского руководства неправомерными [4].

КНР в свою очередь решает закрепить свои права на эту территорию. В августе 1967 г. китайские военные осуществили перегруппировку в районе горного перевала Нату Ла и выкопали окопы, которые шли вдоль китайско-сиккимской границы. Китайские и индийские вооруженные формирования стали стоять в непосредственной близости друг от друга.

В связи с тем, что граница между двумя государствами так и не была определена, а дипломатическое взаимодействие было серьезным образом затруднено, ситуация серьезно обострилась в сентябре 1967 г. 6 сентября индийский патруль, двигавшийся к югу от горного перевала Нату Ла, встретился с 20 китайскими солдатами, которые пересекли границу. 7 сентября индийские военные возвели укрепления на сиккимской территории, после чего произошла небольшая потасовка с китайцами. Китайское командование провело разведывательную операцию 9 сентября, а 10 сентября разделились на три отряда. Утром 11 сентября индийские военные инженеры и джаваны начали устанавливать длинные железные колья от перевала Нату Ла к горному переходу Себу Ла вдоль линии границы. Китайский комиссар вместе со своими пехотинцами попросил индийцев остановить установку сетчатого ограждения. Дипломатический диалог плавно перетек в потасовку. Как утверждает очевидец тех событий индийский военный Шеру Тхалпиял, китайцы открыли огонь по индийской стороне сразу после того, как вернулись в свои бункеры [4].

12 сентября боевые действия вновь возобновились. Китайский патруль пересек китайско-сиккимскую границу в районе перевала Нату Ла и вступил в перестрелку с индийскими военными. Перестрелка длилась пять часов, и ее непосредственным результатом стало то, что 25 китайских военных получили ранения.

Индийская сторона в ноте от 12 сентября 1962 г. предложила урегулировать конфликт посредством прекращения огня и встречи между двумя командующими секторами границы на территории перевала Нату Ла [1, с. 19].

Данное теоритическое положение не нашло поддержки со стороны китайского руководства, хотя уже 14 сентября 1967 г. все боевые действия прекратились [3, с. 101]. Спустя два дня китайские военные объявили о том, что индийская сторона может взять тела погибших, оружие и обмундирование. Данная политическая акция должна была «сохранить китайско-индийскую дружбу» [2]. В результате боевых действий погибло 32 китайца и 65 индийских военных [8, с. 197].

Перемирие продлилось вплоть до 1 октября 1967 г. В этот день китайские и индийские военные вновь столкнулись неподалеку от перевала Чо Ла, расположенного в непосредственной близости от Сиккима. По индийской версии, китайцы открыли огонь по индийским пограничникам, сознательно провоцируя новое вооруженное столкновение.

Пекин придерживался диаметрально противоположной точки зрения. По их мнению, если тела индийских военных были найдены на китайской территории, то следовательно акт агрессии осуществила именно Индия. Однако все

их попытки заставить индийского командира подписать документ, где излагалась китайская версия столкновения, закончились неудачей [7, с. 195].

По подсчетам М.Т. Фравеля в этом вооруженном столкновении погибло 63 индийских военных, а количество жертв с китайской стороны так и не было установлено [8, с. 197].

Впоследствии желая каким-то образом снять напряжение, возникшее из-за этих двух столкновений на границе, руководитель тибетского военного округа Ван Чэн, объяснял случившееся исключительным самоуправством со стороны местных китайских военных, отрицая тем самым причастность Мао Цзэдуна и высшего военного командования Китайской народной освободительной армии к этим инцидентам [6, с. 254].

Таким образом, проанализировав пограничные столкновения в 1967 г. следует обозначить несколько принципиальных моментов. Во-первых, обе стороны стремились любым доступным способом обвинять друг друга в вооруженных провокациях. Во-вторых, резкая тональность дипломатических нот Нового Дели объяснима тем, что со времен китайско-индийской войны 1962 г. в индийском обществе весьма болезненно воспринимали любые информационные сообщения, где Индия каким-либо образом шла на уступки Китаю. В-третьих, Китай расценивал действия Индии как несамостоятельные и продиктованные желанием третьих стран снизить международный авторитет КНР. Если говорить о степени влияния вооруженных инцидентов на международную ситуацию в Южной Азии, то следует отметить, что данные локальные столкновения никаким образом не вышли за пределы китайско-индийских отношений, но именно благодаря им индийское правительство решило, что Сикким должен стать частью индийского государства.

Литература

1. Notes, Memoranda and Letters Exchanged between the Governments of India and China. February 1967 – April 1968. White Paper No XIV. – New Delhi: Ministry of External Affairs, Government of India, 1968.
2. Jetly, N. India-China relations, 1947-1977: a study of Parliament's role in the making of foreign policy / by Nancy Jetly. – Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1979.
3. Sali, M. L. India China Border dispute / M. L. Sali. – New Delhi: A.P.H. Pub. Corp., 1998.
4. Sheru Thapliyal. The Nathu La skirmish: when Chinese were given a bloody nose [Электронный ресурс] / Sheru Thapliyal. – Режим доступа: <http://www.claws.in/595/the-nathu-la-skirmish-when-chinese-were-given-a-bloody-nose-sheru-thapliyal.html>. (дата обращения: 05.04.2017).
5. Chinese, Indians in Battle // Chicago Tribune. – № 255 (September 12). – Tuesday. – P. 3.
6. Saunders, C. P. PLA influence on China's national security policymaking / C. P. Saunders, A. Scobell. – Stanford: Stanford Security Studies, an imprint of Stanford University Press. cop., 2015.
7. Bajpai, G. S. China's shadow over Sikkim: the politics of intimidation / G. S. Bajpai. – New Delhi: Lancer Publishers; Hartford, Wi: Spantech & Lancer, 1999.
8. Fravel, M. T. Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes / M. T. Fravel. – Princeton: Princeton University Press 2008.

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ В ЗЕРКАЛЕ ЗАПИСОК РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Федотовская Надежда Александровна
студент V курса исторического факультета
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
fenaal1993@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена представлениям русских путешественников, принимавших участие в кругосветных экспедициях первой половины XIX века о коренных жителях Русской Америки.

Ключевые слова. Алеуты, тлинкиты, колоши, Кадьяк, Ситка, Форт Росс, Ю.Ф. Лисянский, В. М. Головнин.

ALASKA NATIVES IN THE MIRROR RECORDS BY RUSSIAN TRAVELERS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Fedotovskaya Nadezhda Alexandrovna
Student of the V course at the Faculty of History of the Vologda State University
Vologda, Russia
fenaal1993@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the ideas of Russian travelers who took part in round-the-world expeditions of the first half of the XIX century about the natives of Russian America.

Keywords. Aleuts, Tlingit, Koloshi, Kodiak Sitka, Fort Ross, Yu. F. Lisyansky, V. M. Golovnin.

Кругосветные экспедиции стали снаряжать с начала XIX в. Во время этих путешествий мореплаватели обязательно заходили в Русскую Америку, так как в задачи экспедиций входило: доставка грузов в колонии, географические и этнографические исследования и инспекторская деятельность. Большинство экспедиций было совершено в первой половине XIX в.

Стоит отметить, что всех жителей Аляски и алеутских островов, а также острова Кадьяк русские путешественники называли алеутами. Индейское племя тлинкиты, жившее на острове Ситка, русские называли колошами. Это название произошло от слова «калюжки», что означает куски дерева, кости или камня, которые женщины вставляли в губу [1, с. 88].

В 1803 г. была снаряжена первая кругосветная экспедиция под начальством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. В 1804 г. Юрий Фёдорович на корабле «Нева» достиг берегов Русской Америки. На острове Кадьяк Лисянский остался на зимовку, там он провел около года. Поэтому очень под-

робно он описал сам остров и много общался с местным жителями [1, с. 102–114]. Первое, на что Юрий Фёдорович обратил внимание, – это внешний вид кадыякцев. И это вполне естественно, ведь внешний вид коренных жителей Русской Америки был экзотическим, непривычным и странным для русских путешественников. Лисянский отметил крепкое телосложение кадыякцев, большое количество украшений, которыми они себя украшали [1, с. 105]. Юрия Фёдоровича привел в удивление тот факт, что кадыякцы научились строить байдарки, а вот дома строить не научились [1, с. 112]. Возможно, что строить байдарки они научились потому, что основу пищи составляла рыба, и нужно было постоянно её ловить, отправляясь на промыслы. А для этого нужны были лодки. Юрий Фёдорович отметил, что дома кадыякцев простые и неудобные. Дома имели четырехугольную форму с одним отверстием для входа и одним отверстием на крыше, служащим окном и дымоходом [1, с. 112]. Такое строение домов для русского глаза было удивительным. Поэтому Юрий Фёдорович и обратил на это внимание.

Затем Лисянский отправился на остров Ситка. Первое, что бросилось в глаза Лисянскому, – это то, что лица тлинкитов были вымазаны красной и чёрной краской [1, с. 117]. Ещё очень удивительный факт заметил Юрий Фёдорович: ситкинцы имеют огнестрельное оружие, чего не было у остальных местных жителей Русской Америки. Проанализировав записки Лисянского в описании строительства домов коренных жителей Кадыака и Ситки, можно прийти к выводу, что дома кадыякцев и ситкинцев очень похожи. Но есть и различие. Юрий Фёдорович отмечает, что крыши домов ситкинцев покрываются досками и очень похожи на европейские [1, с. 124]. Лисянский отметил, что тлинкитов выделяет их искусство, ремесло [1, с. 125]. Стоит отметить, что Юрий Фёдорович собрал богатую коллекцию различных вещей, принадлежавших коренным жителям Русской Америки. В эту коллекцию входят и различные вещи ситкинцев. Среди них можно выделить маски и шлемы в виде различных животных. По возвращении экспедиции в Санкт-Петербург коллекция была передана в Кунсткамеру.

Следующая кругосветная экспедиция состоялась в 1817–1819 гг. под начальством Василия Михайловича Головнина. Первое, на что он обратил внимание, – это опять же внешний вид местных жителей. Первое, что бросается в глаза при анализе труда Головнина, то, что он указывает на сходство кадыякцев с американцами соседнего берега и в обычаях, и в языке [2, с. 568]. В экспедиции принимал участие натуралист Вормскильд. До кругосветной экспедиции он побывал в Гренландии. Поэтому, пообщавшись с кадыяками, он заметил, что язык кадыякцев очень похож на язык гренландцев [2, с. 569]. Это Василий Михайлович указал в своих записках. Головнин указывает на интересный вариант одежды ситкинцев [2, с. 572]. Их одежда представляла собой смесь их национальной одежды с европейской. Эта кругосветная экспедиция посетила Форт Росс.

В экспедиции принимал участие Фёдор Петрович Литке. Он отмечает, что индейцы, жившие рядом с крепостью Росс, ходят без одежды или у них имеются повязки, которые и служат одеждой. Отсюда Фёдор Петрович сделал вывод, что индейцы не имеют представлений о стыде. Однако он делает очень важное замечание в отношении домов местных жителей. Литке отмечает, что жилища местного племени похожи на ульи, чем на дома людей. Очень интересно сделаны эти дома: прутья, воткнутые в землю полукругом, соединены вместе и закрыты сухой травой [3, с. 270–300]. Следует отметить, что такие дома не спасали от непогоды. Однако Литке пишет, что местные жители ведут полукочевой образ жизни. Отсюда можно сделать вывод, что такие дома очень быстро собирались и очень быстро разбирались. А так как индейцы вели полукочевой образ жизни большие и сложные в строительстве дома им были просто не нужны. Ещё один участник экспедиции Фёдор Фёдорович Матюшкин при посещении Форта Росс сделал очень важное замечание: местные жители для скорости обтягивают стрелы жилами [4, с. 307–308]. Анализируя записки путешественников, можно сделать вывод, что такой находки нет у жителей Алеутских островов.

Андрей Петрович Лазарев во время кругосветной экспедиции 1822–1824 гг. ненадолго заходил в Ново-Архангельск. Проанализировав записки Лазарева, можно сделать вывод, что он нелицеприятно отзывался о колошах. «Колоши, сии дикари не имеют не малейшего понятия о Высочайшем Существо, не признают никакого Божества, нет у них ни законов, ни прав общежития» [5, с. 159]. Андрей Петрович отмечает неопрятность тлинкитов, отвратительный запах, исходящий от них и вымазанные краской лица, которые приводят в ужас [5, с. 167].

Таким образом, можно сделать вывод, что путешественники в первую очередь обращали внимание на внешний вид местных жителей. Это естественно, ведь для русских путешественников внешний вид коренных жителей Русской Америки был экзотическим. Внешний вид – это первое, что бросается в глаза при первой встрече с человеком. Хочется отметить, что в трудах Лисянского и Головнина описываемая внешность коренных жителей их не отталкивала. А вот в трудах Литке и Лазарева, наоборот, внешность коренных жителей Русской Америки их отталкивала, и поэтому они нелицеприятно о них отзывались. Очень подробно все путешественники описали быт, традиции и обычаи местных жителей. Каждый из них приводил какие-либо сведения, которых не было в трудах у других исследователей. Стоит отметить, что в основном путешественники не называли местных жителей дикарями. Только Андрей Петрович Лазарев, описывая тлинкитов, называет их дикарями.

Литература

1. Лисянский, Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годов на корабле «Нева» / Ю. Ф. Лисянский. – Москва: Дрофа. 2007. – 350 с.

2. Головин, В. М. Путешествия вокруг света / В. М. Головин. — Москва: Дрофа. 2007. — 893 с.
3. Литке, Ф. П. Из дневника, веденного во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». Посещение Калифорнии. 4-28 сентября 1818 г. / Ф. П. Литке // Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803-1850 : в 2 т. Т. 1. — Москва, 2005. — С. 270-300.
4. Матюшкин, Ф. Ф. Из «Журнала кругосветного плавания на шлюпе «Камчатке» под командою капитана Головинина». Посещение Калифорнии / Ф. Ф. Матюшкин // Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803-1850: в 2 т. Т. 1. — Москва: Наука, 2005. — С. 307-308.
5. Лазарев, А. П. Плавание вокруг света на шлюпе «Ладоба» в 1822, 1923 и 1924 гг. / А. П. Лазарев. — Санкт-Петербург: Морская типография, 1832.

УДК 94:327

ИТАЛЬЯНСКАЯ МОДЕЛЬ ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ЕВРОПЕ ПЕРИОДА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XVIII вв.): ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Циватый Вячеслав Григорьевич

Первый проректор

Дипломатической академии Украины при МИД Украины,

кандидат исторических наук, доцент,

заслуженный работник образования Украины

Киев, Украина

tsivatyy@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств раннего Нового времени (XVI–XVIII веков). Особое внимание уделяется институциональному развитию общественно-политической мысли и институционально-дипломатической практике в Европе, в частности — итальянской модели дипломатии. В яркой палитре истории итальянских земель (Рим, Венеция, Флоренция, Милан и др.) видное место занимает их дипломатия как средство реализации внешней политики, с деятельностью которой связывают блестящие внешнеполитические успехи, поражения и опасные концепции. Внимание акцентируется на анализе особенностей институционального развития дипломатической службы, формирования дипломатического инструментария, техники переговорного процесса, норм протокола, этикета и церемониала Италии в исследуемый период.

Ключевые слова. Внешняя политика, дипломатия, модель дипломатии, институционализация, итальянская модель дипломатии, раннее Новое время (XVI–XVIII вв.), Европа.

ITALIAN MODEL OF DIPLOMACY AND DIPLOMATIC PRACTICE IN EUROPE FOR THE EARLY TIME OF THE MODERN PERIOD (XVI–XVIII CENTURIES): INSTITUTIONAL CONTEXT

Viacheslav Tsivaty

First Vice-Rector of the Diplomatic Academy of Ukraine

under the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine,

Doctor of History, Associate Professor, PhD

Honored Worker of Education of Ukraine

Kyiv, Ukraine

tsivatty@gmail.com

Abstract. The foreign policy and diplomacy of the European countries of the Early time of the Modern Period (XVI–XVIII centuries) is analyzed at the article. Special attention is given to the institutional development of social and political thought and the institutional and diplomatic practice in Europe, and in particular to the Italian model of diplomacy. In the bright palette of the history of Italian cities (Rome, Venice, Florence, Milan, etc.) their diplomacy occupies a prominent place as a means of implementing foreign policy, whose activities are associated with brilliant foreign policy successes, defeats and dangerous concepts. Attention is focused on the analysis of the peculiarities of the institutional development of the diplomatic service, the formation of diplomatic tools, techniques negotiations process, of the protocol rules, of etiquette and ceremonies of Italy in the period under study.

Keywords. The foreign policy, diplomacy, the diplomacy model, institutionalization, Italian model of diplomacy, Early time of the Modern Period (XVI–XVIII centuries.), Europe.

Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии раннего Нового времени занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти. В сфере внешних сношений таким средством реализации внешней политики является – дипломатия. С этой проблематикой связаны и оценочные суждения современников относительно различных государственно-правовых форм и типов правления. институционализации политических процессов, объективной оценки реальности и создания идеалов при освещении задач и практической деятельности власти [1, с. 284–293].

В период раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) в Европе, и в итальянских землях в частности, институционализировались особые модели дипломатии. Сформировались дипломатические школы в Риме, Венеции, Флоренции. Милане и других итальянских землях. В этот период существовала особая модель межгосударственных отношений, теоретическое обоснование и разработка дипломатического инструментария которой во многом принадлежит итальянцу Никколо Макиавелли. В этот период термин «дипломатия» использовался для обозначения средств и методов осуществления внешней политики государства. Никколо Макиавелли (1469–1527) в своих работах и дипломатической практике понимал дипломатию в более узком толковании этого термина. Он

соотносил понятие дипломатии как функции, т.е. функциональной деятельности по осуществлению или управлению двусторонними или многосторонними отношениями. Он отождествлял дипломатию как технику осуществления внешнеполитических задач и, в данном случае, акцент делал на процессе реализации дипломатией своей функции: установления формального контакта между государствами для ведения диалога, ведения переговоров [2, р. 93].

В 1498 году Н. Макиавелли поступил на государственную службу и как посол погрузился в дела межгосударственные. В период с 1499 по 1512 годы он предпринял множество дипломатических миссий. Свою дипломатическую практику и дипломатическое мастерство оттачивал при дворах Людовика XII во Франции, Фердинанда II и при Папском дворе в Риме. Труды итальянского политика, историка, мыслителя, писателя и дипломата Никколо Макиавелли (1469–1527) полны актуальных принципов, рекомендаций и инструментов дипломатии. Самоуверенность, смелость и гибкость сильного государства, политика, дипломата – вот от чего зависит, по мнению Никколо Макиавелли, успех, результативность и эффективность проводимой им политики и реализации внешнеполитических задач государства. Это настоящее руководство по придворным и дипломатическим интригам, дипломатическим технологиям достижения успеха любой ценой и вседоступными средствами [3].

В своём произведении «Государь», сделавшим его известным на века, итальянский дипломат Никколо Макиавелли анализирует и подробно описывает свойства характера, приёмы, методы и инструментарий дипломатии для управления государством, необходимые идеальному правителю. Макиавелли убеждён в том, что политика и дипломатия – это искусство, которое не зависит от морали и религии, когда речь идёт о средствах, а не о целях. Государь (Правитель) в идеальном образе Никколо Макиавелли всё время должен осознанно или неосознанно удерживать функционально-властную универсальность в целостности посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры и делать взвешенные выводы из исторических сравнений. Государь должен научиться умению отступать от добра и справедливости и пользоваться этим в зависимости от многообразия факторов и жизненных обстоятельств.

Важную роль Никколо Макиавелли придавал переговорному процессу. Именно с дипломатией он связывал понятие инструмента политики, инструмента ведения переговоров. Искусство ведения переговоров в период раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) было главным инструментом межгосударственных отношений. А зачастую в этот период дипломатия попросту идентифицировалась с самим искусством ведения переговоров, т.е. искусное применение совокупности тактических методов и приёмов, а также знаний предмета переговоров, ориентированное на достижение конкретных целей (порою даже любой ценой), являющихся звеньями реализации стратегических целей (в данном случае – целей внешней политики государств раннего Нового времени). Никколо Макиавелли как теоретик и дипломат-практик своего времени отчётливо осознавал и умело анализировал проис-

ходящие процессы в Западной Европе. Его поучения, рекомендации и практические действия в дипломатической сфере оказывали влияние на ход европейской политики на рубеже Средневековья и раннего Нового времени и заложили фундамент дальнейшей политико-дипломатической деятельности на протяжении последующих веков [4]. Силловые инструменты внешней политики у Никколо Макиавелли обретают различные формы и методы – от угрозы, от сдерживания до военного давления, до войны. Экономическая война также уже начинает пониматься современниками как силовой инструмент внешней политики государства [5]. Как верно отмечает Никколо Макиавелли, дипломатия – это постоянно действующий институт профессиональных посредников (переговорщиков), дипломатов, созданный в каждом государстве с определёнными целями. Приёмы и методы дипломатии раннего Нового времени – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства. Цели дипломатической деятельности на практике, однако, зачастую сопряжены со значительными трудностями (яркие примеры чему мы находим в описаниях Никколо Макиавелли), и результаты могут не совпадать с ожиданиями и чаяниями. Связано это с целым рядом факторов и условий, которые могут или благоприятствовать или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач [6; 7, с. 113–116].

Т.о., итальянская модель дипломатии послужила одним из классических образцов для формирования институтов дипломатии европейских государств. Дипломатические практики итальянских городов способствовали формированию эффективной политико-дипломатической системы европейских государств. Идеи и правила дипломатического инструментария Никколо Макиавелли стали привычным элементом современности, и зачастую – те, кто их использует, и не догадываются, кто был их одним из истинных авторов итальянской модели дипломатии.

Литература

1. Циватый, В. Г. Институционализация дипломатической службы европейских государств на рубеже Средневековья и раннего Нового времени: теоретико-методологический аспект / Вячеслав Циватый // *Codrul Cosminului*. – 2012. – Т. XVIII. No. 2. – Р. 287-294.
2. Larivaille, P. *La vie quotidienne en Italie au temps de Machiavel* (Florence, Rome) / P. Larivaille. – Paris, 1979. – 336 p.
3. Макиавелли, Никколо. Государь / Н. Макиавелли. – Москва: [б.и.], 2017. – 448 с.
4. Циватый, В. Г. Європейська зовнішня політика доби раннього Нового і Нового часу: проблеми інституціоналізації (теоретико-методологічний аспект) / В. Г. Циватый // *Науковий вісник Дипломатичної академії України*. – Київ, 2000. – Вип. 4. – С. 268-274.
5. Bourgeois, L. *Quand la cour de France vivait à Lyon (1491-1551)* / L. Bourgeois. – Paris, 1980. – 356 p.
6. Livet, G. *L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle* / G. Livet. – Paris, 1976. – 176p.
7. Юсим, М. А. Макиавелли: мораль, политика, фортуна / М. А. Юсим. – Москва: Канон+, 2011. – 576 с.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ**

УДК 37.014.543(470.12)

**МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА НАРОДНЫХ ШКОЛ В ВОЛОГОДСКОЙ
ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Воротникова Наталья Сергеевна

доцент кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин,

кандидат исторических наук

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

NS_history@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается материальная база народных школ во второй половине XIX – начале XX века на территории Вологодской губернии. На основании историко-сравнительного метода исследования в статье сравниваются и сопоставляются объекты, формы, виды и источники финансирования начального образования. Исследование проблемы построено на анализе архивных источников и опубликованных делопроизводственных и статистических материалах.

Ключевые слова. Средства Государственного казначейства, земские сборы, сборы с сельских обществ, пожертвования частных лиц, церквей, монастырей, крестьянский сбор, уездные и губернские земские Собрания и Управы.

**THE MATERIAL BASE OF PUBLIC SCHOOLS IN
VOLOGDA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX –
EARLY XX CENTURY**

Vorotnikova Natalia Sergeevna

Associate Professor of the Department of General history

and socio-economic disciplines, PhD ist. of Sciences

Vologda state University

Vologda, Russia

NS_history@mail.ru

Abstract. The article considers the material base of public schools in the Vologda province in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century. The article, basing on the historical-comparative approach compares the objects, forms, types and sources of the financing of primary education. The

study of the problem is based on the analysis of the archival materials and published record management and statistical documents.

Keywords. The Treasury assets, zemstvo (territorial) levy, levy from rural communities, donations from private individuals, churches, monasteries, peasant levy, provincial and district zemstvo Assemblies (zemskoye sobraneye) and Councils (zemskaya Uprava).

Появление в России ряда проектов и программ, направленных на модернизацию системы образования, таких как «Концепция модернизации педагогического образования (2014–2017)», «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы», говорят о том, что в настоящее время государство обеспокоено состоянием образования. В российском обществе идут интенсивные поиски наиболее приемлемых для современных условий форм и методов образования и воспитания. Осмысление наиболее ценного исторического опыта финансирования системы начального образования России второй половины XIX – начала XX века (на материалах Вологодской губернии) дает возможность сопоставить, проанализировать и сравнить объекты, формы, виды и источники финансирования начального образования.

Исследование проблемы финансирования народного образования в Вологодской губернии построено на анализе таких источников, как законодательные акты центральных органов государственной власти, делопроизводственные материалы государственных и земских учреждений, ряд статистических источников и неопубликованных архивных материалов фондов «Вологодской губернской земской управы» и «Вологодских Епархиальных ведомостей» Государственного архива Вологодской области.

Во второй половине XIX – начале XX века государство принимало активное участие в обучении населения и считало целесообразным поощрение народного образования. В 1860-е годы на территории Вологодской губернии действовало четыре основных типа школ: «школы грамоты», церковно-приходские, земские школы, министерские двухклассные училища [1, с. 5]. Реформа 1864 года дала определенный толчок развитию начального образования. В значительной степени это было связано с деятельностью земств – органов местного самоуправления, на которое правительство переложило заботу о материальном положении школ, о распространении грамотности среди крестьянских детей (закон «О земских учреждениях» от 1 января 1864 года) [2, с. 12].

В материально-финансовом плане министерские начальные школы содержались за счет самих крестьян: государственные крестьяне были обложены для этой цели специальным общественным сбором. В 1850-е гг. расходы Министерства народного просвещения покрывались суммами общест-

венного сбора, а при недостатке таких сумм – отчислениями от хозяйственного капитала [3, с. 249]. Министерские училища в пореформенный период содержались за счет незначительного пособия из казны и открывались при условии, если земство, сельское общество или частные лица возьмут на себя обязательство обеспечить их участком земли, помещением, техническим персоналом, а также будут участвовать в содержании учителей [4, л. 20].

Материальное обеспечение школ грамоты было более слабым по сравнению с другими типами школ. После передачи школ грамоты в управление Духовного ведомства в 1891 г. они получили финансовую поддержку со стороны церковных органов, но Духовное ведомство не делало различий между церковно-приходскими школами и школами грамоты.

В 1871 г. создается сеть земских школ, расходная часть бюджета которых в среднем на содержание одной сельской школы в Вологодской губернии равнялась 526 руб. в год. До 1890-х гг. эта сумма оставалась неизменной. Она складывалась из ежегодно отпускаемых средств от министерства народного просвещения (МНП) – 226 руб. (в среднем на 1 школу) и остальной суммы – в среднем 300 руб. – от земств и сельских обществ [5, с. 180]. По инструкции от 4 июня 1875 г. часть средств на содержание школ выделялась МНП: на жалованье, на учебные пособия и частично на дополнения к «училищному сбору» с государственных крестьян. Содержание помещений, квартир учителей, средства на отопление и освещение брали на себя сельские общества. Такая система, когда земские школы содержались на совместные средства сельских обществ и земств при непосредственной помощи государства, просуществовала до середины 1890-х гг.

За восемь лет (1873–1881 гг.) процент, ассигнуемый на начальное образование земством Вологодской губернии, в общих расходах земства составлял 5,4%. Таким образом, до 1881 г. губернское земство еще принимало участие в материальной поддержке начального образования (в проведении учительских съездов, наделении земских школ землей). С 1881 по 1897 гг. губернское земство выделяло только 1,7% от бюджета на начальное образование, а основная забота о начальных школах возлагалась на уездные земства, за исключением школ Сольвычегодского и Устьысольского уездов. За 24 года (1873–1897 гг.) расход губернского земства на начальное образование уменьшился, тогда как общая смета расходов за этот же период возросла в 9,3 раза [6].

Церковно-приходские школы в деревнях Вологодской губернии во второй половине XIX в. финансировались Министерством народного просвещения и Священным синодом. Затраты на одну церковно-приходскую школу в губернии в 1879 г. в среднем составляли не более 66 руб. [7, с. 94–95]. В 1892 г. денежное содержание церковно-приходских школ увеличилось за счет постоянных субсидий и временных пожертвований от уездных земств

Вологодской губернии, сумм, выделяемых Священным синодом, волостными и сельскими обществами, а также церквями и монастырями епархии. Епархиальным училищным советом, церковными попечительствами, Епархиальным братством, городскими обществами и др. Из указанных источников на содержание церковно-приходских школ и школ грамоты в 1892 г. всего поступило 54 604 руб. 56 коп. [8, с. 140].

В 1884 г. земствам рекомендовалось оказывать материальную помощь церковно-приходским школам, в связи с чем МНП стало ежегодно получать из средств государственного казначейства крупные ассигнования на церковно-приходские школы: в 1908 г. сумма ассигнований на одну губернию составляла 6900 руб., в 1914 г. – 11 000 руб. [9, с. 404].

Литература

1. Успенский, М. И. Начальное народное образование в Санкт-Петербургском учебном округе: стат. очерк / М. И. Успенский // Вопросы народного образования. – 1913. – № 14/15 (ноябрь – декабрь). – С. 3-53.
2. Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898-1899 года. Т. 2. – Ярославль; Вологда: [б. и.], 1902. – 161 с.
3. Дружинин, П. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2 / Н. М. Дружинин. – Москва; Ленинград: [б.и.], 1946.
4. Российский государственный исторический архив. – Фонд 383. Министерство земледелия. Первый департамент. – Опись 6. – Дело 5094. – Лист 20.
5. Отчет Вологодской уездной земской управы за время с 5-го февраля по 1-е сентября 1870 года 2-му очередному Земскому Собранию. – Вологда, 1870.
6. Памятная книжка Вологодской губернии на [1873, 1879–1881, 1896/97]. – Вологда, 1874–1898.
7. Обзор учебного дела по Вологодской губернии за 1879 г. // Вологодский календарь на 1881 год. – Вологда, 1880.
8. Краткий статистический очерк учебно-образовательного дела за 1892 г. // Памятная книжка Вологодской губернии на 1893–1894 годы. – С. 137-140.
9. Народное образование в земствах. – Москва, 1914.

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ АРХИВЫ КНЯЗЕЙ СОГОРСКИХ XV–XVI вв.*

Грязнов Анатолий Леонидович

НП «НИЦ «Древности»

Вологда, Россия

rubicon-2@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются владельческие архивы князей Согорских.

Ключевые слова. Акты, землевладение, князья, Белозерье, Пошехонье.

POSSESSORY ARCHIVES OF PRINCES SOGORSKY XV–XVI CENTURIES

Gryaznov Anatoly

Non-commercial partnership «Research Center «Drevnosti»

Vologda, Russia

rubicon-2@yandex.ru

Abstract. In article are investigated possessory archives of princes Sogorsky.

Keywords. Acts, land tenure, princes, Belozerye, Poshekhonye.

Забота о сохранении и пополнении семейных архивов была важной частью жизни любого средневекового землевладельца. Владельческая документация подтверждала права на вотчины и поместья и защищала от притязаний на них посторонних лиц. К сожалению, ни владельческих, ни хозяйственных архивов светских феодалов Северо-Восточной Руси за древнейший период практически не сохранилось. Причин для этого было несколько. Важнейшие из них – пресечение многих родов и перетасовка земельных владений во время Опричнины, когда многие уезды целиком лишались старого слоя землевладельцев, а некоторые служилые люди по два-три раза меняли вотчины. Прежняя владельческая документация теряла актуальность и соответственно ценность в глазах ее владельцев. Кроме того, документам постоянно грозила гибель при различных катаклизмах.

Состав и репрезентативность сохранившихся документов напрямую зависят и от генеалогических факторов. При разветвлении рода подлинники ранних документов могли остаться только у одной линии потомков первоначального владельца вотчины, тогда как другие ветви начинали формиро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Родовое землевладение Белозерских князей в XV–XVI вв.» № 17-01-00073.

вать свой комплект документов заново. Значительное число древних вотчин перешло в монастыри, а вместе с ними в монастырский архив иногда передавались комплексы владельческой документации за ранний период. В ином случае уцелеть у документов практически не было шансов, и по большинству фамилий мы имеем только разрозненные остатки семейных архивов [1; 2, с. 21–22; 3, с. 11–17].

Первоочередные вопросы, на которые необходимо ответить при изучении семейных архивов светских феодалов, – их состав, время появления, интенсивность накопления, история. В ряде случаев возможно в общих чертах установить время и обстоятельства разрушения и гибели архивных комплексов и основные вехи бытования текстов актов (подлинников и списков) после включения их в состав новых архивов (как правило, монастырских, а затем и государственных).

Князья Согорские являлись ветвью Белозерских князей. Впервые с такой фамилией/титолом упоминается Василий Федорович Согорский, живший в конце XIV в. Фамилию Согорский унаследовал его третий сын Семен. Двое сыновей Семена Васильевича, жившие в середине XV в., стали основателями двух ветвей рода Согорских. Последние представители рода фигурируют в источниках в конце XVI в. Таким образом, основное время действия рода Согорских приходится на вторую половину XV – XVI вв. Соответственно документы их владельческого архива также относятся к этому времени. Родовые вотчины Согорских располагались в микрорегионе Согорза, позднее ставшей Согорской волостью. Сама Согорза находилась в Пошехонье, по соседству с владениями других ветвей Белозерских князей: Ухтомой, Шелешпалом, Дябрино, Белым Селом, Углецей Константиновой.

На данный момент опубликовано шесть актов, относящихся к землеволодению Согорских. Благодаря им выясняется, что одна из пошехонских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря – с. Тутаново, поступило вкладом от кнг. Соломонида Хованской, дочери кн. Константина Ахметековича Согорского. В целом, изданная подборка последовательно освещает историю этой вотчины. Самый ранний документ – разъезжая Ахметека Согорского и Семена Шелешпальского между их вотчинами с. Тутановым и с. Поляниновым (1517/18 г.). Вторая грамота – деловая между кн. Константином и Федором Иоакимовичами (1528/29 г.). При публикации в АЮ их отождествили с князьями Дябринскими, однако, братья делили свою вотчину в Согорзе (с. Тутаново) и дябринский прикуп. Следовательно, основная их вотчина располагалась в Согорзе и сами братья принадлежали к роду Согорских. Подтверждает это и рядная кнг. Соломонида (1541/42 г.), в которой описывается ее обширная вотчина с центром в с. Тутаново. Отцом Соломонида назван Константин Ахметекевич, благословивший ее вотчиной. Тут же дается и отсылка на духовную грамоту ее деда Ахметека. Следовательно, Константин Иоакимович, распоряжавшийся с. Тутановым в 1528/29 г., тождественен Константину Ахметекевичу, получившему с. Тутаново по духовной

отца [4, с. 165, 277–278, 418]. Правильность этого отождествления подтверждается записью рода Согорских в родовом синодике князей Шелешпальских [6, с. 209].

По деловой 1528/29 г. каждому из братьев Ахметековичей кроме вотчины в Согорзе полагался еще некий дябринский прикуп. Причем, его могли выкупить наследники прежнего владельца кн. Ивана Дябринского. Судьбу части этой вотчины проясняет данная грамота Ивана Андреевича Кутузова (1550/51 г.), который по духовной своей жены Евдокии передал в Павло-Обнорский монастырь с. Ахметеково в Дябрине [6, с. 267–268]. В этой данной указано, что Евдокия была дочерью Константина Ахметековича Согорского, который и благословил ее с. Ахметековым. Следовательно, Евдокия была родной сестрой Соломонида, и в приданое за княжнами были даны обе половины вотчины Константина.

К Дябрину относится еще одна грамота, связанная с землевладением Согорских. В копиях книги Павло-Обнорского монастыря сохранилась данная Степана Дмитриевича Согорского на сс. Гульнево и пустошь Тюшков починок, которые он получил от своей тетки Марфы, вдовы кн. Александра Ивановича Нашокина-Кемского [6, с. 279]. Древнейшим документом, происходящим из владельческих архивов Согорских, является разъезжая между владениями Ивана Владимировича Согорского и Ивана Волка Ивановича Ухтомского (1500–1506 гг.). Эта грамота относится к землевладению старшей ветви Согорских [7, с. 146–147].

Опубликованными документами не исчерпывается весь объем сохранившихся поземельных актов, происходящих из семейных архивов князей Согорских. В архиве Кирилло-Белозерского монастыря обнаруживается еще ряд документов. В первую очередь, это подлинник межевой грамоты, составленной княгиней Ульяной Согорской «поговоря с старцы соборными Кирилова монастыря» (1566 г.) [8]. В ней уточнялась граница между княжеской и монастырской вотчинами (проведенная шестью десятилетиями ранее в разъезжей 1500–1506 гг.). В кирилловских копиях книг обнаруживаются еще три акта, относящихся к линии Ахметековых-Согорских. В частности, вкладная княгини Соломонида Хованской на с. Тутаново (1568 г.), купчая кн. Александра Ивановича Нашокина-Кемского у Ивана и Дмитрия Федоровичей Ахметековых-Согорских на вотчину в Дябрине (1550/51 г.), а также очищальная братьев Согорских на эту вотчину [9]. Данная княгини Соломонида на с. Тутаново обнаруживается в фонде Кирилло-Белозерского монастыря в ОПИ ГИМ. С ней связан один момент, который требует дополнительных разысканий. Данная Соломонида в 1763/64 г. вместе с другими подлинными кирилловскими документами была отправлена в фонд ГКЭ, но каким-то образом оказалась в ГИМ, причем вместе с отпиской, данной кирилловскими властями княгине Соломониде в получении от нее вкладной вотчины [10], которая не упоминается ни в одной из копийных книг.

Казалось бы, малочисленность сохранившихся актов, происходящих из семейных архивов князей Согорских, делает невозможным реконструкцию

этих архивов, но, на самом деле, материала для обоснованных суждений хотя и сравнительно мало, но все же вполне достаточно для того, чтобы наметить основные контуры такой реконструкции. Сделать это можно, опираясь не только на сохранившиеся тексты и реконструкцию истории их бытования, но на основании выяснения того, какие акты не попали в свое время в монастырские архивы и, следовательно, не сохранились.

В перечисленных грамотах упоминаются закладная кн. Ивана Дябринского (очевидно, Ахметеку Согорскому) (может датироваться 1495–1529 гг.); духовная Ахметека (между 1518 и 1529 гг.); духовная Евдокии Кутузовой (составлена немногим ранее 1551 г.); купчая кнг. Ульяны Согорской на сд. Яковлевское у кнг. Аграфены Согорской с детьми Семеном, Иваном и Василием (между 1530 и 1557 гг.). В деловой 1528/29 г. братья Ахметековичи кроме дябринского прикупа разделили еще «новый прикуп» в Дябрине. Расположение двух частей этого «нового прикупа» свидетельствует, что первоначально он не составлял единого целого и, следовательно, должно было существовать как минимум две купчие на эти земли. Не сохранился комплекс документов, связанных с сд. Гульневым. В данной кн. Степана Согорского сказано, что он получил его как благословение своей тетки кнг. Марфы, вдовы кн. Александра Нащокина-Кемского. Следовательно, переход вотчины к Степану фиксировался или отдельной данной или (что более вероятно) духовной грамотой кнг. Марфы. Но как эта вотчина в центре владений Согорских попала к княгине? Скорее всего, это была ее приданная вотчина. Соответственно должна была существовать рядная грамота. Еще две рядных грамоты должны были составляться для дочерей Константина Ахметековича (сохранившаяся рядная Соломониды составлена при заключении второго брака, что указывает на существование и первой). О духовной князя Константина прямо нигде не говорится, но в данных на вотчины его дочерей говорится, что это его благословения. Поэтому, скорее всего, распределение вотчин между дочерьми было зафиксировано в его посмертных распоряжениях. Межевая кнг. Ульяны относится к вотчине сд. Яковлевского, которым первоначально владела семья кн. Федора Владимировича. Однако на рубеже XV–XVI вв. Яковлевское еще было деревней, а владельческим центром вотчины был другой населенный пункт. Вероятно, получение Яковлевским статуса сельца связано с разделом вотчины Ивана Владимировича между его детьми Григорием и Владимиром. Таким образом, по упоминаниям и косвенным сведениям устанавливается существование еще не менее 12 документов.

Из сохранившихся документов только комплекс актов, относящихся к с. Тутанову, непосредственно происходит из семейного архива Согорских (5 номеров). Тексты остальных документов восходят к экземплярам, хранившимся в архивах или других ветвей Белозерских князей, или монастырей. Противни этих документов, в свое время хранившиеся в семейных архивах Согорских, в настоящее время утрачены.

Большинство выявленных актов связано с линией Ахметековых-Согорских (19 из 23 номеров). Вполне вероятно, что не меньшее количество документов было связано с землевладением других линий Согорских. Всего в линии Ахметековых-Согорских насчитывалось 9 представителей и соответственно на каждого из них в среднем приходилось не менее двух актов. Следовательно, с 28 Согорскими XV–XVI вв. могло быть связано существование приблизительно 60 актов. Текстуально сохранилось менее пятой части этого комплекса. Тем не менее, основываясь на сохранившихся текстах, можно в общих чертах воссоздать контуры и структуру владельческих архивов князей Согорских. Судя по всему, их основную часть составляли духовные и деловые грамоты. Сравнительная обеспеченность позволяла Согорским также приобретать новые вотчины (как через заклад, так и напрямую). Это сближает состав владельческих архивов Согорских с владельческими архивами их ближайших родственников – Кемских [11; 12] и существенно отличается от структуры архивов, например князей Ухтомских и Шелешпальских [2; 13; 14]. Судьба семейных архивов Согорских, точнее, их гибель, очевидно, связана с пресечением всех ветвей рода в конце XVI в.

Литература

1. Антонов, А. В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. Вып. 8. – Москва, 2002.
2. Грязнов, А. Л. Реконструкция вотчинных архивов князей Ухтомских / А. Л. Грязнов // История и культура Ростовской земли. 2014. – Ростов, 2015.
3. Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.) / В. Б. Кобрин. – Москва: Мысль, 1985. – 278 с.
4. Акты юридические. – Санкт-Петербург, 1838.
5. Грязнов, А. Л. «Память творит... и монастырь кормит». Родовая память князей Шелешпальских в XV – XVII вв. / А. Л. Грязнов // Православный монастырский мир: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции 27 мая 2016 года. – Ярославль, 2017.
6. Каштанов, С. М. О земельных владениях Белозерских князей в Пошехонье / С. М. Каштанов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006. – Москва, 2010.
7. Стрельников, С. В. Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря / С. В. Стрельников // Русское средневековье. – Москва, 2012.
8. РГАДА. – Ф. 281 (Грамоты коллегии экономии). – № 9700.
9. ОР РНБ. СПбДА. А1/17. Л. 141 об. – 142 об., 164 об. – 165, 166 – 166 об.
10. ОПИ ГИМ. – Ф. 484. – Д. 46.
11. Грязнов, А. Л. Землевладение князей Кемских в XV–XVI вв. / А. Л. Грязнов // Исследования по истории средневековой Руси. – Санкт-Петербург, 2006.
12. Грязнов, А. Л. «А землю поделят себе по жеребьям»: идея и практика сохранения родового землевладения князей Кемских / А. Л. Грязнов // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. – Москва, 2017.
13. Грязнов, А. Л. «В Пошехонье на Ухтоме» и Ухтомская волость: XVI – начало XVII века / А. Л. Грязнов // Историческая география. – Москва, 2016. – Т. 3.
14. Грязнов, А. Л. Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI вв. / А. Л. Грязнов // Историческая география. – Москва, 2014. – Т. 2.

АРХИТЕКТОНИКА СУДЕБНИКА КОРОЛЯ АЛЬФРЕДА ВЕЛИКОГО

Золотарев Антон Юрьевич

доцент кафедры истории и политологии, кандидат исторических наук

Воронежский государственный технический университет

Воронеж, Россия

aurelianus@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается структура и внутритекстовые связи Судебника Альфреда Великого. Делаются выводы о порядке работы над ним, о цели его создателей.

Ключевые слова. Раннее средневековье, Англия, Инэ, Альфред Великий, законодательство, законодательная техника.

AN ARCHITECTONICS OF KING ALFRED'S THE GREAT DOMBOC

Zolotarev Anton Yurievich

Voronezh State Technical University

Voronezh, Russia

aurelianus@mail.ru

Abstract. An article deals with a structure and intro-textual links of king Alfred's law-book. One draws a conclusion on law-making process and purposes of its designers.

Keywords. Anglo-Saxon England, Ine, Alfred the Great, law, legislation, law-making.

Более ста лет назад историк Ч. Пламмер в посвященной Альфреду Великому книге писал: «Должен признаться, что изучение англосаксонских законов повергает меня в состояние умственного хаоса. Как правило, я знаю смысл отдельных слов; я могу, хотя и не всегда однозначно, составить из них предложения. Но к чему это все для меня полная загадка» [1, р. 122]. Изучение архитектуры этого памятника позволяет хотя бы отчасти ответить на это недоумение.

Судебник короля Альфреда Великого (не путать его с законами Альфреда, которые являются его частью) состоит из оглавления, пролога и 120 титулов. Ф. Либерманн, автор наиболее авторитетного научного издания англосаксонского законодательства, ставил под сомнение принадлежность оглавления оригинальному тексту на том основании, что во многих случаях группировка норм в тот или иной титул является nonsensом, еще одним аргументом является использование в оглавлении несколько иной лексики, чем в основном тексте [2, S. 34]. Иную точку зрения высказал М. Терк, а через век после него – П. Уормальд. Дело в том, что Судебник – не единственный письменный памятник, созданный по распоряжению и при участии короля Альфреда. По его приказу на древнеанглийский были переведены кни-

ги канона раннесредневековой латинской христианской литературы: «Церковная история народа англвов» Беда Достопочтенного, «Пастырское правило» папы Григория Великого, «История против язычников» Павла Орозия. Переводчики также снабдили их оглавлением, которое далеко не всегда адекватно отражает их смысл и содержание. Отсюда вывод, что и эта часть Судебника является частью оригинального замысла и была составлена сразу же или спустя непродолжительное время после завершения работы над ним, возможно, другим человеком, но при этом она должна рассматриваться в контексте общего замысла этого памятника, являющегося не столько юридическим, сколько литературным произведением [3, р. 47–48; 4, р. 268–269].

Пролог, занимающий около 20% текста Судебника, состоит из двух частей, начало каждой выделено красной строкой и инициалом. Первая представляет собой выборочное изложение на древнеанглийском Второзакония Моисея из книги Исхода, иногда буквально следующее тексту Библии, иногда достаточно существенно от него отклоняющееся [5, S. 26–43]. Большинство различий носит стилистический характер, обусловленных существованием иных вариантов Вульгаты, чем принятый ныне канонический текст. Но ряд интерполяций отражает стремление короля Альфреда адаптировать ветхозаветный текст к реалиям Англии своего времени, его понимание правовых и моральных принципов христианского общества. Последнее обстоятельство ставит под вопрос широко распространенное в свое время убеждение, что «пролог... не имеет никакого отношения к англосаксонскому праву» [6, р. 35]. В современной науке есть, в частности, попытки использовать нормы этой части судебника для реконструкции положения рабов в англосаксонском обществе [7, р. 81–84].

Вторая часть пролога посвящена новозаветному праву. Она содержит две цитаты Христа из Евангелия от Матфея (5:17) о том, что не отменить закон он пришел, а исполнить, а также перевод 23–29 стихов 15 главы «Деяний апостолов», где речь идет об облегчении ветхозаветного закона [5, S. 42–45].

Затем пролог плавно переходит в основную часть, разбитую на титулы. Логическая граница между этими частями настолько размыта, что современные издатели I титул публикуют как последний параграф пролога. Он содержит в себе две сентенции Христа о «золотом правиле» (Матф., 7:12) и о любви к ближнему (Марк, 12:30–31), обе примечательным образом переформулированные. Особенно интересна альфредовская интерпретация заповеди о любви к Господу и ближнему: «Христос, сын Божий... повелел любить своего господина, как самого себя» [5, S. 46] (ср.: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... Возлюби ближнего твоего, как самого себя»). Далее в титуле повествуется о том, что после принятия веры Христовой «по всей земле было создано множество синодов», в том числе и среди народа англвов, и на них было постановлено, что «ради милосердия, которому учил Христос, что с их разрешения повелители-миряне могут, не греша, получать возмещение имуществом почти за все преступления», кроме пре-

дательства. Постановления эти были записаны во многих синодальных грамотах (*senodbes*), а король Альфред собрал их вместе и прибавил к ним некоторые из своих законов [5, S. 44–46]. Со II титула начинаются собственно постановления Альфреда.

Таким образом, свой судебник Альфред мыслил как прямое продолжение ветхозаветного закона и заветов Христа и апостолов. Оглавление должно было эту мысль продемонстрировать еще нагляднее. Название I титула («О том, что не должен один судить другого, если не хочет, чтоб судили его»), бывшее производным от знаменитого «золотого правила» Христа, стояло в одном ряду с названиями титулов законов самого Альфреда и его предка Инэ (II – «О клятвах и об обязательствах», III – «Об убежище в церкви» и т.д.).

Основная часть Судебника разбита на 120 титулов, 43 из них принадлежат Альфреду, остальные 77 – жившему за 200 лет до него другому королю Уэссекса Инэ. Очевидно, что Альфред поместил в судебник все дошедшие до него постановления Инэ. Об этом говорит то, что был сохранен и их пролог, оставивший XLIV титул судебника [5, S. 88], и ряд других титулов, которые находятся в противоречии с законами самого Альфреда (например, между титулами XXXVI и LXXXIX) [5, S. 72–74; 108–109]. При этом разбить текст именно на 120 титулов оказалось настолько важным, что в жертву было принесено удобство пользования им. В оставшиеся 43 (фактически 42) титула надо было поместить все, что было необходимо, на взгляд короля, из его собственных постановлений. Поэтому в рамках некоторых титулов оказались объединены несвязанные друг с другом нормы (например, титул XXVII «Об изнасиловании несовершеннолетней девушки» включал в себя правило уплаты вергельда человеком, не имевшим родственников [5, S. 64–66]), а последний XLIII титул получился настолько огромным, что современные издатели делят его на 31 часть [5, S. 80–88].

Оба отмеченных свойства имеют символическую природу и связаны с общим замыслом Судебника. 120 – это число лет, прожитых Моисеем, первым законодателем в истории человечества, законам которого Альфред отвел большую часть пролога. Законы Инэ было важно включить в Судебник, ничего в них не исправив, в знак преемственности с законами предков, первых христианских королей англосаксов, о которых говорится в I титуле законов.

Таким образом, изучение архитектоники Судебника Альфреда Великого позволяет сделать два вывода.

Первый касается этапов работы над ним: за основу была взята идея о тексте из 120 частей. 77 были заполнены постановлениями Инэ. В оставшиеся втиснули законы Альфреда, при этом один титул был оставлен для двух евангельских заповедей и краткой истории законодательства после апостолов. Затем были написаны пролог, I титул и оглавление.

Второй заключается в том, что замысел Альфреда состоял в том, чтобы создать скорее символ правосудия, текст с идеологией правосудия, нежели практическое руководство для тех, кто его осуществлял.

Литература

1. Plummer, Ch. The life and times of Alfred the Great / Ch. Plummer. — Oxford: Clarendon press, 1902. — XII, 266 p.
2. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 3. Einleitung zu jedem Stück; Erklärungen zu einzelnen Stellen / Hg. von F. Liebermann. — Halle: Niemeyer, 1916. — 356 s.
3. The legal code of Ælfred the Great / Ed. with intr. by M.H. Turk. — Halle: E. Karrass, 1890. — VIII, 147 p.
4. Wormald, P. The making of English law: king Alfred to the twelfth century / P. Wormald. — Oxford: Blackwell publishers, 1999. — XVIII, 574 p.
5. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 1. Text und Übersetzung / Hg. von F. Liebermann. — Halle: Niemeyer, 1903. — LXII, 675 S.
6. The laws of the earliest English kings / Ed. and transl. by F. L. Attenborough. — Cambridge: Cambridge univ. pr., 1922. — XII, 256 p.
7. Pelteret, D. Slavery in early medieval England / D. Pelteret. — Woodbridge: Boydell, 1995. — XVI, 375 p.

УДК 94(47).084.8

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Изюмова Лариса Владимировна

доцент кафедры отечественной истории

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

ilvologda05@rambler.ru

Аннотация. В статье освещаются вопросы материального положения колхозного крестьянства Европейского Севера России в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено изменениям условий хозяйствования колхозников в годы войны.

Ключевые слова. Колхоз, колхозное крестьянство, колхозное производство, крестьянские налоги, Великая Отечественная война.

Izyumova Larisa Vladimirovna

Associate Professor, candidate of historical Sciences

Vologda State University

Vologda, Russia

ilvologda05@rambler.ru

Abstract. The article highlights the issues of material state of the collective-farm peasantry of the European North of Russia during the Great Patriotic war.

Special attention is paid to changes in the economic conditions of collective farmers during the war.

Keywords. Collectivfarm, the collective-farm peasantry, collective farm production, peasant taxes, the Great Patriotic war.

С первых дней Великой Отечественной войны, в связи с масштабной мобилизацией в армию мужской трудоспособной части колхозников, ухудшилось качество трудовых ресурсов колхозной деревни. Согласно годовым отчетам колхозов, число трудоспособных сократилось в Архангельской области с 138,7 тыс. человек в 1940 г. до 90,9 тыс. в 1945 г., в Вологодской области соответственно с 389,7 тыс. до 254,1 тыс., в Коми АССР – с 69,4 тыс. до 39,6 тыс., в Карело-Финской ССР – с 31,9 тыс. до 15,9 тыс. [1, с. 117–120]. Основная трудовая нагрузка легла на плечи женщин, стариков и подростков. Несмотря на это, государство усилило нажим на колхозную деревню. В апреле 1942 г. годовой минимум трудодней был повышен до 100–150 в зависимости от района вместо 60–80 по условиям 1939 г. [2, с. 310–311]. Тогда же был введен обязательный минимум для подростков от 12 до 16 лет, членов семей колхозников, в размере 50 трудодней в год. Кроме того, в годы войны была введена судебная ответственность колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней. Специальный пункт указа предусматривал привлечение к судебной ответственности председателей и бригадиров колхозов «за уклонение от предания суду трудоспособных колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней» [3].

Деревня оставалась основным источником пополнения трудовых ресурсов промышленных предприятий: ежегодно для каждой тыловой области устанавливался план мобилизации сельского населения в систему трудовых резервов (школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища) и различные секторы промышленности (в районах Европейского Севера России, прежде всего, в лесозаготовительный комплекс). Для выполнения плана мобилизации рабочей силы приходилось «снимать людей с сельского хозяйства и с животноводческих ферм» [4, л. 163]. Так, только за период с ноября 1943 г. по январь 1944 г. в Вологодской области было мобилизовано в промышленность и школы ФЗО 87596 человек, из них 27 тыс. направлены в другие области. Как следует из докладной записки Вологодского областного комитета партии в ЦК ВКП(б), датированной 2 января 1944 г., к этому периоду колхозы области уже испытывали острый недостаток рабочей силы. В документе особо отмечалось, что «дальнейшая мобилизация колхозников ставит под угрозу выполнение планов сельскохозяйственных работ и развития животноводства...» [4, л. 163].

Как уже отмечалось выше, главной трудовой силой в колхозах в военный период были женщины. В сельскохозяйственном производстве Европейского Севера России роль женщины-труженицы была значимой уже в предвоенные годы, а в период войны возросла особенно. Так, женщины-

колхозницы Вологодской области выработали в годы войны 60–62% всех трудодней против 48% в 1940 г., в Архангельской области – соответственно 51–58% против 46%, в Коми АССР – 62–66% против 47%, в Карело-Финской ССР – 56–59% против 50% [1, с. 121–124]. В экстремальных условиях женщинам пришлось освоить традиционно «неженские» профессии лесорубов, трактористов, комбайнеров, ремонтных рабочих МТС и др., а также заменить мужчин на руководящей работе в общественном хозяйстве.

За годы войны существенно ослабла материально-техническая база сельского хозяйства. На нужды фронта было мобилизовано значительное количество тракторов и автомашин МТС и совхозов, из-за отсутствия квалифицированных кадров и запчастей, качественного ремонта, нарастающего износа деталей и механизмов быстро выходила из строя сельскохозяйственная техника. В Вологодской области, например, за годы войны объем тракторных работ, выполненных МТС в колхозах, снизился более чем в два раза. Колхозы были вынуждены компенсировать сокращение объемов механизированных работ МТС ростом трудонапряженности собственных трудовых ресурсов, что приводило к их значительной перегрузке, затягиванию сроков выполнения основных сельскохозяйственных работ, сокращению площадей пашни, ухудшению приемов агротехники и, как следствие, падению урожайности сельскохозяйственных культур [5, л. 30].

Трудовая нагрузка на каждого колхозника возросла в дни войны и потому, что на фронт или по другим мобилизациям, в частности на лесозаготовки, изымались лошади – основная тяговая сила колхозной деревни. В Архангельской области за первый военный год было сдано в армию более 12 тыс. лошадей. В Вологодской области только за 6 месяцев 1941 г. поголовье лошадей сократилось на 27 тыс. За все годы войны вологодские колхозники отправили на фронт 74 тыс. лошадей, а колхозники Коми АССР – 5039 лошадей [6, с. 54–55].

Материальное положение сельских жителей можно назвать катастрофическим. Большинство колхозов резко сократило натуральную и денежную оплату трудодня колхозников. Если в 1940 г. в Вологодской области в среднем на один трудодень было распределено по 1,1 кг зерна, то в 1942 г. всего 520 г., в 1945 г. – 774 г. [6, с. 58; 7, л. 90].

При резком снижении доходов от общественного хозяйства основным источником существования колхозной семьи оставалось личное хозяйство. Его значение осознавалось всеми, в том числе и властными инстанциями, часто звучала угроза в адрес рядовых колхозников: «кто не будет работать или будет плохо работать [в колхозе], тем усадебные участки для личного пользования даны не будут» [8, л. 4]. За счет своего приусадебного хозяйства колхозники поставляли государству обязательные натуральные поставки сельскохозяйственных продуктов, отправляли в действующую армию посылки, теплые вещи, праздничные подарки, от продажи продукции личного хозяйства вносили платежи по налогам и сборам, приобретали облигации

внутренних государственных займов, собирали денежные средства на строительство боевой техники.

В годы войны условия хозяйствования колхозного двора резко ухудшились. Произошла серьезная перестройка в системе налогообложения колхозного крестьянства. В условиях военного времени были повышены ставки сельхозналога, основного платежа деревни, введены новые налоги (военный налог, налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан), расширен круг налогоплательщиков, ужесточена налоговая дисциплина [9, с. 70]. Если в 1940 г. в структуре денежных расходов колхозной семьи Вологодской области удельный вес выплат по налогам и сборам составил 5,3%, то в годы Великой Отечественной войны этот показатель возрос до 10,6–21,7% [10, с. 15]. Так как денежные поступления из колхоза были невелики, а многие сельхозартели не выдавали денег по трудодням, колхозники вынуждены были продавать на рынке продукцию своего личного хозяйства, для того чтобы получить наличные деньги для уплаты возросших налогов.

Закономерным следствием усиления налогового пресса государства и проводившейся в отношении колхозов и крестьянских хозяйств политики государственных заготовок сельхозпродукции стало ухудшение материального положения сельских жителей. Так, по данным бюджетных обследований в Вологодской области личное потребление колхозниками снизилось в 1943 г. по сравнению с 1939 г. по хлебопродуктам на 21,5%, по мясным продуктам – на 68,8%. Основным рационом в питании стали картофель и овощи. По картофелю потребление повысилось на 29,4%, по овощам – на 44,5%. Потребление цельного молока в деревне осталось приблизительно на том же уровне, однако потребление сметаны снизилось на 24,4%, творога на 70,3% [10, с. 18–19].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны все силы, вся энергия сельского населения были направлены на то, чтобы накормить сражающуюся с врагом армию, обеспечить ее всем необходимым, сделать все возможное, чтобы приблизить окончание войны. В то же время необходимо отметить разрушительные последствия войны, подрыв трудовых, производственных и материально-технических ресурсов деревни, резкое ухудшение условий ведения и колхозного производства, и личного хозяйства колхозников, ухудшение материального положения сельчан.

Литература

1. Безнин, М. А. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова. – Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. – 141 с.
2. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. – Москва: Сельхозгиз, 1948. – 640 с.
3. Правда. – 1942. – 18 апреля.
4. ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 6. – Д.49.
5. ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 6. – Д. 553.

6. Гостинцев, В. А. Материальное положение и быт северного крестьянства в годы Великой Отечественной войны / В. А. Гостинцев // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период): межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1992. – С. 53-62.
7. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 7. – Д. 1019 б.
8. ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 3. – Д. 426.
9. Глумная, М. Н. Денежные платежи северного крестьянства в 1930-х–начале 1950-х гг. / М. Н. Глумная, Л. В. Изюмова // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. – Вологда: Легия, 2000. – С. 52-77.
10. Безнин, М. А. Крестьянские бюджеты в 1940–1960-е гг. / М. А. Безнин. – Вологда: Легия, 2002. – 100 с.

УДК 94 (910.4)

**ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НА АЛЯСКЕ В КОНЦЕ XVIII В.
В АРХИВЕ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

*Коноплев Владимир Андреевич
старший научный сотрудник
Государственный архив Вологодской области
Вологда, Россия
vkl1506@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному документу по истории Русской Америки, хранящемуся в фондах Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, письму морехода Герасима Измайлова Г.И. Шелихову.

Ключевые слова. Герасим Измайлов, географические исследования, Русская Америка.

**THE DOCUMENTS ABOUT EXPLORATION OF
ALASKA IN THE LATE OF 18th CENTURY IN THE VOLOGDA STATE
MUSEUM-PRESERVE OF HISTORY, ARCHITECTURE AND
DECORATIVE ARTS.**

*Vladimir A. Konopliev
Senior researcher of State archive of Vologda region
Vologda, Russia
vkl1506@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to little-known document from The Vologda State Museum-Preserve of History, Architecture and Decorative Arts the letter of navigator Gerasim Izmailov to Grigoriy Shelikhov.

Keywords. Gerasim Izmailov, geographical explorations, Russian America.

Материалы рукописного фонда Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ВГИАХМЗ), посвященные истории Русской Америки весьма немногочисленны. В основном они касаются торговой деятельности купцов Шелиховых. Историк А.Ю. Петров в исследовании, посвященном образованию РАК, обратился к фрагментам архива Шелихова–Булдакова, которые остались на хранении в ВГИАХМЗ. Данные материалы позволили выявить неформальные связи жены Г.И. Шелихова Натальи Алексеевны и М.М. Булдакова с государственными чиновниками, которые сыграли свою роль при образовании РАК [1].

Одной из примечательнейших фигур в истории раннего освоения Аляски и Алеутских островов является исследователь штурман Герасим Григорьевич Измайлов (1745–1795). Жизни штурмана Герасима Измайлова посвящены две статьи: Е. Двойченко-Марковой «Штурман Герасим Измайлов» и Л.М. Пасенюка «Мореход Герасим Измайлов», кроме того краткая статья о нем имеется в биографическом справочнике А.В. Гринёва «Кто есть кто в истории Русской Америки» [2, 3, 4]. Период между 1788–1792 гг. менее всего освящен в посвященной ему литературе.

Дать о нем представление могут два его письма Г.И. Шелихову, хранящихся в архиве Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, написанных перед отправлением в плавание в апреле 1792 г. Письма датированы 25 и 26 апреля 1792 г.

Одним из основных моментов, о которых пишет Измайлов, является его конфликт с правителем поселения РАК на Кадыке в 1787–1791 гг. Евстратом Ивановичем Деларовым. Дело в том, что в 1789 г. Шелихов поручил отправить судно на поиск новых островов, богатых пушниной, однако Деларов этого не сделал и Измайлов фактически остался без работы. По его словам, письмо Шелихова с инструкциями было получено 19 июля 1790 г. [5, л. 1].

Он пишет, что ещё до получения инструкций, в 1789 г. предлагал Деларову «итети в поиск чтоб не быть тунейтцом», однако правитель крайне негативно воспринял его предложение. Но в тот же год ему поручили возглавить экспедицию для предотвращения нападения жителей Аляски на Карлукскую артель, и он преследовал их «от Катияка до Камыкшака, а оттоле на северо-западную сторону до вершин тамошних рек, кои потекли на другую сторону, а оттоле сколько же удалось возвратиться обратно» в сентябре 1789 г. [5, л. 1]. Во время этой экспедиции была сделана опись Камышацкой бухты, а также очевидно северо-восточных внутренних районов полуострова Аляска с озером Илиамна и, возможно, с другими озерами¹. Когда впоследствии А.А. Баранов просил Измайлова, чтобы он в феврале 1795 г. описал Камышацкую губу и перешеек полуострова Аляска, Измайлов отвечал, что данная опись проведена им ещё в 1789 г. и вручена Е.И. Деларову. Исследователь Л.М. Пасенюк упоминал о том, что не нашел никаких сведений

¹ Речь идет о бухте у восточного входа в залив Кука, который русские промышленники называли Кенайским заливом.

об этой описи, однако письмо нам дает дополнительное упоминание о ней [3, с. 113].

Штурман не оставлял попыток добиться от Деларова, чтобы его отпустили на поиск новых островов. Он предложил идти в море в марте 1791 г., однако правитель сослался на недостаток оснащения судна и плавание не состоялось [5, л. 3].

Прибытие А.А. Баранова было положительно воспринято Измайловым. Он просит Шелихова содействия в своем желании ежегодно выходить в море, а на берегу исполнять работы по его штурманской части, а именно составление планов и карт, присмотр за кораблями. Также он писал о том, что с 28 апреля 1792 г. выходит по предписанию Баранова в море на поиск островов южнее Кадьяка, а оттуда в Чугачский залив [5, л. 3–3 об.].

Интересным представляется сообщение Измайлова о планах Баранова снарядить крупную экспедицию, предположительно в 1793 г. или позднее: «Между прочем Александро Андреевич проговорил [ся]... лето в поиск судном к востоку а иногда во Нутку или далее в Акапулку», то есть вдоль тихоокеанского побережья в сторону испанских владений [5, л. 4]. Исследователь А.А. Истомин во вступительной статье к первому тому сборника документов «Россия в Калифорнии» выделяет три значения, в которых Г.И. Шелихов использовал термин «Калифорния» – в основном как географический ориентир, но в отдельных случаях как цель российского продвижения и как потенциальный объект колонизации. В качестве примера использования Калифорнии в значении объекта колонизации исследователь приводит выдержку из наставления Г.И. Шелихова главному правителю русского поселения на о. Кадьяк К.А. Самойлову от 4 мая 1786 г. «поступать расселением российских артелей... по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градуса», что по его словам должно указывать направление и пределы намечавшейся Шелиховым экспансии [6, с. 31; 7, с. 195, 196].

Развивая эту мысль, можно отметить, Шелихов использует термин «Калифорния» в значении географического ориентира и цели продвижения в донесениях иркутским генерал-губернаторам, а также прошении его и его компаньона И.И. Голикова Екатерине II об образовании монопольной компании [7, с. 212, 267, 291–292, 294].

Данные документы в отличие от наставления К.А. Самойлову не регламентировали организацию жизни в американских колониях и направления дальнейшего продвижения. Следовательно, несмотря на то что Калифорния как объект колонизации упоминается в документах Шелихова только один раз, можно утверждать, что уже в 1786 г. предприимчивый купец вынашивал планы продвижения на юг американского континента навстречу испанским владениям. Это значит, что Калифорния для Шелихова была не просто географическим ориентиром, а прежде всего объектом колонизации.

Сообщение Измайлова о планах А.А. Баранова организовать экспедицию на юг в направлении Калифорнии ценно тем, что оно говорит о том, что

предпосылки образования русской Калифорнии начали складываться задолго до первой совместной русско-американской промысловой экспедиции к берегам Калифорнии в 1803 г. [8, с. 190–217].

Выгодное предложение капитана Джозефа О'Кейна² легло на благодатную почву, так как сам А.А. Баранов уже в 1792 г. начал вынашивать идею экспедиции в южном направлении.

Таким образом, письма Герасима Измайлова к Г.И. Шелихову не только проливают свет на некоторые факты биографии морехода, но и могут являться ценным источником по ранней истории постоянных русских поселений в Северной Америке. Особо ценным можно считать упоминание о замыслах А.А. Баранова отправить экспедицию к берегам Калифорнии. Это говорит о том, что с самого основания русских поселений на Аляске именно Калифорния виделась Г.И. Шелихову и А.А. Баранову одной из стратегических целей для последующей колонизации.

Таким образом, привлечение материалов Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника должно считаться необходимым условием для полноценного и всестороннего изучения истории колонизации и освоения Аляски и Алеутских островов во второй половине XVIII в.

Литература

1. Петров, А. Ю. Образование Российско-американской компании / А. Ю. Петров. – Москва: Наука, 2000. – 151 с.
2. Двойченко-Маркова, Е. Штурман Герасим Измайлов / Е. Двойченко-Маркова // Морские записки. – Нью-Йорк, 1955. – Т. 13, № 4. – С. 14-26.
3. Пасенюк, Л. М. Мореход Герасим Измайлов / Л. М. Пасенюк // Американский ежегодник. 1994. – Москва, 1995. – С. 96-115.
4. Гринев, А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки / А. В. Гринев. – Москва: ACADEMIA, 2009. – 671 с.
5. ВГИАХМЗ. – Ф.10. – Д. 2. – Л. 1–6.
6. Россия в Калифорнии. 1803–1850. Т.1. – Москва: Наука, 2005. – 752 с.
7. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. – Москва: ОГИЗ, 1948. – 382 с.
8. История Русской Америки. Деятельность российско-американской компании 1799–1825 гг. Т. 2. – Москва: Наука, 1999. – 469 с.

² Джозеф О'Кейн – американский шкипер и пушной торговец из г. Бостон. В 1803 г. заключил соглашение с А.А. Барановым о промысле у берегов Калифорнии. О'Кейну была предоставлена партия кадыкских эскимосов с 40 байдарками во главе с промышленными А. Шведовым и Т.Н. Тарakanовым (см. Гринев А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки, с. 392).

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Плех Олеся Анатольевна

*научный сотрудник, кандидат исторических наук
Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Россия
plekh@mail.ru*

Аннотация. Автором проведён анализ современных отечественных исследований, посвящённых местному управлению России в первой половине XIX в. Отмечены новые методологические подходы и тенденции в историографии, способствовавшие появлению ряда работ, отражающих особенности процесса управления отдельными губерниями Российской империи. Автор приходит к выводу, что несмотря на всё более усиливающееся внимание к этой проблематике опубликованные к настоящему времени исследования не позволяют представить интегральную картину местного управления и выделить региональные модели управления, сформировавшиеся в пределах внутренних губерний Российской империи.

Ключевые слова. Местное управление, государственное управление, Российская империя, первая половина XIX в., историография.

LOCAL GOVERNANCE IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY: ACTUAL PROBLEMS OF THE CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Plekh Olesya Anatolyevna

*Candidate of Historical Sciences, research scientist
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
plekh@mail.ru*

Abstract. The author has undertaken an analysis of contemporary Russian papers devoted to the local governance in Russia in a first half of the nineteenth century. In this article new methodological approaches and tendencies were highlighted which facilitated an appearance of new papers, reflecting features of local governance in provinces of the Russian Empire. The author concludes that, despite the growth of interest towards this new problematics, published papers are unable to recreate integral image of the local governance and emphasize regional models of governance, established in the borders of inner provinces of Russian Empire.

Keywords. Local governance, state governance, Russian Empire, the first half of the XIX century, historiography.

История местного управления России – перспективное и активно развивающееся направление исследований, которое в настоящее время выделилось в отдельную отрасль научного знания. Современным исследователям удалось преодолеть рамки сугубо краеведческих изысканий и направить усилия на изучение институтов местной власти в Российской империи в контексте развития общегосударственных управленческих процессов.

Известно, что базовым документом, на котором основывалось местное управление в первой половине XIX в., было Учреждение о губерниях 1775 г. Но каким образом институты местной власти функционировали на практике? Это, пожалуй, позволяет нам сформулировать один из главных проблемных вопросов: представляло ли в реальности местное управление интересующего нас периода единую для всех внутренних губерний модель или же существовали значительные различия, позволяющие говорить о региональной специфике в сфере управления? Попытаемся рассмотреть, каким образом этот вопрос решается в современной историографии.

В ходе анализа местного управления Российской империи отечественные исследователи идут двумя путями: одни – пытаются представить общую характеристику системы местного управления в масштабах всей европейской части России; другие – обращаются к истории отдельно взятых регионов и губерний.

Среди работ первого направления наиболее значимым по сей день остаётся исследование О.В. Моряковой, опубликованное в 1998 г. Автор предприняла попытку охарактеризовать систему местного управления при Николае I на материалах 15 внутренних губерний, отобранных исходя из полноты источниковой базы. Основываясь на ведомственном подходе, апробированном в работах Н.П. Ерошкина, исследовательская оптика была направлена на провинциальные учреждения трёх основных министерств: внутренних дел, юстиции и финансов. Основное внимание было уделено вопросам законодательного обеспечения, функциям и обязанностям учреждений, кадровому составу и контролю верховной власти над деятельностью местных учреждений. Основная мысль, которая пронизывает всю работу О.В. Моряковой, сводится к тому, что император стремился создать на местах упорядоченный и предельно централизованный государственный аппарат, в связи с чем автор представляет некую общую для Европейской части России модель местного управления [1, с. 194–200]. При всей значимости анализируемой монографии вопрос о том, существовали ли различия в управлении изучаемыми губерниями, исследователем был обойдён. Сравнительная характеристика отобранных для изучения губерний не проводилась, не нашло отражение влияние региональных особенностей территории на состав и деятельность правительственного аппарата, при этом выводы автора были распространены на всю европейскую Россию.

Второе направление в изучении местного управления связано с вниманием авторов к истории отдельно взятых губерний. Первыми заявили о не-

обходимости таких исследований и достигли значительных успехов на этом пути сибирские ученые. В частности, А.В. Ремнёв, подчёркивая перспективность регионального подхода, указал, что с точки зрения управления Россия в XIX в. представляла собой сложно организованное государственное пространство: «Длительная устойчивость Российской империи объяснима именно с позиции поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных управленческих форм, асимметричности и разнорядковости связей различных народов и территориальных образований» [2, с. 345]. В своих работах автор с опорой на конкретно-исторический материал продемонстрировал эффективность предложенной им методики [3, 4]. Системному анализу была подвергнута административная политика самодержавия в управлении Сибирью и Дальним Востоком. Выводы автора нашли подтверждение в ряде диссертационных исследований, в центре внимания которых оказались проблемы управления отдельными сибирскими губерниями в первой половине XIX в. (Д.Н. Гергилев, Н.В. Гриценко, Т.Г. Карчаева, Н.И. Красняков, Р.Г. Саражина и др.).

В изучении губерний Европейской части России региональный подход нашёл применение далеко не сразу. Пожалуй, одну из первых попыток рассмотреть местное управление на уровне региона предприняла В.М. Марасанова. Целью исследования автора стал всесторонний анализ становления и развития органов управления верхневолжских губерний [5]. Несомненным достоинством данной работы стало то, что автору удалось вписать результаты регионального исследования в общероссийский контекст и продемонстрировать противоречивость государственной политики в области местного управления, однако задачи отразить специфику управления регионом не ставилось.

В последнее десятилетие наибольшее развитие региональный вектор исследований получил благодаря узконаправленным работам (преимущественно диссертационным исследованиям), посвящённым анализу организации и деятельности отдельных институтов местной власти, а также кадровому составу местных учреждений. Посредством институционального подхода историки активно обращаются к изучению генезиса и эволюции генерал-губернаторской и губернаторской власти, проблемам функционирования губернской администрации, полицейских и финансовых органов, судебной системы (В.А. Воропанов, Н.В. Дремков, В.В. Ефимова, В.А. Кононов, О.А. Михайлова, Д.С. Павлова, В.В. Романов, Е.А. Соловьёва и др.). В современной исторической науке накоплен значительный пласт исследований, в центре внимания которых стоит изучение кадрового состава местных учреждений первой половины XIX в. К настоящему моменту в литературе представлен анализ чиновничества Московской, Владимирской, Вятской, Калужской, Костромской, Курской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской губерний (П.В. Акульшин, В.А. Иванов, И.Г. Мельникова, Л.В. Мерзлякова, Ю.Б. Павлюк, Т.А. Поскачей, Ю.Н. Токмакова и др.).

Авторы указанных работ справедливо отмечают, что местные учреждения необходимо изучать с учётом их непосредственной деятельности, а провинциальное чиновничество — в связи с региональными особенностями формирования кадрового состава. К положительным тенденциям следует отнести попытки отойти от традиционных методик и предложить новаторские схемы и приёмы исследования. В то же время характеристика отдельно взятого учреждения или состава провинциальной бюрократии далеко не всегда позволяет сделать выводы о специфике системы управления, функционировавшей в пределах изучаемого региона или губернии. Кроме того, историки крайне редко берут на вооружение сравнительные методы, что не позволяет выявить общие и особенные черты изучаемого объекта в сравнении с другими губерниями.

В связи с вышеизложенным на общем фоне выделяются труды А.Н. Бикташевой. В своём исследовании автор прямо указывает, что «наличие в Российской империи разных моделей управления территориально-административными единицами делает опыт каждой из них уникальным, необходимым для воссоздания имперской целостности» [6, с. 7]. В современной историографии монографию А.Н. Бикташевой неслучайно относят к образцам новаторских работ [7, с. 132]. Предложив антропологический подход к изучению института губернаторства, автор сосредоточила внимание на роли «человеческого фактора», попыталась оценить российский опыт построения государственного аппарата, сочетающий отраслевой и территориальный принципы. Анализ практики властвования казанских губернаторов позволил увидеть на материалах отдельно взятой губернии конкретную модель управления, строившуюся не в строгом соответствии с установленными законом положениями, а зависимую от местных условий, оказывавших непосредственное влияние на реализацию власти. К сожалению, подобные многоаспектные, комплексные исследования, позволяющие нам судить о региональной специфике в сфере управления, предпринимаются крайне редко.

Подводя итог, отметим, что сегодня мы наблюдаем как тематическую, так и региональную специализацию исследований, при этом региональный вектор изучения местного управления Российской империи выделился в отдельную отрасль знаний. Это, несомненно, следует считать положительной тенденцией. Всё чаще исследователи особо подчёркивают необходимость учёта региональной специфики управления на местах. Между тем при всей многоплановости существующих публикаций исследования, отражающие многообразие существовавших в первой половине XIX в. региональных моделей, сформировавшихся в пределах внутренних губерний, единичны, что к настоящему моменту не позволяет представить интегральную картину местного управления Российской империи.

Литература

1. Морякова, О. В. Система местного управления России при Николае I / О. В. Морякова. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 272 с.

2. Ремнёв, А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) / А. В. Ремнёв // *Ab Imperio*. – 2000. – № 3/4. – С. 343-358.
3. Ремнёв, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнёв. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. – 236 с.
4. Ремнёв, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнёв. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 552 с.
5. Марасанова, В. М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья) / В. М. Марасанова. – Москва: Карпов, 2004. – 215 с.
6. Бикташева, А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века / А. Н. Бикташева. – Москва: Новый хронограф, 2012. – 496 с.
7. Любичанковский, С. В. Антропология губернаторской власти в трудах современных историков [рецензия на монографию: Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012] / С. В. Любичанковский // *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. – 2014. – Т.1, №1. – С. 127-133.

УДК 908

ОТ ВОЛОКОВОГО ПУТИ К ВОЛОСТИ: ЛЕЖСКИЙ ВОЛОК В XIV–XVII ВЕКАХ

Пшеницын Дмитрий Александрович
историк-краевед
Вологда, Россия
dimaximus72@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время интерес современной исторической науки заметно вырос к исследованиям в области отдельно взятых местностей. Данная работа представляет новые, ранее не известные факты, касающиеся истории Лежского Волока и сопредельной территории, охватывая временной промежуток XIV–XVII вв. Следует отметить, что проблематика такого уровня не отражена в современных исследованиях. Эта тема оказалась настолько актуальной, что автор решил рассмотреть её, пересмотрев устаревшие либо несоответствующие исторической науке взгляды, выдвигнув новую точку зрения на данный вопрос.

Ключевые слова. Волок, волоковые пути, Лежский Волок, канал, волость.

FROM VOLOKOVOGO ROAD TO THE PARISH: LEZHSKIY VOLOK IN XIV–XVII CENTURIES

Pshenizin Dmitriy Aleksandrovich
Historian-ethnographer
Vologda, Russia
dimaximus72@yandex.ru

Abstract. Currently, the interest of modern historical science has grown significantly to research in the field of individual localities. This work presents a new,

previously unknown facts concerning the history of Lezhskogo Fiber and adjacent territory, covering the time period from the 14th to 17th centuries. It should be noted that this level is not reflected in modern studies. This theme was so relevant that the author decided to consider it by revising outdated or mismatched historical science views, putting forward a new point of view on this issue.

Keywords. Portage, volokovyе path, Lezhskij Portage, channel, parish.

В 1389 году возник Вологодский удел, затем из удела в 1481 году образовался Вологодский уезд, в южную часть которого входили волость Комела, Лежский Волок и Обнора. В духовной грамоте 1389 года встречаем такую запись о Комеле: *«А се даю своей княгине из великого княженья у сына у своего, у князя у Василья, из Переяславля Юлку, а из Костромы Иледам с Комелою, а у князя у Юрья из Галича Соль, у князя у Андрея из Белоозера Вольское с Шаготью и Милолюбский ез...»* [1, с. 34]. Предположим, что в данной грамоте отмечена только область Комела, но в более широком понятии.

Спустя четверть века Лежский Волок, или Волочек уже отмечен отдельно в грамоте, датированной июлем 1417 года наряду с Комелою: *«А княгине моей ис Костромы Иледам, и с Обнорою, и с Комелою, и с Волочком, да Нерехта, и с варницами, и с бортники, и с бобровники, и со Княгининьским селом...»* [1, с. 58].

Жители *«Волочка Лиского»* (старосты, сотские, десятские и *«все крестьяня»*) упоминаются в указной грамоте Ивана IV от 6 августа 1538 года в связи со строительством крепости Любим на устье реки Учи (при впадении ее в реку Обнору) в Костромском уезде для защиты от *«прихода казанских людей»* [2, с. 427–428].

В период между 1560 и 1584 годами Лежский Волок становится вотчиной Вологодского архиерейского дома. Точная дата этих приобретений неизвестна, но уже к 1614 году практически все земли на Лежском Волоке вошли в вотчину Вологодского архиерейского дома: *«...а в приправочных книгах у писцов Вологодского уезда писма и дозору князя Богдана Касаткина Ростовского да подьячего Ждана Малафеева 1615/16 года написано в Вологодском уезде вотчина Вологодского архиепископа Лиской волок, а в нем село Павловское, а к тому селу отхожие пожни по реке по Лежи пожня Моклоково, да тяж пожни, наволоки, дощаник, да вяцкой, да осиновишек, а которые oprичь тех пожен к тому селу есть и те писаны подлинно под селом Павловским...»* [3, л. 42].

В сотной выписи с вологодских писцовых книг писцов первой половины Федора Измайлова да подьячего Михаила Бухарова 1624 (7133 года, октября 28 дня – прим. авт.) года в Лежском Волоке в вотчине Вологодского архиепископа находилось: 3 погоста, 2 села, 50 деревень, 4 починка, 60 пус-тошей.

В 1627–1630 годах была проведена перепись вотчины архиепископа на Леже, в которой *«всего Вологодского архиепископа в вотчине на Лежском*

волоку: 4 погоста, да 3 села, да 2 сельца, да 75 деревень, 7 починок живущих, да 60 пустошей, да на погосте 7 церквей... Да в селах и в сельцах и в деревнях и в починок и в пустошах 3 двора архиепископия, 15 дворов архиепископия детей боярских, 10 дворов люцких, 160 дворов крестьянских людей, в них 109 человек, 74 двора бобыльских, людей в них 77 человек, 111 мест дворовых...» [3, л. 44, 53 об.-54]. Эти два документа зафиксировали владения Вологодского архиерея и впоследствии служили основными доказательствами по принадлежности тех или иных угодий в поземельных спорах.

В цитируемой выше писцовой книге 1627–1630 годов исследователем обнаружено первое упоминание о судовой переволоке, ошибочно названной вологодскими краеведами И.Ф. Никитинским и А.В. Беловым «каналом времен Ивана Грозного» [4, с. 10]. Вместо грандиозного «канала» указанные авторы, на наш взгляд, приводят обычную схему одной из старинных водно-волоковых дорог. Наши наблюдения подтверждаются следующей выдержкой из архивного источника, где указана граница владений с Галицким уездом: *«межа архиепископия, около всей вотчины з Галицкою землею з глухим лесом, от усть речки Вязовца и Великой реки, прямо через речку Шилешку в речку в Каменку на ель, а на ели грань крест. По праву земля вотчинная архиепископия, а по леву земля Галицкая, а от тое ели в верх речкою Каменкою в Каменное болото, а от тово Каменно болота на судовую переволоку, что переволачивали суды сухим путем из речки Метзы в реку Лежю* (подчеркнуто нами – авт.), *а у переволоки ель...»* [3, л. 57-57 об.]. Впрочем, И.Ф. Никитинский и А.В. Белов в своей работе признаются: «к сожалению, нам пока не удалось подтвердить существующее в литературе мнение, что «каналы» были сооружены во времена Ивана Грозного» [4, с. 58].

Разобравшись в существе вопроса, предложим новую версию о существовании «канала» на Лежском Волоке.

Нам удалось обнаружить, что «канал» (протока) на Лежском Волоке действительно существовал, но его создание относится ко времени правления великого князя Московского и всея Руси Ивана III Васильевича. Это выяснилось при просмотре «Военно-статистического обозрения Вологодской губернии» 1850 года. В указанном документе есть следующая запись: *«прорыт был канал еще в царствование Иоанна III Васильевича, но от него осталось в настоящее время несколько едва заметных следов»* [5, с. 174]. Эти данные были взяты составителями «Военно-статистического обозрения» из немецкого издания российского ученого-географа немецкого происхождения Ивана Федоровича Штукенберга (1788–1856). Вот что он пишет в своем труде по данному вопросу: «Лежа берет свое начало в том уголке, где «сталкиваются» границы Костромской, Вологодской и Ярославской губерний, имеет длину около 130 верст и впадает в Сухону недалеко от места ее объединения с Вологодой. Лежа – глубокая река с высокими берегами, шириной в 15–25 сажень, по ней сплавляются строительный и «топливный» лес. В месте наибольшего сближения Лежи и Монзы, около д. Васильевское,

впадает в последнюю ручей Васильевка. Из него, через болотистую низменность проходит в Лежу, через которую во времена правления Великого Князя Ивана Васильевича был прорыт канал длиной в 5 верст и 300 сажень (подчеркнуто нами – *авт.*), следы которого видны и сегодня, хотя со временем он порос деревьями. Старожилы до сих пор называют это место Лежевским проколом (прободением), а местность с прилежащими к ней деревеньками – Лежевским Наволоком» [6, с. 459]. Иван III правил с 1462 по 1505 годы. Он, как известно, приходился дедом Ивану IV Грозному.

Именно от эпохи великого князя Ивана III Васильевича и следует отталкиваться, если говорить о «канале», а не о времени Ивана Грозного, при котором имелся хорошо налаженный сухопутный путь через *Комельский лес* из Вологды через Ярославль в Москву. Именно по нему и держали свой путь как отечественные послы и купцы, так и английские дипломаты и путешественники, поэтому необходимость содержать водный путь окольными путями отпадала. Хотя, вероятно, была сделана попытка реанимировать данный водный путь, но начавшаяся Ливонская война (1558–1583 годы) помешала сбыться этим планам.

Литература

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – Москва; Ленинград, 1950.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVI века. Т. III / сост. А. В. Антонов. – Москва, 2002.
3. ВГИАМЗ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 91.
4. Никитинский, И. Ф. Волок Монза-Лежа, и что такое «Канал Ивана Грозного» / И. Ф. Никитинский, А. В. Белов. – Вологда, 2014.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 2. Северо-Восточные губернии. Ч. 3.: Вологодская губерния. – Санкт-Петербург, 1850.
6. Stuckenberg, Johann Christian. Beschreibung aller, im Russischen Reiche gegraben oder projectirten, schiff- und flossbaren Canale, in historischstatistisch-technischer Beziehung, nach den vollstaendigsten und zuverlaessigsten Quellen verfasst ... / von J. Ch. Stuckenberg. – St. Petersburg, 1841. – V, 572, [2] с. (пер. авт.).

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОСТЯХ И КУПЦАХ ГОСТИНОЙ СОТНИ В КОНЦЕ XVI – XVII ВВ.

Черкасова Марина Сергеевна

профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии

доктор исторических наук, профессор

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

mscherkasova@mail.ru

Аннотация. В статье приведены новые факты о деятельности представителей привилегированных торговых корпораций в России – гостей и купцов гостиной сотни в конце XVI–XVII в. Информация выявлена в документах Государственного архива Вологодской области, не введенных ещё в научный оборот. Она характеризует взаимодействие купцов с Соловецким и Спасо-Прилуцким монастырями в сфере торговли и кредита. Указано также на контакты гостей и членов гостиной сотни с Вологодским архиерейским домом.

Ключевые слова. Купеческие корпорации, посадские люди, торговля, кредит, монастыри.

NEW DATA ON GUESTS AND MERCHANTS LIVING HUNDREDS AT THE END OF THE 16 TH -17TH CENTURY

Cherkasova Marina Sergeevna

Professor, Department of Theory, Culture history and Ethnology

doctor of historical sciences, professor

Vologda State Universit,

Vologda, Russia

mscherkasova@mail.ru

Abstract. This article discusses the new facts about the activities of the representatives of the privileged trading corporations in Russia – guests and merchants living hundreds at the end of the 16-17th century. Information revealed in documents from the State archive of the Vologda region, not yet entered into scientific circulation. It characterizes the interaction of merchants with Solovetsky and Spaso-Priluckiy monasteries in the areas of trade and credit. Indicated to contact guests and members living with hundreds of Vologda bishop's house.

Keywords. Commercial corporations, pasad's people, trade, credit, monasteries.

Начиная и заканчивая свою фундаментальную монографию о гостях и торговых людях гостиной сотни в России, Н.Б.Голикова (1914–2008) писала

о необходимости дальнейших «детальнейших разработок в различных архивохранилищах не только Москвы и Петербурга, но и других старых городов России» [1, с. 58, 452]. Документальное расширение данной проблематики, действительно, возможно при обращении к архивным фондам одного из таких городов – Вологды.

Новая информация об этом за конец XVI–XVII в. имеется в архиерейских и монастырских приходо-расходных книгах в ГАВО, а также в недавно вышедших изданиях (монографиях, сборниках документов). Информация эта расширяет демографический и генеалогический контексты изучения купеческой проблематики, сведения о казённых службах купечества, социокультурных контактах с монастырями и архиерейским домом, позволяет сделать некоторые биографические и хронологические уточнения.

В приходо-расходной книге вологодской службы Соловецкого монастыря 1585 г. отмечен гость Богдан (Евсевий Семенов сын) Булгаков, закупавший крупные партии соли [2, с. 335–336, 350–352; 3, с. 485–486, 497, 499]. Он и его брат Илья (прозвище Меньшой, тоже гость) были участниками земского собора 1598 г. по избранию Б. Годунова на царство [1, с. 55; 4, с. 19]. В 1604/05 г. сын Богдана Бахтеяр (Феодосий) дал вкладом серебряный крест к гробнице Дионисия и Амфилохия в Глушицком монастыре. Ему он и в дальнейшем покровительствовал, и свыше 130 имен их рода были внесены в монастырский синодик [5, с. 321, 322, 326, 334, 593, 594]. В расходной книге Спасо-Прилуцкого монастыря по Тотемскому соляному промыслу 1606 г. отмечена покупка пшеничного пирога за 2 алт., «а несли на свадьбу Бахтеяру Булгакову» [6, кн. 6, л. 82 об.]. В 1640 г. он запрашивал у келаря Левкея размеры гробницы св. Димитрия Прилуцкого для сооружения над нею сени в память о своём умершем сыне Иване [7, № 186, с. 164–165; 5, с. 597]. В 1646 г. он продал часть соляного раствора в «Захарыне трубе в Половниках» члену гостинной сотни И.П. Харламову [8, с. 85; 9, с. 161]. Член гостинной сотни Д.А. Булгаков (1675–1702 гг.) заложил Спасо-Каменному монастырю варницу, варничное место и соляной амбар на Тотьме [1, с. 331; 8, с. 199–200].

Выявлены новые сведения о гостях Трифоне Коробейникове, В.А. и И.А. Юдиных. Т. Коробейников первым из русских купцов совершил в конце XVI в. обширную поездку на восток – в Иерусалим, Константинополь, Александрию, Антиохию, на Синай. Здесь он продавал казённую пушнину и раздавал церковным иерархам «царскую милость» в виде большого количества золотых монет [1, с. 43–44, 50; 10, с. 290]. Судя по описи Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г., он дал обители вкладом «струфокамиловое» (страусиное. – М. Ч.) яйцо к паникадилу [8, с. 30, 38].

В приходо-расходной книге вологодской службы Соловецкого монастыря за 1599–1600 гг. фигурирует гость Василий Афанасьев с. Юдин, который, как и Булгаковы, покупал крупные партии соли [3, с. 558]. После смерти Василия и Ивана Афанасьевичей Юдиных их дворы на Вологде, которыми они владели с 1590-х гг. по соседству с дворами гостей Булгаковых, бу-

дт переданы в 1646 г. каргопольскому Кожеозерскому монастырю [11, оп. 8, № 87, 92]. В 1656/57 г. известны денежные вклады «на церковное строение в Арсеньево-Комельский монастырь двух москвичей – жителя Садовой слободы Аверкия Степанова с. Кириллова (в 1659 г. – гость, а с 1666/67 и до своей гибели во время стрелецкого бунта в мае 1682 г. – дьяк ряда приказов) и Остафия Филатьева (1658 г. – гость) [12, с. 35; 1, с. 121, 124, 140].

В дополнение к известным в литературе фактам таможенной службы члена гостинной сотни Семена Черкасова в Устюге и Архангельске в 1630–1642 гг. [13, с. 175, 229] мы узнаём о его хлебных закупках для казны в Вологодском уезде в феврале 1649 г. и пребывании на посту таможенного головы Вологды в 1650 г. [6, кн. 37, л. 73 об.; 7, с. 113, № 133]. Можно определить конкретные сроки исполнения подобных функций в Архангельске, например, 12 июля 1653 г. гость Фед. Вас. Коломленин ехал из Москвы в Архангельск, а 9 ноября он возвращался обратно [6, кн. 37, л. 89, 90 об.]. Значит, служба его продолжалась 4 месяца, что соответствует короткой северной навигации.

На протяжении 1640–80-х гг. к архиеп. Маркелу по пути из Москвы в Архангельск и обратно приходили на благословение известные гости В.И. Воронин, В.Г. Шорин, его сыновья Борис и Фёдор, К.И. Климшин, И.Г. и И.Д. Панкратьевы, С. Потапов, В.Ф. Гусельников. Скорая Запись, члены гостинной сотни И.Я. и С.Я. Усовы-Грудцыны [6, кн. 37, л. 73 об., 80 об.-81, 93 об., 107 об.-108, 110, 112, 117 об.; 14, кн. 41, л. 9 об., 11 об.]. Гостевой статус Киприана Климшина в одной из записей расходной книги архиерейского дома фиксируется уже в июле 1659 г., тогда как в литературе он указан для начала 1670-х гг. или 1675 г. [1, с. 128, 132, 152]. Гостю А.О. Суханову в декабре 1673 г. архиеп. Симон доверил отвезти в московский Чудов монастырь домовых казенных 500 руб. [14, кн. 47, л. 226 об.].

Интересны новые данные и о вологодских по происхождению гостях – отце и сыне Ерофее и Михаиле Лазаревых, отце и сыне Савве и Иване Саввиче Худяковых. Уточнены даты смерти Лазарева-отца (1638/39 г.), Худякова-отца (после 1646 г.) и Лазарева-сына (1667/68 г.), отличные от указанных в литературе [1, с. 258; 6, кн. 1395, л. 57; 4, с. 117, 121, 205, 308; 14, № 229]. Про «государева посланника» гостя Мих. Ерофеева архиеп. Маркел говорил, что «он к нам советен и добр», а в 1664/65 г. московский двор Мих. Ерофеева был куплен архиерейской кафедрой [7, с. 136 – № 154; 9, с. 365 – № 249]. На Пасху 1659 г. архиеп. Маркел преподнес Мих. Ерофееву и Ив. Худякову «по образу Умиления Богородицы меншого окладу», а в мае 1660 г. все трое были в Москве, и архиерей пригласил их к себе к столу. В мае 1661 г. на вклады от Мих. Ерофеева 200 руб. архиерейская кафедра купила у соловецкого старца ефимочного серебра на 27 фунтов 40 золотников [14, кн. 30, л. 62 об.; кн. 31, л. 9 об.; кн. 33, л. 15]. Серебро было необходимо «на образные оклады». В 1660 г. у Ив. Худякова было куплено 74, а в 1664 г. – 88 золотых монет, которые обычно преподносились архиеп. Маркелом и архиеп.

Симоном на Пасху царю Алексею Михайловичу, царице Марии Ильиничне Милославской, царевичу Алексею Алексеевичу, царским сестрам Ирине, Анне, Татьяне, Евдокии, Марфе и трём дочерям – Софье, Екатерине, Марии [14, кн. 30, л. 48-49; кн. 38, л. 27 об.]. Иногда и И.С. Худяков занимал крупные денежные суммы у кафедры. В приходе-расходных книге за 1664 г. говорится о займе И.Д. Панкратьевым кафедре 50 руб., а в книгах за 1667-1668, 1689/90 и 1692 гг. фиксировались выплаты его приказчиком И.Д. Нагаевым арендных денег за пользование «дощанищной пристанью» у Коровьего озера на архиерейской земле в Яренском уезде [1, с. 311; 14, кн. 38, л. 2; кн. 41, л. 24; кн. 74, л. 30; кн. 76, л. 30 об.; 15, с. 300].

Литература

1. Голикова, Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. / Н. Б. Голикова. – Москва, 1998.
2. Кистерев, С. Н. Приходе-расходная книга вологодской службы Соловецкого монастыря в 1583-1585 гг. / С. Н. Кистерев // Очерки феодальной России. Вып. 11. – Москва; Санкт-Петербург, 2007.
3. Приходе-расходные книги Соловецкого монастыря. 1572-1600 гг. / сост. Е. Б. Французова. – Москва; Санкт-Петербург, 2013.
4. Привилегированное купечество в России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: сб. докум. / отв. сост. Т. Б. Соловьёва. – Москва, 2004.
5. Башнин, Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV-XVII вв. Исследование и тексты / Н. В. Башнин. – Москва; Санкт-Петербург, 2016.
6. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 512 (Спасо-Прилуцкий монастырь).
7. Старая Вологда, XII – начало XX в.: сб. докум. и материалов / гл. ред. Ф. Я. Коновалов. – Вологда: Легия, 2004. – 568 с.
8. Переписные книги вологодских монастырей XV-XVIII вв.: исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. – Вологда: Древности Севера, 2011. – 496 с.
9. Черкасова, М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей в XV-XVII вв. Исследование и опыт реконструкции / М. С. Черкасова. – Вологда, 2012.
10. Перхавко, В. Б. Русские купцы на Святой земле / В. Б. Перхавко // Вестник церковной истории. – 2016. – № ¾ (43-44).
11. ГАВО. – Ф. 1260 (Коллекция столбцов XVI-XVIII вв.).
12. Шамина, И. Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря Вологодского уезда / И. Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2007. – № 3 (7).
13. Голикова, Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI- первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Н. Б. Голикова. – Москва, 2012.
14. ГАВО. – Ф. 883 (Н.И. и И.Н.Суворовы).
15. Приходе-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома св. Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. – Москва; Санкт-Петербург, 2016.

**ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

УДК 94(4)''1492/1914''

**ПРАВИЛЬНОЕ ПИТАНИЕ КАК ВЫХОД ИЗ БЕДНОСТИ:
ПРОПАГАНДА ЭКОНОМНОЙ КУЛИНАРИИ
В АНГЛИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Барлова Юлия Евгеньевна

*заместитель руководителя, кандидат исторических наук, доцент
Аппарат Уполномоченного по правам человека в Ярославской области*

Ярославль, Россия

barlova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный аспект британской истории – пропаганда экономии в еде как средства борьбы с бедностью. Проанализировав материалы кулинарных справочников, памфлетов и трактатов, периодических изданий, автор делает вывод, что привитие беднякам «правильных моделей» питания располагалось в русле протестантской этики и концепции личной обусловленности бедности.

Ключевые слова. Англия, Новое время, дискуссии о бедности, экономное потребление, личная обусловленность бедности.

**PROPER DIET AS A WAY TO FIGHT POVERTY:
PROMOTION OF THRIFTY COOKING IN MODERN ENGLAND**

Yulia Yevgenievna Barlova

Deputy Head, Doctor of History, associate professor

Yaroslavl Regional Ombudsman Office

Yaroslavl, Russia

barlova@mail.ru

Abstract. The essay investigates poorly known aspect of British History – promoting thrifty cooking as a means to fight poverty. Having analyzed the culinary manuals, pamphlets and treatises, periodicals, the author concludes that the inculcation of «correct» diet for the poor was a part of Protestant ethics connected with the concept of personal conditioning of poverty.

Keywords. England, Modern History, debate over poverty, thrifty cooking, personal conditioning of poverty.

Беды бедняков во многом происходят оттого, что они или по невежеству, или согласно общим предрассудкам следуют неадекватным обычаям одеваться и питаться. Поэтому надо снабдить их способами сокращения расходов без уменьшения уровня их комфорта.

Сэр Ф.М. Иден, 1797

В Новое время в дискуссиях о природе бедности и нищеты весомое место занимала концепция *личной обусловленности бедности*, ответственности человека за свое материальное положение. Согласно ей, уберечь индивида от нищеты мог правильный, рациональный образ жизни. Одним из краеугольных камней правильного повседневного поведения считалась «*экономная кулинария*» – диета, исключая потребление дорогих, вредных или «излишних» продуктов, которые следовало заменять более дешевыми аналогами с теми же питательными свойствами, чтобы при меньших расходах получить большее количество либо большую питательность еды.

Так, например, более дешевым аналогом белого хлеба, становившегося в годы неурожая слишком дорогим, стал завезенный в Англию из Нового света картофель. В 1695 г. в кулинарном справочнике содержались довольно странные для современного читателя рекомендации: «Корни картофеля оказывают *вяжущее, мочегонное, аналептическое и сперматогенное* действие. Они питают тело, восстанавливают пищеварение, возбуждают желание... Их следует есть вареными, печеными или жареными с хорошим маслом, солью, соком апельсинов или лимонов, с сахаром, как обычную пищу». Автор уверял, что клубни картофеля «увеличивают плодovitость обоих полов и останавливают любой дискомфорт в кишечнике» [1, с. 265].

Уже через несколько десятилетий после выхода упомянутого справочника в руководствах по садоводству отмечалось: «Безусловно, картофель можно использовать *вместо ржи как замену хлеба*, и это открытие позволит бедным прокормить себя в годы нужды» [2, с. 275]. В ряде публикаций проводилась прямая связь между решением проблемы низких заработков бедняков и потреблением картофеля: «Неспособность поддерживать должный уровень заработков, возможно, может быть скомпенсирована путем приучения бедных к картофелю», – писал, например, Томас Рагглз, автор заметки в очередном выпуске периодического издания «Сельскохозяйственные записки» за 1792 год [3, с. 205, 535]. Газета «Таймс» рекомендовала беднякам есть суп из воды и картофеля и хлеб, сделанный из смеси муки с картофелем [4, с. 4].

Выгоды от потребления картофеля бедным населением анализировали даже такие великие экономисты, как Адам Смит. В знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства наций» (1776) мыслитель резюмировал: «Обстоятельства жизни бедных людей большей части Англии не могут быть в такой степени ухудшены подъемом цен на индейку, рыбу или мясо, в какой они могут быть улучшены падением цен на картофель» [5, с. 38, 68–70].

Во многом благодаря активной пропаганде картофеля в Великобритании за полтора столетия (1695–1845 гг.) его потребление в рационе простых англичан резко увеличилось. И даже сегодня картофель – важнейший компонент английской трапезы, один из стереотипических продуктов, с которыми ассоциируется у обывателя «английская кухня».

Похожая на «картофельную революцию» история произошла и с таким пищевым продуктом, как устрицы. Но если картофель считался заменой белому хлебу, то устрицы как дешевый источник белка (протеинов) рассматривались в качестве альтернативы мясу. Будучи изначально деликатесом для богатых, во времена индустриализации, вследствие увеличения объемов добычи в водах Британии они резко подешевели и стали превращаться в пищу для бедных. Разница была лишь в том, что их не пришлось так сильно рекламировать. *«Бедность и устрицы всегда идут как будто рука об руку»*, – констатировал персонаж знаменитых «Посмертных записок Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса. С XIX века и по сей день в Англии популярен рецепт *«рагу (тирога) для бедных» из говядины (иногда заменяемой почками или иными потрохами) и устриц*. Отдельной ремарки заслуживает традиция подавать устриц именно с темным пивом – стаутом либо портером. Плотные темные сорта пива стали популярны в голодные годы, так как имели более сильный запах, были более крепкими, дольше хранились и стоили дешевле, чем светлые сорта. Устрицы и темное пиво считались оптимальным «дешевым набором» для рабочего класса, которым можно было насытить себя либо перекусить по дороге с работы домой.

В XVIII – первой половине XIX века в Британии появилось множество изобретаемых энтузиастами рецептов и предписаний в рамках «экономной кулинарии», которые широко рекламировались в публицистике и популярной литературе. В XIX веке силами филантропов, социальных работников, религиозных деятелей и просто подвижников предпринимались и попытки практического внедрения этих рецептов в повседневную жизнь низших классов – энтузиасты ездили по графствам и приходам страны и обучали простой люд, как готовить еду рационально и экономно.

Упомянутый выше автор труда «Положение бедных» сэр Фредерик Мортон Иден для выработки таких рецептов предпринял самостоятельное исследование повседневного питания бедных семей в различных областях Англии и, проанализировав результаты своих наблюдений, констатировал две вещи: *скудность* питания бедняков и *нерациональность* в приготовлении и сочетании продуктов.

Иден полагал, что «особенно нерациональным» питание бедных было в южных графствах Англии: «Если трудящийся достаточно богат, чтобы позволить себе мясо раз в неделю, он обычно жарит его, а если неподалеку есть пекарня – несет туда для запекания». Более экономичным было бы, по мнению Идена, сварить это мясо, но, – сокрушался он, – «даже если бедняк варит его, то он и не думает сделать из него суп, который будет более питательным». Поэтому автор «Положения бедных» предлагал ввести в рацион

бедных ряд экономичных и питательных блюд – в первую очередь, пудинги из овсяной муки, воды и соли, а также супы, которые Иден считал одним из «величайших кулинарных изобретений», позволяющих выживать даже в суровом климате таких стран, как Россия (собственно, из русской кухни это блюдо, как он полагал, и было позаимствовано). Иден даже учредил такую общественную организацию, как «*комитет Супового дома*», или «Общество любителей супов», целью которого было приготовление большого объема вкусных и питательных супов, которые продавались нуждающимся по очень скромным ценам [6, с. 402–408].

Интересно, что британские апологеты экономного потребления нередко приводили в пример Россию, где народ изобрел множество способов длительного хранения продуктов – в числе прочего назывались привычки заготавливать на зиму сухари (сушеный хлеб) и вяленую рыбу, высушенную на открытом воздухе с использованием большого количества соли как консерванта [7, с. 124].

Даже в газетах того времени можно было обнаружить схожие, в общем-то, советы по «экономной кулинарии». Например, известные «*Правила для богатых и правила для бедных*» в лондонской «Таймс» за 1795 год учили богатых «избегать густых супов и вторых блюд, скисшее молоко отдавать бедным или продавать им дешево, варить бульоны, рисовые пудинги для бедных и учить их, как это делать, а также не покупать жирного мяса: если богатые будут покупать лучшие куски, то бедные не смогут купить оставшиеся дешевле». Бедным же рекомендовалось: «Учись готовить бульоны, молочные каши, рисовые пудинги и т.п. Один фунт мяса в бульоне сытнее, чем два фунта вареного или жареного мяса» [4, с. 4].

Таким образом, одной задачей экономной кулинарии было приучить нуждающиеся слои населения к «*нужным продуктам*» (таким как картофель, хлеб из смешанной муки, пудинги, супы и бульоны, экономичные рагу и похлебки и т.п.). Второй задачей было отучить их от «*неправильной*» еды.

Во-первых, таковой считалась полностью непригодная к употреблению пища, которой питались в беднейших графствах. Так, согласно отчетам Комиссии по исследованию законов о бедных, в ряде сельских районов Британии население употребляло в пищу птиц, бараньи щеки или потроха, а в городах беднота ела рубец, недоношенных и преждевременно рожденных телят, забитых больных овец [8, с. 573].

Во-вторых, неправильными назывались «излишества и предрассудки в отношении еды». Конечно же, белый хлеб и мясо, как бы ни старались отучить от них бедняков, не могли быть признаны вредоносными, так как, по сути, в то время они лежали в основе питания всех слоев населения. Поэтому бедных ругали лишь за их неэкономное потребление. Вредоносным для бедняков считался крепкий алкоголь – джин и «солодовый ликер», позднее известный как виски. Пьянство называлось одной из бед, «способствующих попаданию обычных людей в нищету». Этому вопросу посвящали своиopus даже такие известные писатели, как Даниэль Дефо: в одном из памфле-

тов он, будучи фламандцем по национальности, называл пьянство «национальной особенностью англичан» и причиной их деградации в нищету: «Они не несут заработок в семью, в распоряжение жены, не откладывают средства на случай несчастья, а пропивают все деньги; когда же несчастье приходит к ним в дом, они просто валяются на полу кабака» [9, с. 44].

В этой связи более чем удивительно, что титул вредоносного для бедняков продукта в XVIII веке заслужил чай – напиток, который сегодня считается каноническим воплощением пищевых пристрастий англичанина. Знаменитый филантроп Джонас Хэнуэй, всю свою жизнь посвятивший помощи нуждающимся, называл потребление чая «азиатским обычаем», который «повреждает горло» и «крайне не питателен – особенно та крашеная, смешанная и испорченная дрянь, которая продается под видом чая людям низшего класса». «Можно с уверенностью утверждать, – писал он, – что потребление чая еще более опасно для воспроизводства человеческого рода, чем чрезмерное употребление спиртных ликеров! Но беднейшие слои пьют чай даже не один, а два раза в день – как будто овощи, выращиваемые в Англии, не способны их прокормить!.. Половина тех денег, которые покрывают годовую потребность семьи в хлебе, уходит на чай!» [10, с. 18, 28].

Хэнуэй даже посвятил пагубности чая отдельное сочинение – памфлет «Эссе о чае», в котором упрекал состоятельных сограждан в том, что они *позволяют* своей прислуге пить чай. Красной нитью в эссе проходила идея о том, что «потребление чая может довести нацию до нищеты» [10, с. 1].

Следует, впрочем, заметить, что чай как таковой в XVIII веке действительно стоил очень дорого и был окружен ореолом респектабельности и престижа. Используя это обстоятельство, простым англичанам предприимчивые торговцы продавали, например, скупленные у слуг спитые листья чая, высушенные и скрученные заново, а иногда даже вымоченные в красителе. Однако сторонники экономной кулинарии повсеместно писали о пагубности употребления не только поддельного, но и настоящего чая именно в силу дороговизны последнего.

Таким образом, пропаганда «экономной кулинарии» была теснейшим образом связана с популярной в британской общественной мысли XVIII – первой половины XIX вв. идеей о том, что бережливость и умеренность в образе жизни и потреблении является неким «штитом», который оберегает простого человека от попадания в нищету, и одновременно средством преодоления крайней бедности. Пословицы «*Self help is the best help*», «*Thrift is a good revenue*» (в русской интерпретации – «Помоги себе сам» и «Сэкономил – значит заработал») и сегодня знакомы каждому современному англичанину, являясь частью ценностной системы «протестантской этики» и верными спутниками английской социальной политики. Рассуждения на эту тему встречаются в различных источниках – от справочников по домоводству до общественно-политических трактатов. Они дают нам богатую пищу для анализа этого малоизученного аспекта британской истории, который может быть интересен и в условиях непростой экономической ситуации сегодняшних дней.

Литература

1. Salmon, W. The Family Dictionary, or Household Companion / W. Salmon. – L., 1695.
2. Henry, D. The Complete English Farmer / D. Henry. – L. 1771.
3. Ruggles, Th. Annals of Agriculture. № 17 (1792).
4. The Times. 1795. – July 11.
5. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – Москва, 1962.
6. Eden, F. M. The State of the Poor (in 3 books) / F. M. Eden. – London, G. Rutledge and Sons Ltd, 1928.
7. Young, A. Farmer's Letters to the People of England / A. Young. – L., 1767.
8. Hartley, D. Food in England / D. Hartley. – L., 1962.
9. Defoe, D. Giving Alms No Charity / D. Defoe. – L., Printed and sold by the Booksellers of London and Westminster, 1704.
10. Hanway, J. Essay On Tea / J. Hanway. – L. 1759.

УДК 94(47).083

БЫТ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЩИНЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Борzych Анастасия Сергеевна

аспирант Череповецкого государственного университета

Череповец, Россия

laigyshonok@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность Вологодской Общины сестер милосердия в конце XIX – начале XX вв. Особое внимание обращено на работу сестер в мирное время. На основании изученных материалов описывается повседневная жизнь Общины сестер милосердия г. Вологды, прослеживаются изменения численного состава Общины, показывается роль сестер милосердия в уездном городе.

Ключевые слова. Сестра милосердия, благотворительность, Вологодская Община, Российское общество Красного Креста.

THE LIFE OF SISTERS OF MERCY OF THE VOLOGDA COMMUNITY AT THE END OF 19 AND THE BEGINNING OF 20 CENTURIES

Borzykh Anastasia Sergeevna

Postgraduate

Federal state educational budgetary institution of higher education

Cherepovets State University

Russia, Cherepovets

laigyshonok@yandex.ru

Abstract. This article discusses the activities of the Vologda Community of sisters of mercy at the end of 19 and the beginning of 20 centuries. Main attention is paid to the work of the sisters in peacetime. On the basis of the studied materials describes the daily life of the Community of sisters of mercy of Vologda, traces the changes of total numbers of Community, and demonstrates the role of sisters in the provincial town.

Keywords. Sister of mercy, charity, Vologda Community, Russian Red Cross Society.

Сестры милосердия – лица, добровольно посвятившие себя безвозмездному уходу за больными и ранеными. В 1844 г. была учреждена первая в России Свято-Троицкая община сестер милосердия для попечения о больных, заботы о покинутых детях, падших женщинах; при ней были госпиталь, убежище и школа для детей, убежище для женщин [1, с. 615].

7 апреля 1896 г. в 12 часов дня состоялось торжественное открытие Вologodской Общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста [2, с. 5]. В сестры принимались девицы и вдовы в возрасте от 18 до 45 лет, умеющие читать и писать. Перед зачислением девушек в сестры наводились тщательные справки об их нравственном, умственном и религиозном развитии. В течение двух лет сестры состояли в разряде испытуемых и только по истечении срока сдавали экзамен и принимались попечительством Общины в сестры милосердия [3, с. 158].

В период с 1896 г. по 1914 г. количество штатных сестер милосердия варьировалось от 21 до 27, при этом в 1911–1912 гг. отмечается количественный спад штатных сестер до 7. Кроме этого, при Общине находились сестры испытуемые, которым еще предстояло пройти экзамен на звание сестры милосердия, их количество за исследуемый период колебалось от 8 до 10 девушек, при этом нужно отметить, что в некоторые годы набор в сестры милосердия не осуществлялся.

Поступившие в разряд испытуемых и уже закончившие обучение сестры милосердия проживали в здании Общины на Екатерининской улице в собственном доме [3, с. 158]. К началу XX века при Общине была построена хирургическая лечебница Красного Креста [4].

Совместное проживание приводило к тому, что значительная часть расходов Общины была направлена на питание сестер. Нужно отметить, что рацион девушек был разнообразным, в нем встречалось различное мясо, рыба, также овощи, фрукты, грибы, молочная продукция и т.д. Для обеспечения себя продовольствием в 1908 году сестры отработали 2427 суток в лечебнице с больными, 1452 суток – прислужой в лечебнице, 2154 суток – прислужой в Общине [5, с. 15].

День испытуемых сестер был подвержен строгому расписанию: по утрам с 9 до 12 часов два или три раза в неделю девушки посещали больницу или аптеку для прохождения практических занятий, вечерами с 17 до 20 ча-

сов ежедневно читались теоретические предметы по два или три урока ежедневно. Накануне праздничных дней, чтобы не воспрепятствовать посещению церкви, лекции проводились с 14 до 16. Всего в неделю будущие сестры милосердия прослушивали от 10 до 15 лекций. Наибольшее количество часов было отведено на такие предметы, как: закон Божий, уход за больными, физиология и фармация [6, с. 9].

Штатные сестры милосердия находились на практике у частных лиц, в Губернской земской больнице, приюте «Ясли», интернате Мариинской женской гимназии и кроме того в уездах: Вологодском, Кадниковском, Тотемском, где они работали в больницах земства. Сестры выполняли свою работу хорошо, что подтверждают отзывы в их личных книжках. На содержание Общины в 1903 году было израсходовано 6200 руб., самая большая сумма пошла на выплату жалования сестрам милосердия, прислуге Общины и хирургической лечебницы. Стоит отметить, что почти на 2/3 Община находилась на самоокупаемости за счет оплаты работ сестер милосердия и проводимых ими концертов, спектаклей и лотерей [4, с. 24]. Для содержания Общины сестры милосердия могли отправляться на дежурства к частным лицам за один рубль в сутки, 20 рублей за месяц [7, с. 7].

Несмотря на серьезное медицинское образование, которое получали сестры, его нельзя назвать светским, так как большое внимание уделялось религиозной составляющей. Ни один праздник Общины не проходил без торжественной службы и приглашения священника.

Таким образом, видно, что жизнь сестер милосердия Вологодской Общины в конце XIX – начале XX века была строго расписана. Совместный быт сестер Общины вынуждал их к постоянному поиску разнообразных источников дохода, чтобы в первую очередь покрыть свои расходы, а также по возможности оказать помощь нуждающимся.

Литература

1. Беловинский, Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII–начало XX в. / Л. В. Беловинский. – Москва: Эксмо, 2007. – 784 с.
2. Вологодские губернские ведомости. – 1896. – № 15. – С. 5.
3. Открытие Вологодской Общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, 7 апреля 1896 года // Вологодские епархиальные ведомости. – 1896. – № 9. – С. 158.
4. Отчет Вологодского Местного Управления РОКК за 1903 год. – Вологда: Тип. Губернского Правления, 1904. – 60 с.
5. Отчеты Вологодского Местного Управления РОКК, Вологодской Общины сестер милосердия и состоящей при ней хирургической лечебницы за 1908 год. – Вологда: Тип. Знаменского и Цветкова. 1909. – 49 с.
6. Отчет Вологодского местного управление Общества Красного Креста за 1897 год // Вологодские Губернские Ведомости. – 1898. – № 18. – С. 9.
7. Объявления // Вологодские Губернские Ведомости. – 1901. – № 12. – С. 7.

**«ХАРАКТЕР ВЫКОВЫВАЕТСЯ В СУМЯТИЦЕ МИРА»:
СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ДНЕВНИКУ Ф. ФАРМБОРО)**

Волкова Наталья Лаврентьевна
студент 5 курса исторического факультета
Вологодский государственный университет
Вологда, Россия
calpy@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы повседневности сестер милосердия на Восточном фронте Первой мировой войны: гендерный аспект, организация медицинской помощи, восприятие войны. Исследование основано на дневнике Флоренс Фармборо (1914–1918 гг.).

Ключевые слова. Сестры милосердия, Организация Красного Креста, Флоренс Фармборо, гендерный вопрос, Первая мировая война.

**«CHARACTER IN THE STREAM OF THE WORLD»:
NURSES AT THE EASTERN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR
(BY DIARY OF F. FARMBOROUGH)**

Volkova Natalya Lavrentevna
5th year student, Faculty of History
Vologda State University
Vologda, Russia
calpy@list.ru

Abstract. The article deals with the daily routine of nurses on the Eastern Front of the First World War: the gender aspect, the organization of medical care, the perception of war. The study is based on the diary of Florence Farmborough (1914–1918).

Keywords. Nurses, Organization of the Red Cross, Florence Farmborough, Gender issue, World War I.

Некоторые современные явления, отслеживаемые в информационном пространстве, на уровне общественной полемики и самое тревожное – в законодательстве свидетельствуют о том, что проблемы, связанные с дискриминацией женщин, сексизмом, не только не решаются в России, но, скорее, прогрессируют. В связи с этим освещаемая в статье тема актуальна, поскольку, во-первых, она привносит каплю феминизма в океан общественного дискурса; во-вторых, для того, чтобы бороться с проблемами, необходимо понимать их истоки, обращаться к истории их решения.

В процессе работы над исследованием об участии сестер милосердия в Первой мировой войне мы пришли к выводу – эта война стала значимым скачком в деле эмансипации женщин в России. Целью статьи является доказательство этого тезиса.

Основной источник исследования – письменный опубликованный документ личного происхождения – дневник Ф. Фармборо, написанный в период с 1914 по 1918 годы [1]. Он представляет интерес для изучения, потому что его автором является женщина – сестра милосердия, рядовая участница фронтовых событий. Соответственно дневник содержит много сведений о повседневности, быте войны, различных социокультурных аспектах, представляет женский взгляд на место женщин в событиях Первой мировой. Кроме того, Флоренс Фармборо (1887–1978 гг.) – англичанка, что затрагивает вопросы, связанные с имагологией, дневник является отражением взглядов иностранки на русскую армию и общество.

Кем была автор дневника? Фармборо родилась в Великобритании, графстве Бегингемшир [2]. Примечательно, что ее называли в честь знаменитой сестры милосердия и общественной деятельницы Флоренс Найтингейл. Семья была достаточно традиционной. Отец старше матери на 20 лет. Фармборо описывала его как сильного, доброго человека, крайне религиозного, что повлияло на Флоренс, и она также была, судя по ее дневнику, набожным человеком [1, с. 232].

На момент начала войны, в 1914 году, англичанке было 27 лет, 6 из которых она прожила в России: 2 года в Киеве и 4 года в Москве. С 1910 года Фармборо жила и преподавала английский язык в семье доктора Павла Сергеевича Усова, знаменитого кардиохирурга. С началом Первой мировой войны Флоренс записалась добровольной помощницей в московский госпиталь княгини Голицыной, а затем, после полугодовой тяжелой подготовки и сдачи непростого экзамена на получение диплома от Общества Красного Креста, настояла на отправке ее на фронт [1, с. 11].

В 1918 году Фармборо покинула большевистскую Россию через Владивосток и Америку, отправилась в родную Англию. Все это время она не только вела подробный дневник, но и занималась фотосъемкой, в сложных условиях смогла возить с собой пластинчатую камеру и штатив. Фотографии также были опубликованы и представляют собой ценные исторические источники [3]. Стоит подчеркнуть, что к дневнику Фармборо как источнику необходимо относиться вдвойне критично, так как автор сама готовила его к изданию. Книга «Сестра милосердия на русском фронте: Дневник 1914–1918 гг.» [3] вышла в 1974 году в Великобритании, через год – в США. Причем часть заметок с краткой фактологической информацией, была вписана Фармборо на момент подготовки дневника к изданию. В России книга была переведена и издана в 2014 году. На текущий момент в российской исторической науке отсутствуют исследования, основанные на данном источнике, что обосновывает новизну нашей работы.

Во время службы сестры милосердия сталкивались не только с тяжелыми условиями труда и быта, угрозой их здоровью и жизни, но также с психологическими проблемами, связанными с конфликтом их совести и инструкцией. Согласно дневнику Фарморо, во время большого наплыва раненых, сестрам милосердия приходилось делать жестокий, но необходимый выбор между теми, кому оказывать помощь, а кого как безнадежного оставлять умирать [1, с. 24].

При отступлении сестрам приходилось в буквальном смысле бросать на произвол судьбы раненых, которые просили о помощи и спасении, но медики должны были, выполняя приказ, уезжать вслед за армией [1, с. 27].

Когда после боя сотни солдат поступали в полевой госпиталь со смертельными ранами, сестры, по инструкции, обязаны были делать им уколы для поддержания сердца — инъекции камфоры или кофеина. Фармборо понимала, что этими уколами она и ее коллеги только продлевали жизни безнадежных пациентов на небольшой срок, приводя их в сознание, а значит, обрекая на сильную боль. Однако не делать этого сестры милосердия не имели права, иначе они бы нарушали приказания начальства и главную заповедь работы Красного Креста: «делать все, что в наших силах, чтобы сохранить и восстановить жизнь» [1, с. 179–180].

Сестрам было тяжело, но необходимо отказывать в просьбах о воде прооперированным пациентам с ранениями в живот, которых мучила жажда. С этой проблемой у Фармборо был связан крайне болезненный для нее опыт. Она дала такому безнадежному пациенту воду, нарушив тем самым инструкции, и он умер. Врач обвинял сестру в убийстве [1, с. 213–214].

Сестры не раз оказывались на полях сражений после их завершения. Фармборо описывала один из таких случаев, когда вид большого количества непогребенных, разлагающихся трупов произвел на медицинский персонал глубокое впечатление. Сестры милосердия были возмущены и, связавшись с военными властями округа, настояли на том, чтобы тела солдат были немедленно похоронены [1, с. 205–206].

Фармборо писала, что во время пребывания на войне руководствовалась цитатой Гёте: «Es bildet ein Talent sich in der Stille, Sich ein Charakter in dem Strom der Welt (Талант развивается в тишине, но характер выковывается в сумятице мира [нем.])» [1, с. 313]. Эти слова немецкого классика справедливы для описания участия женщин в Первой мировой войне. В этот период они проявили заметную, гораздо более масштабную, чем в предыдущей истории страны, активность. Так, сестры милосердия не только преодолевали тяжелые условия (не спали по двое суток, не успевали есть, пить, испытывали проблемы со снабжением, работали рядом с разрывающимся снарядами и стрельбой, заражались от пациентов инфекционными заболеваниями, переносили невзгоды наравне с мужчинами, от которых в конце войны терпели унижения и физическую угрозу), но и пытались бороться за свои убеждения, своих пациентов. Женщины вносили свой вклад, трудились в тылу, на фрон-

те, иногда с оружием в руках, получали награды за подвиги и теряли жизни. То, что женщины смогли быть задействованы в мужском деле, которое только можно придумать – войне, было замечено, распространено в прессе и народной молве. И хотя отношение к женщине на войне оставалось далеко неоднозначным, эта активность была значимой и оказала влияние на дальнейшее дело эмансипации женщин в России.

Литература

1. Фармборо Ф. Первая мировая война. Дневники с фронта / Ф. Фармборо; пер. с англ. В. В. Кузнецова. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2014.
2. Obituary: Miss Florence Farmborough // The Times. – 1978. – Monday 21 August. – P. 12.
3. Farmborough, F. Nurse at the Russian Front: A Diary 1914-18; With a phot. by the auth / F. Farmborough. – London: Constable. Cop., 1974.

УДК 94 (47)

ПЕТРОВСКАЯ УЛИЦА Г. ВОЛОГДЫ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.: ИСТОРИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ

Гуслистова Анна Николаевна
научный сотрудник НП НИЦ «Древности»
Вологда, Россия
annavalentina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории и реконструкции улицы Петровской г. Вологды в XVII – начале XVIII в.: динамике расселения посадских людей, процессу складывания «родовых» усадеб, частоте совершаемых сделок по недвижимости.

Ключевые слова. Сорок, улица, топография, генеалогия, фамилия, семья, двор, коммерческая недвижимость, «родовая» усадьба.

PETROVSKAYA STREET OF VOLOGDA IN THE XVII-BEGINNING OF THE XVIII CENTURY: HISTORY AND RECONSTRUCTION

Guslistova Anna Nikolaevna
Researcher NP SIC «Drevnosti»
Vologda, Russia
annavalentina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history and reconstruction of Petrovskaya Street in Vologda in the XVII th and early XVIII th centuries: the dynamics of the settlement of the people, the process of folding the «family» estates, the frequency of real estate transactions.

Keywords. Sorok, street, topography, genealogy, surname, a family, courtyard, commercial property, «family» farmstead.

Еще в XV в. Вологда являлась сравнительно крупным торговым центром. С образованием Вологодского уезда и административным подчинением Вологде обширных сельских территорий ее экономическое значение еще более выросло. На вторую половину XVI в. пришлось коренные изменения в роли Вологды, которая стала одним из важнейших узлов транзитной торговли широкого спектра товаров, от продуктов сельского хозяйства и промыслов (главным образом соляного и пушного) до импортных западноевропейских товаров. На протяжении всего XVII в. в городе концентрировалось значительное число экономически активного населения, соответственно росло тяглое население города. Основной магистралью, вокруг которой концентрировалась экономическая деятельность, была река Вологда. На ее берегах располагались пристани, жилые дворы вологжан, складские и производственные помещения вологодских и иногородних купцов. В результате длина берега, занятая дворами посадских людей, уже к началу XVII в. достигала 5 км. Самыми новыми и соответственно окраинными районами города были Новинки и располагавшаяся еще ниже по реке улица Петровская. Дворовладение в районе Новинок изучено сравнительно хорошо, что связано в первую очередь с тем, что в этом районе концентрировались владения иностранного и привилегированного купечества [1, 2, 3, 4, 5], а также дворы рядовых торговых и посадских людей [6]. На примере расположенной южнее Новинок Петровской улицы можно изучить процесс формирования нового городского района и его социальной эволюции в условиях благоприятной экономической конъюнктуры.

Первым сохранившимся описанием города и посада является Дозорная книга 1616/17 г. князя П.Б. Волконского и подьячего Л. Сафонова, в которой было отражено состояние города после разорения 1612 г. [7]. В ней упомянуты только названия сороков, т.е. население города перечислено по крупным городским районам. Сопоставление с более поздними писцовыми переписными книгами показывает, что Петровская улица входила в Кирилловский сорок.

В приходе-расходной книге Вологодского архиерейского дома 1612 г. мы встречаем запись о «петровском лопе Иосифе на посаде», который взял венчальную пошлину [8, с. 43]. Речь идет о храме, который находился на Нижнем посаде Вологды, а не о церкви Петра и Павла на Гостином дворе внутри крепости («города»). Значит, храм уцелел в вологодское разорение и функционировал, а название прилегающей улицы было производным от названия церкви.

Топоним «Петровская улица» или «Петровка» встречается в писцовой книге 1627 г. князя И.А. Мещерского и подьячего Ф. Стогова и далее в переписных книгах 1646 г. И.И. Бутурлина и подьячего Е. Иванова, 1678 г. стольника П.М. Голохвастова и подьячего И. Саблина и 1711/12 гг. И. Шестакова и В. Пикина [9, с. 117, 155, 161; 10, с. 26, 27, 103, 104; 11, с. 37, 42].

И если в переписных книгах XVII в. улица Петровская была зафиксирована монолитной (описание шло строго по правой и левой сторонам улицы), то в переписной книге 1711/12 г. она включает в себя несколько переулков (в Рощенскую, Зосимовскую и Мостовую улицы).

На протяжении XVII в. количество дворов в ней менялось – в 1627 г. было записан 21 двор, в 1646 – 56, в 1678 – 54, а в 1711 – 43 двора.

Формуляр записи о дворах и его обитателях в писцовых и переписных книгах был разным. В книгах 1646 и 1678 гг. запись содержала в себе сведения только об имени хозяина двора и его родственниках. В книгах 1627 и 1711/12 гг. – включала в себя сведения как о нынешнем, так и о бывших хозяевах и размерах участка. Переписная книга 1711/12 содержит самую подробную информацию о дворах. В отдельной статье перечисляются жилые и хозяйственные постройки двора, его размеры и все документы на собственность, которые были на данный момент у хозяина. Нередко таких документов насчитывалось от 2 до 10, что свидетельствует об устоявшейся практике письменной фиксации сделок на недвижимость [12].

При сплошном сопоставлении собственников дворов по пяти описаниям удалось проанализировать историю 38 дворов. Судьба шести прослеживается с первой четверти XVII в. по 1711 г. Это дворы семей Неподставовых (Неподстаевых), Матаргиных, Обуховских, Чюдиновых, Глушковых (Глушаевых) и Свешниковых, Носковых и Григорьевых. Основатели фамилий Первушка Духоня, Чюдин, Непоставка Иванов, Иван Обуховской, Иван Глушок, Алексей Носков, Кузьма и Даниил Матаргины жили на рубеже XVI–XVII вв., и на протяжении следующих ста лет дворы принадлежали их потомкам во втором-третьем поколениях. К началу XVIII в. часть этих семей продала дворы и переехала на другие улицы. Федор Чюдинов купил в 1700 г. новый двор на Введенской улице, вдова Ивана Обуховского продала двор в 1690 г., Алексей Глушков – в 1698 г., Перфирий Носков – в 1683 г.

Историю остальных дворов удалось проследить со второй половины XVII по 1711/12 гг. Это дворы Шумиловых и Талашмановых, Поповых и Шевковых, второй ветви Носковых, Фисовых-Солениковых, Плетниковых (Плотниковых), Варгановых (Варгаловых), Кочютиных (Кочюровых), Подосеновых и Мошонкиных, Кодовиных, Сорокиных, Фоминых-Семеновых, Савостьяновых и Колесовых, Сальниковых (Санниковых), Вешняковых. Митрополовых, Корсаковых-Курочкиных.

Большинство дворов поменяло собственников на рубеже XVII–XVIII вв. Это может свидетельствовать об успешном экономическом развитии города, когда у посадских семей появлялась возможность переехать или увеличить свои дворы за счет покупки/продажи соседних участков. Но вполне возможно, что динамика покупки/продажи дворов была постоянной на протяжении всего изучаемого периода, а многочисленные случаи смены собственников именно в конце XVII в. обусловлены подробной фиксацией всех

подобных сделок в переписной книге 1711/12 гг. и отсутствие столь же подробной документации для другого периода.

Любопытная картина перераспределения собственности на левой стороне Петровской улицы складывается в результате сопоставления данных переписных книг 1678 и 1711/12 г. По 1678 г. на левой стороне улицы находилось 25 дворов, а через 33 года писцы фиксируют один двор И.И. Рожина, купленный у В.М. Чадова и С.Г. Оконнишникова, которые, в свою очередь, дворы приобрели сравнительно недавно. Вполне возможно, что левая сторона улицы «съежилась» за счет пяти дополнительных переулков, «появившихся» в писцовой 1711 г. Вероятно, дворы в этих переулках в XVII в. описывались как располагавшиеся на самой улице.

Не менее интересна история родовых дворовладений на Петровской улице нескольких вологодских торговых семейных компаний – Носковых, Кодовиных, Митрополовых, генеалогия которых уже восстановлена [13, 14]. Дворы Алексея Иванова и Дениса Евсегнеева д. Носковых перешли к ним по наследству от деда и отца. Их общий предок – Алексей Носков был записан в Кирилловской слободе в 1617 г., но, по всей видимости, активной торговлей семья стала заниматься после середины XVII в., так как по книгам 1627 и 1646 гг. и он, и его дети были записаны мясниками.

Дворы Алексея Иванова с. Кодовина так же, как дворы Василия Ильина, Семена и Василия Федоровых д. Митрополовых достались им по наследству от деда и отца, но впервые факт их проживания на Петровской улице отмечен лишь в 1646 г. [11, с. 38, 41, 45].

Стоит отметить еще одного крупного вологодского купца начала XVIII в. Терентия Королькова, которому в разное время принадлежало 15 дворов Вологды, в том числе и 4 двора на Петровской улице. Однако к 1711 г. почти все дворы в данном районе были им проданы и, скорее всего, продажа дворов была обусловлена какими-то внутренними экономическими причинами. В целом, практика компактного расселения представителей трех крупных торговых семей в районе Петровской улицы подтверждает выводы, сделанные Л.А. Тимошиной, – о концентрации купеческих дворов на пересечении сухопутных и речных путей, в непосредственной близости к местам поселения иностранных купцов [2, с. 134].

Самая длительная история владения одним двором прослеживается у семьи Неподставовых. В 1617 г. дозорная книга фиксирует Непоставку Иванова в Кирилловском сороку, сбежавшем в 1613 г. [7, с. 349]. В 1627 г. записан некий бобыль Фомка Иванов, «от дому сшол безвестно» в 1625 г., – это мог быть как сам Непоставка, предпочитающий странствовать по белу свету, или его сын [9, с. 162]. В любом случае родовая фамилия перешла к предполагаемым сыновьям (внукам?) Непоставки – Пантелею и Дмитрию Фоминым детям Неподставовым, записанным в 1646 г. [10, с. 26]. В переписной книге 1678 г. упомянута вдова Марфутка Иванова дочь Пантелеев-

ская жена Исподставова, на дворе которой живут посадские бобыли (без упоминания родства) братья Василий, Терентий и Петр дети Дмитриевы с сыновьями [10, с. 103]. При сопоставлении с данными переписной книги 1711/12 г. выясняется, что братья также носили родовую фамилию и являлись племянниками покойного Пантелея Неподставова, расселившимся на 4 двора [11, с. 37]*.

Из истории дворовладения всего лишь одной семьи мы узнаем: о неустойчивости фамильной формы (варианты фамилии в каждом источнике были разными, один раз собственника записали лишь с отчеством); о неполном формуляре записи, когда явное родство дворовладелицы с живущими у нее людьми не было упомянуто (не понятно – нарочно или по ошибке); родовое владение двором закреплялось документом – духовной; ширина двора 1627 г. совпадает с шириной 1711 г.

Уже из простого перечисления расположенных на изучаемой улице дворов ясно видно, что основным ее населением были рядовые посадские люди. Большая часть дворов достаточно часто меняла владельцев, и в среднем одна семья проживала во дворе не более 20-30 лет. Несколько зажиточных купеческих семей закрепилось здесь со второй половины XVII в., но элитный район так и не стал, в отличие от Мироносицкого берега и Новинки, где проживали иностранные купцы.

Таким образом, при сплошном исследовании всех улиц Вологды на протяжении исследуемого периода мы сможем получить информацию не только о формировании улиц и районов города, но и динамике расселения посадских людей, процессе складывания «родовых» усадеб, частоте совершаемых сделок по недвижимости.

Литература

1. Булгаков, М. Б. Деятельность западноевропейского купечества в городе Вологде в первой половине XVII в. / М. Б. Булгаков // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 4. – Вологда, 2003. – С. 22-37.
2. Тимошина, Л. А. Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. / Л. А. Тимошина // Торговля и предпринимательство в феодальной России. – Москва, 1994. – С. 117-151.
3. Захаров, В. Н. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века / В. Н. Захаров, М. С. Черкасова // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 97-132.
4. Гуслистова, А. Н. Немецкая слобода: дворы иностранных купцов в Вологде в XVII – начале XVIII в. / А. Н. Гуслистова // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Чтения к 80-летию со дня рождения д.и.н.

* В книге 1711 г. упоминаются Павел Терентьев, Осип Петров Неподставовы, вдова Ивана Васильева Неподстаева – Авдотья Иванова и дед Алексея Петрова с. Неподстаева – Дмитрий Фомин с. Неподставов.

профессора Ю. К. Некрасова (1935–2006)». 22-23 мая 2015 года. – Вологда, 2016. – С. 86-89.

5. Малинина, Н. Н. Торговые люди и православная церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г. М. Фетиева) / Н. Н. Малинина, М. С. Черкасова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2016. – № 4. – С. 84-152.

6. Гуслистова, А. Н. Коммерческое дворовладение Чадовых в Вологде (по переписной книге 1711 г.) / А. Н. Гуслистова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. – Москва, 2013. – С. 284-286.

7. Дозорная книга посада Вологды князя П. Б. Волконского и подьячего Л. Сафонова 1616-1617 (публ. Ю. С. Васильева) // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вып. 1. – Вологда, 1994. – С. 333-370.

8. Приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии XVII – начало XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. – Москва: Санкт-Петербург, 2016.

9. Источники истории города Вологды и Вологодской губернии: список с писцовой книги г. Вологды, сделанный в 1629 году. – Вологда, 1904.

10. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 2 т. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII в. / подготовка к изданию: И. В. Пугач, М. С. Черкасова. – Москва: Кругъ, 2008. – 412 с.

11. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 2 т. Т. 2. Писцовые и переписные книги Вологды XVIII в. / подготовка к изданию: И. В. Пугач, М. С. Черкасова. – Москва: Кругъ, 2008. – 412 с.

12. Гуслистова, А. Н. Переписная книга 1711 г. и I ревизия 1722 г. Вологды: возможности сопоставления / А. П. Гуслистова // XIX Всероссийская научная конференция «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XXI вв.», посвященная 100-летию со дня рождения А.И. Копанева. Тезисы докладов. 1–4 июля 2015 г.

13. Гуслистова, А. Н. Генеалогия вологодской купеческой семьи Митрополовых в XVII–XIX в. / А. Н. Гуслистова // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «памяти д.и.н. профессора Ю.К. Некрасова (1935-2006)». 22-23 мая 2016 года. – Вологда, 2017. – С. 86-89.

14. Гуслистова, А. Н. Торговые люди Вологды: опыт историко-генеалогической характеристики / А. Н. Гуслистова // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. – Москва, 2008. – С. 84-93.

**ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАНКАСТЕРСКОГО МЕТОДА
в 1810–1830-х гг.**

Жуковская Татьяна Николаевна

доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в.

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

kalinka46@yandex.ru

Калинина Елена Александровна

кандидат исторических наук,

докторант Института Российской истории РАН

Москва, Россия

tzhukovskaya@yandex.ru

Аннотация. Статья рассматривает опыт применения метода взаимного обучения в России по документам, отражающим историю просвещения в губерниях Русского Севера. Недостаток учителей начальных школ заставлял правительство прибегнуть к широкому применению ланкастерской системы. В Вологде с 1819 по 1828 гг. также действовала ланкастерская школа под управлением Я. Муромцева.

Ключевые слова. Народное просвещение на Русском Севере, ланкастерские школы.

**THE PROBLEM OF PREPARATION OF PEOPLE'S TEACHERS AND
THE DISTRIBUTION OF LANCASTER METHOD**

In the 1810s-1830s.

Zhukovskaya Tatyana

PhD, St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

tzhukovskaya@yandex.ru

Kalinina Elena

PhD, the Institute of Russian History

of the Russian Academy of Sciences RAN

Moscow, Russia

kalinka46@yandex.ru

Abstract. The article examines the experience of using the method of mutual learning in Russia in accordance with documents reflecting the history of enlightenment in the provinces of the Russian North. The shortage of primary school

teachers forced the government to resort to the extensive use of the Lancaster system. In Vologda, from 1819 to 1828, exist a Lancaster school, operated by J. Muronisev.

Keywords. Public education in the Russian North, Lancaster schools.

Грандиозная школьная реформа Александра I, предполагавшая преемственность ступеней обучения, столкнулась с проблемой недостатка учительских кадров для начальных и уездных училищ. Внимание правительства было закономерно обращено на ланкастерский метод обучения, понравившийся императору во время его пребывания в Англии и апробированный в солдатских школах русского оккупационного корпуса, находившегося под командованием М.С. Воронцова во Франции в 1815–1818 гг. Сам метод, названный в честь английского педагога и просветителя Джозефа Ланкастера, казался простым и решал главные проблемы школьного строительства – недостаток финансирования и дефицит людей, способных преподавать. Метод взаимного обучения, кроме того, позволял с помощью особых методик без больших затрат обучать одновременно значительное количество учеников (как детей, так и взрослых) при минимальном количестве учебных пособий. Обучение чтению, письму и арифметике проходило при помощи таблиц, используемых вместо учебников, один учитель, подготовивший несколько способных учеников («мониторов»), затем лишь контролировал процесс дальнейшего обучения ими своих товарищей.

Использование ланкастерского метода отвечало идее попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уварова расширить круг деятельности столичного Педагогического института. В 1816 г. он представил в Главное Правление училищ «Проект предварительного образования Второго разряда Главного Педагогического Института», который предполагал сделать «рассадником учителей по новой ланкастерской методе» [1, с. 40]. Предполагалось максимально учесть разносторонний европейский опыт, для чего в Англию, Швейцарию и Францию были командированы четыре студента Педагогического института, которым впоследствии суждено было преподавать в Петербурге саму методику и практику взаимного обучения: А.Г. Ободовский, Ф.И. Буссе, М.М. Тимаев, К.Ф. Свенске [2, с. 59–95]. После трех лет пребывания за границей студенты представили отчет, содержавший вывод о том, что применение системы Ланкастера как единственной методики преподавания в российских школах было бы ошибочным, т.к. она затрагивала лишь техническую сторону преподавания, не касаясь воспитательной. Будущие педагоги предложили «механизм Ланкастера оживить духом песталлюциевой системы воспитания» [1, с. 45].

Идеи и метод Д. Ланкастера заинтересовал и общественные круги. В начале 1819 г. Ф.П. Толстой, Ф.И. Глинка, Н.И. Греч, Н.И. Кусов и др. основали «Общество для заведения училищ по методе взаимного обучения», которое насчитывало более 100 членов. Под эгидой Общества были состав-

лены учебные пособия и руководства для взаимного обучения. Министерство народного просвещения со своей стороны рекомендовало училищным дирекциям применять методику взаимного обучения в начальных школах. При Главном правлении училищ в 1820 г. был образован особый комитет, курировавший училища взаимного обучения.

Однако ланкастерская система в России приживалась плохо и оправдывала себя только в школах с большим количеством учеников, например в городских воспитательных домах. На подготовку учителей была ориентирована деятельность Второго разряда Главного педагогического института, преобразованного в Учительский институт при С.-Петербургском университете, который действовал в 1820–1822 гг. Он выпустил всего 30 воспитанников, готовых стать преподавателями уездных училищ и знакомых с ланкастерским методом. После его закрытия в столице действовали специальные курсы для подготовки учителей, например курсы при Батальоне военных кантонистов, куда были отправлены для освоения ланкастерского метода учителя и инспекторы гимназий, входящих в состав Петербургского учебного округа: И.А. Николаевский и К.В. Баранкоев – из Петрозаводска, И.А. Никольский – из Архангельска, Гирт – из Вологды, из Пскова – Махеев, из Новгорода – Еленев и др. [3, л. 118].

Первое на Европейском Севере училище взаимного обучения было открыто в Вологде в декабре 1819 г. Я. Муромцевым, окончившим училище взаимного обучения в Петербурге, где «при тщательном старании научился преподавать по сему способу учения положенные предметы». Об открытии Муромцевым в Вологде собственного училища взаимного обучения перед вологодским гражданским губернатором И.И. Поповым ходатайствовал Ф.П. Толстой, председатель комитета Общества взаимного обучения. Я. Муромцев привез из Петербурга все необходимые для работы пособия, печатные таблицы, грифельные доски, грифели, суконки и губки для вытирания досок, знаки, телеграфы. Он нанял дом, в который можно было поместить одновременно 200 учеников, и объявил жителям Вологды о разрешении губернского начальства на безвозмездное обучение детей по ланкастерской методике. 21 декабря 1819 г. училище было торжественно открыто, на этом акте присутствовал Вологодский архиепископ, губернатор, директор училищ губернии, чиновники и горожане.

Училище состояло из 8 классов. Дети обучались чтению, письму, арифметике и Закону Божьему. Судя по рапортам Я. Муромцева, численность обучающихся мальчиков и девочек с 1819 по 1823 гг. была внушительной. Так, в декабре 1819 г. в училище поступило 32 ученика, в 1820 г. – 133, в 1821 г. – 90, 1822 г. – 51, в 1823 г. – 179 [4, л. 17]. В следующие годы количество учеников снизилось: в 1825 г. училось 12, в 1826 г. – 31, в 1827 – 31, в 1828 – 38 детей обоего пола [5, л. 39 об. – 40, 129 об., 131 об.] Муромцев содержал училище за свой счет, оплачивая наем дома, отопление и освещение. Также безвозмездно он обучал детей, отмечая в рапортах: «Единствен-

ную нахожу себе награду в утешении, что я могу быть полезен обществу» [4, л. 18]. За три года он истратил на содержание училища около 5000 руб. собственных средств. Не имея финансовой поддержки ни от городского общества, ни от училищного ведомства, он вынужден был в 1831 г. закрыть училище. Это совпало с ослаблением интереса к методике взаимного обучения, свертыванием деятельности Общества взаимного обучения, многие активные деятели которого были скомпрометированы причастностью к делу декабристов. В дальнейшем Я. Муромцев служил в Вологодской гимназии в качестве надзирателя благородного пансиона.

Несмотря на попытки распространить ланкастерский метод обучения за пределы Петербурга, существование этих школ не было долговечным. Во многих приходских училищах применялись только таблицы, составленные по системе Ланкастера, а сама технология обучения игнорировалась. Однако для начальных училищ даже в 1840-х гг. она казалась единственно приемлемой. В сентябре 1841 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа М.А. Дондуков-Корсаков напомнил директорам народных училищ округа «об исполнении параграфа Устава 1828 г. о введении этой методики в приходских училищах» [6, л. 1]. Однако в сельских приходских школах, где по преимуществу преподавали священники, «заграничная» система обучения не могла прижиться, несмотря на изданные пособия для священников, где она всячески прокламировалась [7]. Обремененные работой по приходу, церковнослужители ограничивались «обыкновенной» методикой обучения грамоте, состоявшей в механической зубрежке пройденного материала. Они отказывались от ланкастерского метода обучения как «неудобоисполнительного и даже неприличного для их сана» [6, л. 5, 10].

В Комитете для заведования училищами взаимного обучения Министерства народного просвещения вопрос о полезности ланкастерской системы обсуждался до середины XIX в. Противники этого метода считали, что хотя взаимное обучение удешевляет и ускоряет процесс обучения письму и счету, но при этом ученики не получают системы знаний. Попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий считал, что в системе Ланкастера нет «ни сносного ученья ни доброго духа».

Сторонники этого метода продолжали и в 1830-х гг. настаивать на его полезности. Так, «Педагогический журнал», который издавал А.Д. Ободовский, один из командированных в 1816 г. в Англию, в январе 1834 г. защищал ланкастерскую систему, сообщая, что она учитывает способности каждого ученика и помогает им быть успешными: «Прилежный подвигается вперед по живой лестнице, тупой и рассеянный остается на той же лестнице». [8, с. 35]. Журнал предлагал конспекты уроков по ланкастерской методике. Другие педагоги настаивали на разработке собственных российских методик обучения грамоте. Ланкастерская методика обучения в школах была окончательно вытеснена более эффективными методами во время реформ 1860-х годов.

Литература

1. Рождественский, С. В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I / С. В. Рождественский // Русские прошлое. – Петроград: Москва, 1923. – Т. 5.
2. Жуковская, Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800-1810-х гг. (по письмам и дневникам) / Т. Н. Жуковская // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. Вып. 9. – Йошкар-Ола, 2016. – С. 59-95.
3. Национальный архив Республики Карелия. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 2/7.
4. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 438. – Оп. 3. – Д. 598. – Л. 17.
5. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 438. – Оп. 3. – Д. 53 а. – Л. 39 об. – 40, 129 об., 131 об.
6. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 4737.
7. Всенародное распространение грамотности в России. – Москва, 1819. – С. 35-37.
8. Ободовский, А. О преимуществах ланкастерской системы / А. Ободовский // Педагогический журнал. – 1834. – № 1. – С. 35.

УДК 94 (47)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1941–1945 ГГ.

Ильина Ольга Викторовна

доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук

Вологодский государственный университет

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Вологда, Россия

kema-rodina@yandex.ru

Аннотация. В статье показаны демографические и ролевые изменения в семье северной деревни под влиянием Великой Отечественной войны, дан анализ половозрастного состава сельской семьи, ее участие в общественном производстве и личном хозяйстве в 1941–1945 гг.

Ключевые слова. Сельская семья, Европейский Север, рождаемость, смертность, естественный прирост, половозрастной состав, мобилизация.

DAILY LIFE OF A RURAL FAMILY IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1941–1945

Irina Olga

associate Professor of history Department of Vologda state University

associate Professor of the Department of state and legal disciplines

of the Vologda Institute of law and Economics

of the Federal penitentiary service of Russia Vologda

Vologda, Russia

kema-rodina@yandex.ru

Abstract. The article shows a demographic and role changes in the family North of the village under the influence of the great Patriotic war, analyzes the sex and age composition of the rural family, her participation in social production and private households in 1941–1945.

Keywords. Rural family, the European North, birth rate, death rate, natural increase, age-sex composition, mobilization.

Сельская семья в изучаемый период испытывает влияние таких внешних факторов, как война и ее последствия. В условиях чрезвычайного военного времени меняются сложившиеся стереотипы поведения, меняются отношения между членами семьи, взаимоотношения с государством. Мобилизация на фронт (в большей степени охватила именно сельское население, т.к. в городе существовала бронь) сократила в деревне трудоспособную часть мужского населения, увеличила физическую нагрузку на женщин, стариков, детей. Например, летом 1941 г. машинист колхоза «Луч» Сыктывдинского района Коми АССР И. Изьюров сенокосилкой скашивал за смену 6–7 га, вместо 3–5 га по норме [1, с. 468]. В колхозе «Передовой» Устюженского района Вологодской области Яков Мишин работал кузнецом, заводил фермой, участвовал в полевых работах, а в колхозе «Зерновод» Бабаевского района 78-летний Кирилл Федоров после призыва сына в армию пошел работать в колхоз и зарабатывал в месяц по 50 трудовых [2, л. 113].

Должности председателей колхозов, бригадиров и других управленцев начинают занимать женщины. В условиях сочетания нового общественного статуса с сохраняющимся личным статусом матери, хозяйки дома, трудоспособные женщины вынуждены были расширять, включать в выполнение обязанностей по дому старших детей или нетрудоспособных лиц – стариков. В их обязанности входили: присмотр за маленькими детьми, приготовление пищи, заготовка дров, уход за домашними животными и другое. В своем романе «Братья и сестры» Ф. Абрамов так описывал день подростка-девочки: «У Лизки дел да хлопот полные руки. Шутка ли домашничать в такой семье! Надо и печь истопить, и с коровой управиться, и ребятишек накормить, и в избе прибрать, и бельишко постирать... Конечно, двенадцатилетняя Лизка многое из этого еще не делает: ее ли руками ворочать чугуны в печи, поднимать деревянный поддонник? И все-таки в страду весь дом держится на ней» [3, с. 132.].

Ситуация с присмотром за детьми усложнялась тем, что далеко не в каждой деревне были детские сады, большинство колхозов только на летнее время интенсивных сельскохозяйственных работ открывали т.н. сезонные группы. Кроме этого, государство в условиях чрезвычайного военного времени пошло на введение для подростков в возрасте от 12 до 16 лет обязательного минимума трудовых – 50 в год, основную часть которых дети зарабатывали в летний период, после окончания учебных занятий.

Сокращение численности сельского населения, низкая механизация труда, увеличение государственных налоговых обязательств приводили к тому, что труд колхозника превратился в одну большую страду, когда не было времени для отдыха, а многие сельскохозяйственные работы затягивались до зимы. Секретарь Удорского райкома партии Коми АССР М.Н. Юркин вспоминал: «В середине сентября 1941 г. пошел снег, сена было заготовлено меньше половины плана (48%), многие нескошенные луга оказались под водой. С трудом выкопали картошку. Медленно шла уборка льна. До ноября не могли начать молотьбу, закончили только в марте 1942 г.» [4, с. 126].

Не учитывая физических возможностей деревни, государство кроме мобилизации на фронт продолжало привлекать колхозников на другие работы: строительство оборонительных укреплений, на заготовку дров. Тяжким бременем для сельского населения была мобилизация в лес. Председатель СНК Коми Ветошкин в начале 1945 г. сообщал в центр: «Выполнение плана лесозаготовок в зимний сезон 1944–1945 гг. проходило с огромным напряжением всех людских и тягловых ресурсов. Угроза невыполнения плана вынудила мобилизовать на лесозаготовки 14-летних подростков, мужчин старше 55 лет, домашних хозяек с малолетними детьми. Скотницы были заменены престарелыми женщинами и тоже мобилизованы в лес» [5, с. 135–136]. У Ф. Абрамова читаем «За войну какие муки не приняли пекашницы, а лес сравнить не с чем. Лес всем мукам мука. Гнали стариков рванных-перерванных работой, подростков снимали с ученья, девушек соплеленых к ели ставили. А бабы, детные бабы, – что они вынесли за эти годы... Хоть околей, хоть издохни в лесу, а в барак без нормы не возвращайся... Дай кубики! Фронт требует!» [3, с. 328].

Тяжелые условия труда на лесозаготовках нашли отражение в фольклоре:

Во леса-то мы поехали
С четырнадцати лет,
Стали бревнышки наваливать,
А силушки то нет [6, с. 342].

Сокращение рабочей силы повлияло на сокращение посевных площадей, изменилась структура и качество питания сельских жителей. В ход шли продукты низкого качества или те, которые ранее не употреблялись: муку смешивали с мхом, сеном. Основным продуктом был картофель и хлеб. Летом спасали ягоды, те крестьяне, что жили у рек, ловили рыбу. Несмотря на то что в годы войны государство проводило политику экономического и административного принуждения к труду именно в общественном производстве, личное подсобное хозяйство продолжало занимать важное место в обеспечении колхозной семьи продуктами питания. Спасением двора являлась корова, падеж скота считался трагедией, гибель коровы-комилицы вела к голоду, росту смертности сельского населения, особенно среди детей до

1 года. В целом на территории Европейского Севера России в течение 1942–1944 гг. смертность была выше рождаемости, отсутствовал положительный естественный прирост.

Показатели рождаемости падали не только из-за сложного военного времени и экономического положения, но и из-за прекращения супружеских отношений, падения уровня брачности в условиях сложившейся в ходе мобилизации диспропорции полов. В военный период в колхозах Европейского Севера России женщин трудоспособного возраста было в 3 раза больше, чем мужчин.

В конце войны ситуация меняется. Начинается демобилизация из рядов Красной армии, мужчины пополняют численность сельского населения, но не могут восполнить довоенный уровень, так как многие из них полегли на полях сражений. Тем не менее, демографы выделяют т.н. «компенсаторный» период в демографических процессах деревни, который охватил 1945–1946 гг. и был связан с увеличением числа браков и рождений на селе.

Измученная войной деревня с большой радостью встречала победу, в сердцах людей появилась надежда на изменение положения, однако государство, в условиях необходимости восстановления разрушенного хозяйства, ставку сделало на город и промышленность, для деревни сохранялись обязательства военного времени. Обескровленная, она не могла дальше тащить на себе это бремя, и 1946–1947 гг. были отмечены засухой и голодом, которые вновь повысили показатели смертности, сократили положительные последствия компенсаторного периода.

Возвращение мужчин с войны на вторые позиции отодвинуло женщин, многие из них вынуждены были уйти с руководящих постов. Однако полученный опыт в годы войны способствовал активному вовлечению женщин в общественное производство, изменению их отношения к роли матери, а как следствие, сокращению детности.

В целом, демографическое эхо войны сказалось не на одном последующем поколении, преодоление ее последствий растянулось на десятилетия.

Литература

1. История Коми с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. А. Н. Турубанов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 704 с.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). – Ф. 2522. – Оп. 3. – Д. 195. – Л. 113.
3. Абрамов, Ф. А. Братья и сестры: роман: в 4 кн. Кн. 1, 2 / Ф. А. Абрамов. – Москва: Советская Россия, 1987. – 544 с.
4. Защита Отечества: история и современность: материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2001. – 164 с.
5. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг.: сб. документов и материалов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1982. – 238 с.
6. Деревенская частушка XX века / сост. С. Б. Адоньева. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 534 с.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI ВЕКА: СЛУЧАЙ «ДЕЛА О ВЫМУЧЕННОЙ КУПЧЕЙ»

Кирпичников Иван Алексеевич

магистрант исторического факультета

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

ivkirs@mail.ru

Аннотация. На материалах «дела о вымученной купчей» показана необходимость обращения к теме неформальных связей в Московском государстве. Источник позволяет пролить свет на мир интенсивной «локальной политики», большое значение в котором имели родственные и дружеские связи, а также поставить вопрос о роли этих отношений.

Ключевые слова. XVI век, Московское государство, Рязанский уезд, судебный акт, дворянство, патрон-клиентские отношения, локальная история, политическая элита.

PERSONAL TIES IN THE 16TH CENTURY MUSCOVY: «THE CASE OF THE EXTORTED DEED»

Kirpichnikov Ivan Alexeyevich

master's student, Moscow State University, Faculty of History

Moscow, Russia

ivkirs@mail.ru

Abstract. Based on «the case of the extorted deed», the author demonstrates the importance of study on the informal relationships in Muscovy.

Keywords. XVIth century, Muscovy, Ryazan land, judicial act, local nobility, patron-client relationships, local history, political elite.

Возможно, первым, кто описал «механику» управления Московским государством в категориях патрон-клиентских отношений, был обстоятельный Д. Флетчер. Парадоксально, но «неформальная» сторона ведения дел в Московии, вызывавшая значительный интерес у современников-иностранцев, долгое время не становилась предметом систематического осмысления. Несмотря на возросшее в последние десятилетия внимание историографии к этой проблематике, пока сложно говорить о получении сколь-нибудь общей картины [2]. Исследования значительно осложнены ограниченностью источниковой базы по допетровскому периоду, которая лишь в редких случаях позволяет уловить наличие, а тем более – проанализировать содержание та-

ких отношений. Однако возможности источников в выявлении неформальных сетей далеко не исчерпаны: это наглядно показывают новейшие исследования по истории верхнего слоя правящей элиты, констатирующие «клановый» характер придворной борьбы [3]. В целом, как полагает В. Кивельсон, «московская» реальность может быть успешно вписана в контекст раннемодеิร์น государственности, в рамках которой персональные связи оставались системной чертой несмотря на растущую деперсонализацию управления [4, р. 175-180].

Если важность изучения неформальных связей для понимания придворной политики больше не вызывает сомнений у исследователей, то в разработке таких отношений на локальном уровне сделаны только первые шаги. Каким они могли служить целям, какие формы принимали и в каких категориях описывались? Таковы вопросы, которые определяют проблематику настоящего исследования.

Дальнейший анализ основывается на материалах «дела о вымученной купчей» – «правой грамоте» 1584 г., привлекавшей внимание исследователей в связи с обстановкой конца правления Ивана IV. Общеполитический контекст и событийная сторона масштабного (охватившего 176 свидетелей) судебного процесса могут считаться в целом установленными [5; 6] – но, как отмечено в историографии, источник ценен возможностью выявить связи, характерные для провинциальных служилых по отчеству [8, р. 139].

Фабула «дела» в самом общем виде предстаёт как комбинация, осуществлённая влиятельным московским дьяком А. Шерефединовым с целью «вымучивания» родовой вотчины малозначительных рязанских детей боярских Шиловских. Результатом предпринятых усилий стало изготовление подложной «купчей» на вотчину, сопровождавшееся множеством нарушений. Для достижения своей цели дьяк воспользовался несколькими средствами. Так, в аргументации истца большую роль играет тема «злоупотребления служебным положением»: чтобы доставить Т. Шиловского в Москву, Шерефединов прибег к процедуре преследования нетчиков, относящейся к ведению Разрядного приказа [9, л. 1111, 1130 об.]. Вместо тюремного заключения, резонно замечает истец, его водили «на подворье» к дьяку [9, л. 1115 об.]. Однако, как представляется, ещё более важным фактором «успеха» Шерефединова было наличие обширной сети местных связей, через которую можно было обеспечить махинации. Сам дьяк не участвовал в «деле» на месте: в Рязани действовали его «люди» [9, л. 1111 об.], управление вотчиной затем осуществлялось приказчиками [9, л. 1116]; родственниками Шерефединов располагал только в Коломне; наконец, на суде дьяк настаивал, что он – «житель здешней» (т.е. московский) [9, л. 1118–1118 об.].

Ключевая роль принадлежала зятю дьяка, рязанцу Р. Биркину, на имя которого была оформлена покупка вотчины. Он выступает в качестве союзника Шерефединова, его «люди» действуют наряду с посылными дьяка [9,

л. 1111 об.]. В «ссылочной памяти» Т. Шиловский приводит перечень «лиц» (в т.ч. находящихся «в закладе» монастырей), на которых не может сослаться в своих показаниях: список «Петров Биркина на Резани роду и племени его заговору» [9, л. 1118]. Некоторые из перечисляемых выступают не просто как свидетели, но в качестве активных участников «дела»: М. Петров продал Биркину свою часть с. Шилова, И. Язвцов был «послухом» в купчей, а А. Ляпунов не только подписал её «в место» Т. Шиловского, но и ранее был «послан» Шерefeldиновым «отписывать» вотчину. Помимо очевидно «рязанских» корней «рода и племени» Биркина, невозможно упускать (как это делает А. Клеймола) «дворовый» контекст очерченного в «ссылочной памяти» круга лиц. Как и «любимец» Ивана IV Биркин, упоминаемые в «памяти» Дмитриевы и Петровы относятся к числу рязанских дворян, возвысившихся благодаря существованию «особого Двора» [8, с. 159, 165, 172].

Помимо рязанских детей боярских, к участию в подлоге были привлечены писец Г. Шилов и «желудёвский поп» И. Гаврилов (якобы «духовный отец» Шиловских) – зависимые от ответчиков лица. Оба, как показывает истец, «своровали», причём первый укрылся у Биркина [9, л. 1120]. Налицо, таким образом, способность имевшего сильную позицию в Москве рязанского сына боярского «мобилизовать» множество лиц из «своего» уезда для обеспечения махинаций сидящего в столице свойственника.

«Союзная» Биркину группировка хотя и более представительна, но менее обширна, чем набор свидетелей, на которых могли сослаться Шиловские. Их «ссылочная память» включает детей боярских «все твои государевы села и волости... около себя верст по пятидесят и по сту» [9, л. 1117] и демонстрирует как активность распространения информации внутри местного сообщества, так и выдающуюся осведомлённость о связях оппонентов (в т.ч. за рязанскими пределами) [9, л. 1118 об.]. Указание на такие связи позволяло истцам, в частности, констатировать ангажированность лиц, подписавших купчую. Один из подписавших, родственник Биркина, отводил такое обвинение утверждением, что «племя» Шиловских ему ближе. Переплетаясь с обозначениями родства («род и племя»), весьма важную роль здесь играет также понятие о «дружбе». А. Ляпунов и Д. Можаров подписали купчую вместо истцов и объясняли отсутствие «крепости» на это весьма примечательным образом: «Т. и Г. Шиловские нам други, и отцы их отцам нашим други, потому и не крепили». Сами Шиловские, напротив, говорили об их «дружбе» с Биркиным [9, л. 1121–1122 об.]. Выходя на первый план, эта категория как указывает на «ангажированность» оппонентов, так и служит для обозначения долговременных связей.

Исследователями отмечено, что «московские» источники хранят молчание о важнейшем аспекте неформальных структур, известном по западноевропейскому опыту – об их роли в качестве «канала влияния» центра на регионы [4, р. 160]. Если рассматривать Биркина в качестве «посредника» в

махинациях московского управленца в провинции (показательно, что в качестве такого «управленца» при этом выступает худородный дьяк, а не выходец из знати), можно только поддержать вывод об отсутствии «политического значения» этих отношений [2, с. 330, 334]. Рассмотренное дело позволяет разглядеть преломлённые судебной практикой персональные связи, структурирующие «социальное поле» служилого человека вт. п. XVI в. Оно проливает некоторый свет на интенсивную «локальную политику», конституирующими элементами и языком которой являлись родство и «дружба». Изучение этой сферы, простирающейся далеко за рамки сухих служебных биографий дворян и детей боярских Московского государства, – одна из важнейших задач исследователей.

Литература

1. Fletcher, G. Of the Russe Common Wealth: Or Maner of Governement by the Russe Emperour / G. Fletcher. – Charde, 1591.
2. Krom, M. Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext / M. Krom // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 57. – 2009. – Н. 3. – S. 322-345.
3. Седов, П. В. Закат Московского царства / П. В. Седов. – Санкт-Петербург, 2006.
4. Kivelson, V. Autocracy in the Provinces / V. Kivelson. – Stanford, 1996.
5. Dewey, H. W. Historical Drama in Muscovite Justice: The Case of the Extorted Deed / H. W. Dewey // *Canadian Slavonic Papers*. – 1957. – Vol. 2. – P. 38-46.
6. Мазуров, А. Б. Взлёты и падения государственного деятеля последней трети XVI – начала XVII века: государев дьяк Андрей Шереметев / А. Б. Мазуров // *Смутное время и земские ополчения в начале XVII века*. – Рязань, 2011. – С. 128-142.
7. Kleimola, A. M. Holding On in the «Stamped-Over District» – the Survival of a Political Elite: Riazan' Landholders in the Sixteenth Century / A. M. Kleimola // *Russian History*. – 1992. – Vol. 19, № 1. – P. 129-142.
8. Мордовина, С. П. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича / С. П. Мордовина, А. И. Станиславский // *АЕ за 1976 год*. – Москва, 1977. – С. 153-193.
9. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. – Москва, 2008. – Т. IV. – С. 365-382.

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО
НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ВОЛОГДЫ И Г. ЧЕРЕПОВЦА)**

Копылов Фёдор Вячеславович
преподаватель истории и обществознания, аспирант
Череповецкий технологический колледж
Череповец, Россия
finden.bk@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе дневников и воспоминаний рассматривается, как складывались взаимоотношения между эвакуированным населением и местными жителями во время Великой Отечественной войны. Автор выявляет формы взаимоотношений, показывает некоторые психологические проблемы, с которыми столкнулось немногочисленное эвакуированное население во время проживания в прифронтовых городах.

Ключевые слова. Эвакуация, Великая Отечественная война, прифронтовые города, взаимоотношения, психология.

**RELATIONS WITH LOCAL RESIDENTS AND PSYCHOLOGICAL
STATUS OF THE EVACUATED POPULATION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ACCORDING
TO THE DOCUMENTS OF VOLOGDA AND CHEREPOVETS)**

Kopylov Fedor Vyacheslavovich
teacher of history and social science, postgraduate student
The Cherepovets College of technology
Cherepovets, Russia
finden.bk@yandex.ru

Abstract. In the article on the basis of diaries and memoirs, the relationship between the evacuated population and local residents during the Great Patriotic War was considered. The author reveals the forms of relationships, shows some psychological problems that a small evacuated population encountered while living in front-line cities.

Keywords. Evacuation, Great Patriotic War, front-line cities, mutual relations, psychology.

Во время Великой Отечественной войны мирные жители, оказавшиеся по стечению обстоятельств на фронтовой территории, подлежали немедленной эвакуации в безопасные восточные районы СССР. Процесс перемеше-

ния населения и материальных ресурсов был организован государством в первые месяцы войны и осуществлялся в сложных условиях. Через крупные города Вологодской области проходил маршрут эвакуации из соседних областей, в том числе – из Ленинградской области. В основном людей перевозили по железной дороге. В Вологде и Череповце оставалась малая часть населения, большинство, получив необходимую помощь, продолжало свой путь на Урал и в Сибирь. Единицы из эвакуированных жителей оставались в Вологодской области. Этим людям была необходима поддержка, они пытались установить контакты с властями и населением. В данной статье показано, как складывалось общение между местными и приезжими людьми, каким было психологическое состояние эвакуированных жителей.

Многие учёные занимались этой темой в региональных исследованиях. Особый вклад в её изучение внесли исследователи Урала, которые анализировали социальное положение эвакуированного населения в тылу. Они подчёркивали сложность взаимоотношений приезжих людей с местными жителями, приводили факты бытовых [1, с. 106–107; 2, с. 19] и межнациональных [1, с. 99, 100, 105, 106; 3, с. 94] конфликтов. Среди жителей Вологодской области преобладали представители одной нации, и эвакуировались преимущественно русские, поэтому серьёзных этнических конфликтов не было. В то же время в повседневной жизни люди нередко ссорились по разным причинам. Достаточно неприятной и распространённой приметой этого тяжёлого времени было воровство. Жительница Ленинграда с возмущением пишет в дневнике о вологжанях: «Население воровливое, недоброжелательное к “засранцам”, сиречь ленинградцам, но все, кто имеет отношение к эвакуопункту, живут за счёт эвакуированных ленинградцев – едят сами, воруют государственное – вещи берут, деньги, хлеб вымогают под предлогом всяческих услуг (принести воды, дров, затопить печь – ленинградцы либо не умеют, либо не в состоянии двигаться)» [4, с. 128]. Продуктов не хватало, и люди вынуждены были пользоваться любой ситуацией, в том числе воровать – такие факты есть и в других свидетельствах. В одном из госпиталей Вологды две медсестры крали у больных ценные вещи, каждая из них была наказана одним годом тюремного заключения и кражи прекратились [5, с. 51]. Некоторые работники столовых и других учреждений общепита разными способами воровали продукты, к которым имели ежедневный доступ. Современник событий, чьи строки мы привели, сам пишет в дневнике, что «всюду приходилось почти красть» [4, с. 128]. Не стоит полагать, что все отношения между людьми в это время являлись конфликтными. Несмотря на тяжёлую жизнь и недостаток самых необходимых вещей, люди думали не только о себе, были отзывчивы и добры, относились с пониманием к тем, кто оказался в худшей ситуации. Многие жители Вологды и Череповца, нисколько не задумываясь, с радостью принимали совершенно неизвестных им людей, оказавшихся без крова, в своё жильё. При этом нужно учитывать, что принимающая сторона тоже жила небогато. К примеру, череповчанка Степанида Голубева, у кото-

рой было четверо своих детей, приняла в свою квартиру женщину с двумя детьми [6, с. 2]. Это не единственный пример. Многие люди легко находили общий язык и жили вместе во время войны, помогая друг другу. Судьба некоторых эвакуированных жителей в военное время складывалась непросто. Елена Скрыбина была эвакуирована из Ленинграда в Череповец вместе со своей семьёй в зимний период 1942 года. Другие члены семьи были больны, и их поместили в больницу. Елене отказали в прописке из-за большого числа приезжих в Череповце [7, с. 150]. Пока мать и няня лечились, Елена выживала в городе и пыталась добиться права остаться на законных основаниях. Через несколько дней мать умерла, а няня выписалась. Елена пытается уехать в тыл, но не может – все вагоны переполнены. Эвакуированный житель, остающийся в городе, мог получать пищу только в первые четыре дня. Елена за это время, не имея прописки, могла просто умереть от голода, если бы ей с нарушением закона не выдавали талоны на еду [7, с. 155]. Кроме того, она в полной мере ощутила, что некоторые люди имеют гораздо больше прав: «Умоляли начальника по беженским делам устроить нас, но он отказал, заявив, что это транспорт особого назначения. Потом стороной я узнала, что транспорт был предназначен для работников НКВД и ушёл только наполовину заполненным» [7, с. 153]. В таких условиях психологическое состояние людей являлось нестабильным. Эвакуированные люди были безразличны к тому, что в нормальных условиях жизни вызывало закономерный интерес, думали только о своих проблемах [4, с. 130; 7, с. 152]. Однако это происходило не всегда – Елена Скрыбина вспоминала о сыне, который был эвакуирован в другой населённый пункт [7, с. 151]. Население переживало о своей судьбе, ведь впереди была неизвестность – это вызывало страх. Представители интеллигенции болезненно реагировали на плохое отношение, испытывали одиночество, оказавшись в незнакомом, непривычном месте. Этих людей серьёзно деморализовали бытовые проблемы, отсутствие элементарных вещей, к которым они привыкли [7, с. 151]. С неизбежностью перед человеком вставал вопрос о будущем. Некоторые люди, жившие в Вологодской области, расположенной вблизи фронта, желали уехать вглубь страны. Тот факт, что они спаслись от гибели или плена, не успокаивал. В первую очередь дневниковые записи оставлены представителями интеллигенции – их не устраивали города Вологодской области из-за бытовых проблем и психологического дискомфорта. Не зная, что происходит в тылу, эвакуированные люди предполагали, что там условия проживания комфортнее, и мечтали уехать при первой возможности [4, 7]. Татьяна Старостина, живя в областной столице, просила у городских властей разрешения на отъезд, хотя и сомневалась, что в тылу её жизнь будет действительно лучше [4, с. 129]. В итоге зимой 1942 года группа врачей и научных работников, среди которых была и Татьяна, получили право на выезд из Вологды [4, с. 130–131]. После двух месяцев не самой приятной жизни в этом городе Старостина перед отъездом сделала в дневнике следующую запись: «7 марта. День

отъезда с Лыностроя и день погрузки. Этот день помнится как никакой другой. Иные дни жизни на Лынострое слились в единый поток ощущений и всё...» [4, с. 131]. В разные периоды войны население, эвакуированное в разные местности СССР, думало о своей малой Родине. У людей, оказавшихся в Вологде и Череповце в 1941–1942 годах, не было никакого желания вернуться в родные места, где происходили боевые действия – они, наоборот, хотели уехать как можно дальше в тыл. Некоторые из них с тоской и тревогой вспоминали о родственниках, с которыми пришлось расстаться. Люди, пережившие войну в уральском тылу, после её окончания хотели вернуться на малую Родину, где родились и выросли [3, с. 95]. Новое место проживания для многих было непривычным, чужим, некомфортным.

Проведённый анализ материала позволяет сделать следующие выводы. Эвакуированное и местное население в двух крупных городах Вологодской области в годы Великой Отечественной войны, несомненно, взаимодействовали между собой. Отношения между людьми складывались по-разному в зависимости от ситуации. Иногда возникали конфликты из-за материальных благ, но в то же время многие местные жители были добры и обеспечивали эвакуированных людей жильём. Психологическое состояние некоторых приезжих граждан было дискомфортным, что обусловлено проблемами материального характера и отсутствием уверенности в завтрашнем дне. Некоторые участники эвакуации не желали оставаться в Вологодской области и отправлялись в тыл, надеясь на лучшие условия жизни.

Литература

1. Исхакова, Г. Р. Социальная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкортостана): дис. ... канд. ист. наук // Г. Р. Исхакова. – Уфа, 2002.
2. Киселёв, Ф. А. Государственная политика по отношению к эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кировской области и Удмуртской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ф. А. Киселёв. – Киров, 2004.
3. Потёмкина, М. Н. Эваконаселение в уральском тылу: опыт выживания / М. Н. Потёмкина // Отечественная история. – 2005. – № 2.
4. Старостина, Т. Послелогодный транзит. Дневник / Т. Старостина // Север. – 2005. – № 5-6.
5. Акинъхов, Г. А. Эвакуация: хроника / Г. А. Акинъхов. – Вологда, 1992.
6. Коммунист: газета. – 1985. – 8 мая (№ 89).
7. Скрыбина, Е. Страницы жизни / Е. Скрыбина. – Москва, 1994.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЯРОСЛАВСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Шустрова Ирина Юрьевна

*доцент кафедры рекламы и связей с общественностью,
кандидат исторических наук, доцент*

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Ярославль, Россия
ishustr@mail.ru*

Аннотация. В статье на примере Ярославской епархии рассматриваются отдельные аспекты повседневной жизни провинциального приходского духовенства в первой половине XIX века. Исследование реалий жизни провинциального приходского духовенства до настоящего времени не получило широкого распространения. Между тем описи имущества, как один из основных источников церковного происхождения, имеют высокий информационный потенциал и позволяют составить представление о предметном окружении и имущественном положении провинциальных священноцерковнослужителей.

Ключевые слова. Источник, православное приходское духовенство, повседневность, материальное обеспечение, Ярославская губерния.

DAILY OCCURRENCES OF YAROSLAVL CLERGY IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

Shustrova Irina Yur'evna

*Candidate of Science in History, Associate Professor
Yaroslavl State Demidov-University
Yaroslavl, Russia
ishustr@mail.ru*

Abstract. The article presents some aspects of provincial parish clergy's daily life on the materials of Yaroslavl eparchy in the first half of the XIXth century. Analysis of the realities of provincial clergyman life from past to present has not received wide distribution. Meanwhile, the inventories of the property, as one of the main sources that has an ecclesiastical origin, shows a high information potential and allow a researcher to get an idea about subject environment and property situation of the provincial clergyman.

Keywords. The historical source, the Orthodox parish clergy, daily life, Yaroslavl province, Russia.

Необходимость изучения повседневности различных сословий Российской империи в настоящее время не вызывает сомнений. Фонды духовных ведомств Ярославской епархии содержат, среди прочего, описи имущества.

в которых имеются сведения о занятиях, предметном окружении и имущественном положении духовенства. В зависимости от обстоятельности составленных описи мы обнаруживаем разной полноты информацию, касающуюся жилища, одежды, предметов домашнего обихода, всего того, что позволяет более четко представить повседневность православного духовенства.

Особенности бытового уклада сельского и городского приходского духовенства характеризуют различные дела. Можно упомянуть объяснение 1845 г., данное в Любимском духовном правлении священником села Милкова Максима Ефимиева, который отмечал: «По сельскому быту, имея большое скотоводство и обширное хлебопашество работников и работниц, держу для спомоществования в работе, первых по летам, а последних весь год» [1, л. 6]. О земледельческих занятиях представителей сельского клира свидетельствуют «Описи имения». После смерти в 1827 г. дьячка Степана Павлова из села Збруево Угличского уезда «из посеянного хлеба» показаны: «ржи одна четверть, пшеницы две четверти, жита два четверика, овса четверть с половиной, льну два четверика» [2, л. 6 об.].

Обратимся к характеристике жилища и хозяйственных построек. Умершему в 1828 г. священнику с. Владычня Пошехонской округи Андрею Дмитриеву принадлежал «Дом деревянный, крыт тесом, длиною девять, а попережнему семь сажень с аршином, состоящий из 3-х комнат с десятью окнами, в низу же под одною комнатою зимняя изба с тремя окнами и тремя окончиками с значущимися при ней особыми сенями, верхняя комната, забранная от двора тесом сзади под тою же тесовою крышею горница пятистенная с четырьмя окнами и окончиками, к коей приделан и двор со стороны у оной горница тесовое крыльцо, а в сенях между находящеюся налицо избою и заднею горницею срубленной в лапу чулан кладовой с дверями, а во всем доме две печи складены из кирпича и три в них чугунные дымника» [3, л. 6]. Недвижимое имущество дьячка Ивана Михайлова из села Петровское Рыбинской округи в 1838 г. состояло из «дома шестистенного, с мезанином, с особенною зимнею избою, с двором и прочей служебной пристройкой: малым амбаром и житницей, погребом и овином» [4, л. 8].

Пономарь Даниил Михайлов, который жил в с. Ильинское-Хованское и умер в 1838 г. владел «домом деревянным, вычиненным с тремя окнами... с одной печью». Дом «с малыми сенями с небольшой над воротами горницей с чуланом и небольшой горницей сзади» был крыт тесом, имел «окна стеклянные, двери тесовые на петлях железных». Двор, пристроенный к дому, был крыт соломой и имел двое тесовых ворот «двуполотновых... на железных петлях с деревянными запорами и железными скобами». К небольшому деревянному крытому соломой сараю была пристроена мякинница с двуполотновыми тесовыми воротами на железных петлях со скобами и внутренним замком. Отдельно упоминаются хлебный амбар и овин, крытые соломой [5, л. 4-4 об.].

В аналогичных описаниях упоминаются сарай «для убирки скотского корму», амбары, житницы, овины, бани, погреба (в том числе «погреб с ко-

нюшною»), мякинницы, сенники [6, с. 36]. В «Описях имущества» сельского духовенства упоминается домашний скот, рабочие инструменты [7, с. 49]. В описях находим немало интересной информации о мебели, «домашнем скарбе» (посуде, например), о круге чтения в семьях духовенства.

Многие описи имущества содержат подробный перечень не только предметов костюма, которые было положено носить духовенству «по чину», но и светского платья. В перечнях имущества находим упоминания верхней одежды, которая была, скорее всего, самой ценной частью имущества. Среди прочих встречаются описи имущества умерших жен священноцерковнослужителей. Источники предоставляют возможность судить о наборе тканей для изготовления женского костюма: платье гранитуровое, платье александриноное, платье ситцевое, ферези гранитуровые (сарафаны) и пр. В значительной части дел встречаем упоминания об украшениях, которые были, в первую очередь, непременной частью праздничной одежды. Свидетельства о бытовании тех или иных предметов одежды важны и потому, что в ряде случаев повторная опись вещей, составлявшаяся, когда дети умершего достигли совершеннолетия, содержит замечания о передаче части имущества в качестве приданого дочерям. Анализируя документы первой и второй половины прошлого столетия, можно провести сравнение наиболее часто упоминавшихся вещей, что позволит говорить о бытовании тех или иных предметов одежды.

Документы дают определенное представление и о материальном положении представителей клира. Так, после смерти дьячка села Троицкого Любимской округи Артемия Иванова в 1825 г., по показанию жены умершего, оказалось «неуплаченного долгу на нем около сорока рублей» [8, л. 3]. Умерший в 1826 г. дьячок села Сменцева Мышкинской округи Иван Петров «состоял должным» крестьянам разных деревень Сменцевского прихода и ряда селений Рыбинского уезда 107 руб. [9, л. 6 об.].

Описи имущества содержат разнообразные данные по истории повседневности духовенства Ярославской епархии в XIX в. Комплексное использование источников позволяет ярче представить «труды и дни» священноцерковнослужителей, что делает особенно значимыми документы, отражающие события, происходящие на «микроуровне». Привлечение максимально широкого круга источников для разносторонней характеристики событий и истории повседневности конкретных населенных пунктов региона открывает новые возможности для исследователей.

Литература

1. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). – Ф. 230. – Оп. 6. – Д. 25.
2. ГАЯО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 10493.
3. ГАЯО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 10780.
4. ГАЯО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 13907.
5. ГАЯО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 13908.

6. Шустрова, И. Ю. Традиционная культура русских Верхнего Поволжья в XIX – начале XX века: текст лекций / И. Ю. Шустрова. – Ярославль: ЯрГУ, 2006.
7. Белова, Н. В. Провинциальное духовенство в конце XVIII – начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии: дис. ... канд. ист. наук. / Н. В. Белова. – Ярославль, 2008. – 266 с.
8. ГАЯО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 9848.
9. ГАЯО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 1044.

УДК 94(44).05

ПОВСЕДНЕВНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖСКОГО И ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКОЙ ИМПЕРИИ (1804–1812 гг.)

Щукина Ульяна Олеговна

студент 3 курса исторического факультета

Вологодский государственный университет

Вологда, Россия

ulyana.11.10@yandex.ru

Аннотация. Статья знакомит с повседневной и культурной жизнью парижского и провинциального дворянства наполеоновской Империи (1804–1812 гг.). Показано влияние Наполеона I и его двора на социальные аспекты жизни французского дворянства, проанализирована реакция последнего и его психологическая адаптация к изменениям в повседневной и культурной жизни эпохи Империи.

Ключевые слова. Культурный облик, Наполеон Бонапарт, парижское дворянство, повседневная жизнь, провинциальное дворянство.

EVERYDAY AND CULTURAL LIFE OF THE PARISIAN AND THE PROVINCIAL NOBILITY DURING THE NAPOLEONIAN EMPIRE (1804–1812)

Shchukina Ulyana Olegovna

Student, 3d course, Faculty of History

Vologda State University

Vologda, Russia

ulyana.11.10@yandex.ru

Abstract. The study introduces the everyday and the cultural life of the Parisian and the provincial nobility of the Napoleonic Empire (1804–1812). The influence of the nobles of the Imperial Court on the social aspects of the life of French nobility, the reaction and the psychological adaptation to the changes in the everyday and the cultural life of this period are analysed too.

Keywords. The cultural character, the daily life, Napoleon Bonaparte, the Parisian nobility, the provincial nobility.

История повседневной жизни французского дворянства наполеоновской империи позволяет осветить и реконструировать образ жизни людей на данном историческом этапе. Повседневность именно французского дворянства привлекает особое внимание в силу его огромного влияния на культурные, языковые, образовательные традиции, на придворный и сословный этикет аристократических кругов европейских стран, в том числе на российское дворянство.

В отечественной и зарубежной историографии существует множество работ о наполеоновской эпохе. Но, к сожалению, вопросы культурной и повседневной жизни французского дворянства, его ментальности традиционно оставались на втором плане, хотя изучение исторической психологии «позволяет расширить границы исторического мышления и обогатить содержание исторического знания» [1, с. 92]. Объектом изучения в статье выступает французское дворянство Парижа и провинций. Нашими задачами являются: изучение культурного облика этой части общества и попытка определения ее реакции и степени психологической адаптации к изменившимся во время Империи порядкам. Заметки о культурной жизни Парижа и провинций оставили в своих мемуарах герцогиня д'Абрантес и графиня де Ремюза, секретарь Наполеона I К.-Ф. де Меневаль, камердинер Л.-К. Вери и многие другие. Их изучение, кроме всего прочего, позволяет определить степень преемственности политики Империи с эпохой революции. Это тем более важно, учитывая, что вопрос о дате завершения французской революции до сих пор остается дискуссионным [2, с. 209].

Стремление Наполеона I к роскоши и величию проявилось, в числе прочего, в благоустройстве Парижа. Планы по грандиозному преобразованию столицы были реализованы к 1808 г. Завершилось строительство театра дворца Тюильри, создание дворца искусств, нового здания для императорской библиотеки, реставрация Сорбонны, центра Парижского университета [3, с. 243–245]. Новые сооружения вызвали восхищение всех видевших их, что свидетельствует о реализации стремления Наполеона внешне сделать Париж еще более величественным, самым роскошным городом в мире. Парижские дворяне в это время глубже проникались искусством, ставшим более доступным для них. Дворяне были частыми зрителями на спектаклях в Тюильри, которые посвящались, прежде всего, императору, его жизни и военным подвигам [4, с. 239].

Культурная жизнь провинциального дворянства коррелировалась с парижскими и придворными образцами, но была гораздо беднее их. Обратимся к примеру северных городов: Булони и Амьена, о которых упоминали в своих мемуарах де Меневаль и Констан. В Булони, где Наполеоном I был создан военный лагерь, дворяне, занимавшие высокие государственные посты и служившие в наполеоновской армии, находили пребывание скучным. Практика салонов, балов, званых вечеров не вошла в повседневную жизнь:

дамы не осмеливались устраивать приемы в своих домах, опасаясь вызвать отрицательные реакции своих мужей. По словам Констана, ревность была присуща большинству мужчин Пикардии [3, с. 176]. В то же время дворяне Амьена устраивали званые вечера с программой, содержание которой могло варьироваться в зависимости от целей встречи. Длительные беседы, карточные игры, игры в фанты, танцы – все это занимало гостей и оставляло положительные впечатления о вечерах и у провинциального дворянства, и у гостей города [3, с. 176–177].

Обращаясь к вопросу об отношении дворянства к императору и его двору, выделим несколько тенденций. Парижское дворянство, несмотря на близость к Тюильри, Сен-Клу, не проявляло интереса к жизни двора, в то время как приближенные к императору дворяне невольно втягивались в многочисленные придворные интриги [4, с. 88]. В то же время важно отметить, насколько парижское общество восхищалось Наполеоном I. Ярким примером служит реакция на изменение жизни императорской семьи, влекущей, по мнению многих, изменение и судьбы Франции. В период Империи наблюдалось некоторое в своем роде единение французов, вызванное рождением сына Наполеона I. Это известие было встречено всеобщим ликованием дворянства, уверенного, что рождение мальчика означало появление новой династии, с которой ассоциировалось будущее Франции [3, с. 319–320].

Важную для нас информацию о настроениях провинциального дворянства оставили в своих мемуарах графиня де Ремюза и герцогиня д'Абрантес, побывавшие в ряде городов и провинций империи. Их поразили радушное гостеприимство, великодушный характер, доброта и остроумие жителей Бордо [5, т. 7, с. 234] и Савойи [5, т. 14, с. 251–252]. Тем не менее, в целом, в провинциях культурная жизнь отличалась однообразием. Дворянское общество в них продолжало отдавать главенствующую роль семье, носившей патриархальный характер. Ситуация несколько менялась с приездом на места столичных дворян: она становилась более интересной и разнообразной, провинциальные дворяне старались воссоздать те элементы культурной и повседневной жизни, которые утвердились среди дворян императорского двора и Парижа, и тем самым произвести впечатление на прибывших. Провинциальные дворяне в тяжелых экономических условиях не показывали своего недовольства, покорно и трепетно служили Наполеону I, ожидая от него внимания к своим департаментам и округам. Император прекрасно это понимал, стремился идти им навстречу и считал, что все нововведения во Франции долговечны и прочно укрепятся в будущем [6, с. 277]. Такая позиция Наполеона I встречала одобрение в провинциях.

Единение аристократических кругов прослеживалось и во время национальных торжеств и важных для императорской семьи событий. Оно поддерживалось длительной чередой военных побед французского оружия. По-

ражения Наполеона I, начало которым было положено под Бородино, изменить позицию значительной части дворянства, но это – тема другой статьи.

Литература

1. Киселева, О. А. О содержании и целях преподавания истории в педагогических вузах / О. А. Киселева // Реформа системы высшего образования в сфере гуманитарных и социальных наук: проблемы и перспективы – США и Россия: материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 15-17 марта 2006 г. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 91-94.

2. Киселева, О. А. Сравнительно-историческое изучение социальных революций раннего Нового времени (XVII – XVIII вв.) / О. А. Киселева // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XIII международной научно-практической конференции 21–22 декабря 2012 г.: в 2 т. Т. 1. – Москва, 2012. – С. 207-211.

3. Наполеон: Годы величия, 1800–1814: в воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Константа / [пер.: Л. Н. Зайцев]. – Москва: Захаров, 2001. – 476 с.

4. Ремюза, К. де. Мемуары г-жи де Ремюза (1802–1808 гг.): в 3 т. Т. 3 / К. де Ремюза. – Москва: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1912–1915. – 306 с.

5. Абрантес, Л. де. Записки герцогини Абрантес или исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве и восстановлении Бурбонов: в 17 т. / Л. д'Абрантес. – Москва: Типография Августа Семена. 1835–1839. – Т. 7. – 363 с.; Т. 14. – 333 с.

6. Тарле, Е. В. Наполеон / Е. В. Тарле. – Москва: Пресса, 1992. – 640 с.

**КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И КОММЕМОРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ
СОБЫТИЙ И ЛИЧНОСТЕЙ**

УДК 930.2

**ПАМЯТЬ О ЦАРСКОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ
«НОВОГО АРИФМЕТИЧЕСКОГО ЗАДАЧНИКА»**

Голованова Дарья Владимировна
аспирант кафедры истории и философии
Череповецкий государственный университет
Череповец, Россия
golovanova.daria.v@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема сохранения исторической памяти в СССР на примере текста учебной книги по арифметике. Текст задач рассматривается как источник информации о дореволюционной России. Автор приходит к выводу о неспособности советской власти полностью отказаться от воспоминаний о происходившем в царской России.

Ключевые слова. Историческая память, Россия, XX век, арифметический задачник, образование.

**MEMORY OF TSAR RUSSIA ON THE PAGES OF
«A NEW ARITHMETIC TASK»**

Golovanova Darya Vladimirovna
Post-graduate student of the Department of History and Philosophy
Cherepovets State University
Cherepovets, Russia
golovanova.daria.v@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the problem of preserving historical memory in the USSR using the text of a textbook on arithmetic. The text of problems is considered as a source of information on pre-revolutionary Russia. The author comes to a conclusion that the Soviet government was unable to abandon the memories about the events in tsarist Russia.

Keywords. Historical memory, Russia, The twentieth century, Arithmetic problem, education.

«Мы наш, мы новый мир построим» – гласят строки «Интернационала», который исполнял роль первого гимна молодого Советского государства.

Эти слова во многом определяли и внутреннюю политику СССР. Лидеры партии большевиков стремились отказаться от прежней дореволюционной жизни, стереть из памяти людей старые порядки. Однако не всегда эта задача была выполнима.

Один из лозунгов времен СССР гласит: «Молодёжь! Настойчиво овладевай знаниями!» Советская система образования формировалась в первую очередь как орудие идеологического воспитания подрастающего поколения, поэтому многие достижения дореволюционной школы были отвергнуты советской педагогикой. А.И. Кулябина и О.А. Скупач в книге «Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи» показывают, что арифметика советскими людьми характеризовалась как буржуазная наука: «В утопическом мире арифметика не нужна. Здесь каждый всё получает по потребностям – “сколько угодно”. Зачем же считать?» [1, с. 164].

Но, несмотря на стремление советской власти радикально изменить подходы к воспитанию подрастающего поколения, а для этого создать новые учебники, она не могла в одночасье отказаться от наследия и опыта дореволюционных педагогов. Учебники и задачники по арифметике, созданные в царской России, активно использовались в первые годы существования СССР. К их числу относятся задачники А.П. Киселева (использовался дольше остальных), А.И. Гольденберга, К.П. Арженикова, Ф. Борисова и В. Сатарова. Все они были переработаны, и общий колорит дореволюционной эпохи, который прослеживался в прежних текстах, был утрачен.

Несколько иную картину представляет «Новый арифметический задачник», который был издан в 1922 г. в Самаре. Тексты задач в этой книге составлены по образцу дореволюционных задачников, но в основе их сюжета лежит новая советская действительность. Вместе с тем, среди заданий присутствуют тексты, дающие возможность сравнить царскую Россию и Советское государство. Остановимся подробнее на этом учебном пособии.

В двух частях задачника обнаружено 16 задач, которые содержат данные о дореволюционной России. Среди повторяющихся сюжетов можно выделить задачи о системе образования и просвещении населения (5 задач), о профсоюзах в царской России (2 задачи), об импорте товаров (2 задачи). Также были затронуты вопросы сельского хозяйства (количество земли на душу населения и площади посевов разных культур), иммиграция из Российской империи, количество электрических трамваев, расход бумаги в стране, цены на продукты и количество хлеба и сахара, потребляемых одним человеком. Список тем довольно ограничен, но все-таки представляет разные сферы жизни общества.

Задачи описывают положение дел в Российской империи начала XX века. Согласно их данным, в армии Российской империи около 40% рядовых были неграмотными [2, с. 3]. Неспособность системы образования охватить все население отражена в задачах о количестве школ и учеников в Самарском уезде. Согласно первой, в Самарском уезде в 1913 году было 75 школ, а к 1920 г. их

число выросло до 150 [2, с. 9]. Вторая задача сообщает, что в этот же период в Самарском уезде число учеников выросло с 3140 человек до 10000 человек [2, с. 15]. Соотнеся данные обеих задач, можно увидеть, что в дореволюционный период в одной школе обучалось в среднем всего 42 человека.

Продолжением темы просветительской работы является задача о народных домах, которые играли роль домов культуры в дореволюционной России: «До октябрьской революции в Самарском уезде было три народных дома» [2, с. 3]. С одной стороны, государство заботилось о просвещении населения, с другой – таких мер было явно недостаточно, чтобы массово привлекать население к культуре и искусству.

Не было достаточно развито в царской России и профсоюзное движение: «До октябрьской революции в России было 7 профессиональных союзов» [2, с. 3]. «В 1917 г. число членов профсоюзов в России – 160718 чел...» [2, с. 15]. Такие сведения сообщают тексты задач. По данным ЦСК МВД, в России в 1913 году проживало 174 009 600 человек [3, с. 16], из которых приблизительно 10% были заняты в промышленном и ремесленном производстве (18 238 900 человек) [3, с. 223]. Соответственно в 1917 г. менее 1% российских рабочих и ремесленников состояли в профессиональных союзах, согласно задачнику.

Российский дореволюционный экспорт представлен в задачнике только двумя товарами: лесом и спиртом. На основе задачи о вывозе леса можно проследить торговые связи царской России, основным торговым партнером которой оказалась Великобритания, а главным направлением экспорта леса была Европа [2, с. 9]. Направление вывоза спирта не называется в тексте задачи. Сообщается только, что из 50 млн ведер спирта, производимого ежегодно в 1910–1913 гг., 4,8 млн ведер экспортировалось за границу [2, с. 15].

Если сравнить общее количество сюжетных задач в рассматриваемой учебной книге (353) с количеством задач, сравнивающих царскую и советскую Россию (16), то можно прийти к выводу о ничтожно малой доле последних в содержании задачника. Но тот факт, что сведения о дореволюционной России использованы при составлении текстов школьных заданий, указывает на их значимость в восприятии авторов. Конечно, нельзя утверждать, что подобные данные включались в содержание книги ради сохранения памяти о дореволюционной России. Более вероятно, что задачи, составленные на основе приведенных выше фактов, имели целью показать улучшение положения в стране с приходом к власти партии большевиков. Почти в каждом задании для сравнения даются данные на начало 1920-х гг., которые показывают прогрессивное развитие в описываемой сфере жизни. Негативное развитие представлено только в задаче о ценах на продукты: «В 1914 году продовольственные продукты имели следующую цену: хлеб 3 коп. ф., масло 50 коп. ф., картофель 30 коп. пуд. В сентябре 1921 года цены таковы: хлеб 3 ½ тысячи фунт, масло сливочное 14 тысяч ф., картофель 1 тысяча фунт. Во сколько раз вздорожали продукты?» [2, с. 18]. Согласно этим дан-

ным, можно говорить о колоссальной инфляции в России в послевоенные¹ постреволюционные годы.

Таким образом, хотя советская власть и ставила перед собой задачу построить новое государство и общество, стараясь отказаться от наследия царской России и воспитывая поколение революционеров, она не могла обойтись без опыта прошлого. Этот факт нашел свое отражение в текстах арифметических задач, которые были написаны с целью исправить ошибки дореволюционных авторов, задания которых воспринимались как оторванные от жизни и непонятные детям. Создавая новые, жизненные задачи, советские математики не смогли обойтись без исторических сведений о дореволюционной России и сохранили для будущих поколений данные, которые хотя бы отрывочно представляли картину жизни в Российской империи начала XX века.

Литература

1. Кулябин, А. И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А. И. Кулябин, О. А. Скупач. — Москва: Языки славянской культуры, 2013. — 240 с.
2. Новый арифметический задачник. — Самара, 1922.
3. Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. — Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995.

УДК 908

БЫВШИЙ ПОЧЁТНЫЙ

Голодяев Константин Артёмович
методист, музей города Новосибирска
Новосибирск, Россия
golod62@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы введения в Ново-Николаевске (Новосибирске) института Почётного гражданства, его трансформации в историческом процессе вплоть до настоящего времени. Отдельное внимание уделено присвоению этого звания первому почетному гражданину Ново-Николаевска барону В.Б. Фредериксу и лишению его в марте 1917 года.

Ключевые слова. Февральская революция, Ново-Николаевск, В.Б. Фредерикс, почетное гражданство.

FORMER HONOR

Golodyaev Konstantin A.
Methodist, Novosibirsk City Museum
Novosibirsk, Russia
golod62@mail.ru

Abstract. The introduction of the Institute of Honorary Citizenship in Novo-Nikolaevsk (Novosibirsk) and its transformation in the historical process up to the present time is considered in the work. Special attention is paid to awarding this

title to the first citizen of honour of Novo-Nikolayevsk, Baron V.B. Fredericks and his deprivation in March 1917.

Keywords. The February revolution, Novo-Nikolaevsk, V. B. Fredericks, the freedom of a city (Honorable citizenship).

Начало марта 1917-го. Ново-Николаевск узнал о государственном перевороте (так написано в газетах) в столице и смене власти. Город восторженно приветствовал перемены. Были избраны Комитет общественного порядка и Совет депутатов трудящихся. Лозунги «Да здравствует учредительное собрание!» и «Да здравствует демократическая республика!» на несколько недель заняли заглавное положение на первых страницах газет. Одной из первых отечес- твенных государя приветствовала православная церковь. Прошли митинги, состоялся парад войскового гарнизона. Ликвидирована городская жандармерия.

В то же время, 6 марта, прошло чрезвычайное совещание городской думы, которая постановила: «первого почётного гражданина Н.-Николаевска гр. Фредерикса лишить этого звания» [1].

Настоящие мотивы такого решения Ново-Николаевской городской думы нам неизвестны. Протоколов заседания её в архиве не сохранилось, а в прессе тех лет объяснения тоже дано не было – просто: «лишить». Вопрос «за что?» остаётся открытым. Налицо две версии. Первая – Фредерикс попадает в немилость на общей волне декларируемой ненависти к монарху как лицу, близкое к императору, а это было пятном на лице свободного демократического города. Это логично.

Вторая версия, также высказываемая некоторыми историками, – обратная. Хотя Ново-Николаевская дума вечером 2 марта и послала Председателю Государственной думы М.В. Родзянко телеграмму, в которой «единогласно восторженно и горячо приветствовала новое правительство», а население города призвала «сохранять в это ответственное для всех время полное спокойствие, тишину и порядок» [2], но по сути своей и основному составу она являлась промышленно-буржуазной [3] и недавно ещё была верна императору. Даже несмотря на народную эйфорию, сомнительно, что собрание «лучших людей» города могло так быстро принять рискованные для бизнеса перемены и кардинально сменить своё многолетнее мнение на противоположное. Ведь со штыком у бока никто не стоял. Поэтому через четыре дня скрытое возмущение гласных городской думы отыгралось на министре двора Е.И.В. за то, что тот своей подписью скрепил отречение Николая II от престола, т.е. фактически согласился с его отставкой.

Надо заметить, что к этому времени Фредериксу было уже 78 лет, он страдал потерей памяти, и хотя император всецело доверял ему, верно служившему ещё деду его, но влияние на волю Николая II больной старик оказать уже был не в силах, а скрепление царского манифеста, как ни крути, было его прямой служебной обязанностью.

Министр императорского двора, генерал-адъютант, барон (впоследствии граф) Владимир Борисович Фредерикс стал первым почетным гражда-

нином Ново-Николаевска в 1908 г. – «ввиду его заслуг городу в деле выкупа земель у Кабинета Его Величества». Борьба за городскую землю шла давно, практически с самого начала формирования города. Нет земли – нет развития. Подробно вопрос городских земель разобран в работах Д.С. Дегтярева и Н.А. Мининой. Нас же больше интересует роль в становлении города его первого почетного гражданина – В.Б. Фредерикса.

Вопрос преобразования населенного пункта в посад поднимался на сходе ещё в декабре 1895 г. Через год жители поселка в специальной телеграмме государю-императору (№ 99 от 20 января 1897), жалуясь на «уничтожение» выбранного старосты и притеснение властей, просят: «уступите землю в арендное содержание по 40 коп. с десятины или (в) вечность и учредите общество (в) поселке Ново-Николаевском посадское или городское».

Кабинетская земля, на которой обосновался поселок, как и большинство земель Алтайского горного округа, ещё со времён Елизаветы Петровны была в собственности царствующих особ и управлялась специальным учреждением – Кабинетом его императорского величества. Впервые царская земля была передана в пользование посёлку императорским Указом от 2 марта 1896 г. Под строительство храма Александра Невского посёлку было выделено 2 400 кв. сажен (почти 11 000 кв. метров) земли [4]. В том же 1896 г. император безвозмездно, из опять же кабинетских земель, передал посёлку довольно большой и хороший участок земли под организацию первого городского кладбища [5].

«По-крупному» в первый раз земельный вопрос решился в 1903 г. После успешной «депутации трёх» поселковых избранных (Н.П. Литвинова, И.М. Луканина и А.И. Горлова) в Петербург 13 февраля император издал высочайшее повеление о преобразовании посёлка Ново-Николаевского. Комитет министров начал проработку дела и значимую роль в этом уже тогда сыграл министр императорского двора, генерал-адъютант барон В.Б. Фредерикс. В 1903 г. он направил сообщение министру внутренних дел: «...в пользу прочного и довольно быстрого роста поселка в торгово-промышленном отношении говорят данные... О неуклонном и притом быстром росте поселка свидетельствует и безостановочное крайне сильное возвышение арендных цен за землю в доход Кабинета. Первоначальная арендная плата в 1 руб. за участок в 250 и более кв. сажен, в течение 8 лет (1894–1902 гг.), возросла в несколько десятков раз... Кабинет пришел к следующим главным выводам: 1) что по состоянию поселка представляется вполне своевременным преобразование его в город, 2) что проектированным Округом предоставлением площади земель будущему городу на точном основании Высочайшего соизволения 13 февраля сего года вполне обеспечивается его правильное существование... Я имею честь сообщить об изложенном с приложением плана проектируемых городу к отводу земель, на благоусмотрение Вашего Высочайшего превосходительства и, в случае Вашего согласия, покорнейше прошу Вас дать в установленном законом порядке дальнейшее направление вопросу о

преобразовании Ново-Николаевского поселка в город и о последующем меня уведомить с возвращением прилагаемого плана по минованию в нем надобности» [6].

Благодаря заключению Фредерикса и последующего соизволения Николая II от 28 декабря 1903 г. (10 января 1904 г.) посёлок возводится в статус города, получает в полную собственность и безвозмездно 4881 десятина 2260 кв. саженей (53 кв. км) земель «общего пользования» (площади, улицы, загородный скотский выгон), и ещё 582 десятины 1282 кв. саженей (6,3 кв. км) передаются под селитьбу горожан за отдельный выкуп ими [7; д. 5, л. 2, 3].

Получилась такая чересполосица – кабинетские земли, частные, городские, снова кабинетские и т.д. Да, ещё отчуждения железной дороги. Детали землеотвода решались долго и противоречиво. Кабинет всячески затягивал передачу земли. Не всё сложилось по указу, да и на исполнение его ушло 2,5 года. Городскому старосте Ивану Тимофеевичу Сурикову в начале лета 1905 года пришлось даже писать об этом императору: «...таким образом, воля Вашего Императорского Величества была – отдать усадьбную землю посёлку или будущему городу в собственность на выкуп... С тех пор прошло более года, а комиссии никакой не образовалось и действий никаких она не проявляла» [7, д. 5, лл. 157, 158]. Наконец, в июне 1906 г. Николай II лично подписал план Ново-Николаевска с выгонными землями: «Быть по сему».

В 1907 г. решение вопроса по землеустройству Ново-Николаевска было завершено. Точку в нём вновь поставил доклад от 18 февраля 1907 года министра императорского двора барона Владимира Борисовича Фредерикса. Через два дня император подписал Указ Правительствующему Сенату: «Снисходя к ходатайству уполномоченных города Ново-Николаевска, Томской губернии, признали МЫ за благо предоставить названному городу на выкуп в собственность усадьбные и выгонные земли на указанных НАМИ Министру ИМПЕРАТОРСКОГО Двора основаниях». И опять же: «Контрасигнировал Министр ИМПЕРАТОРСКОГО Двора Генерал Адъютант Барон Фредерикс 18 Февраля 1907 года Царское село» [8]. Ещё через два дня Кабинет доводит до городского управления решение об отводе земли, подписанное Фредериксом и условия её выкупа [7, д. 1, л. 71–76; 9]. «Предположения Министра ИМПЕРАТОРСКОГО Двора ВЫСОЧАЙШЕ повелено исполнить».

А 6 декабря 1907 г. на ул. Обской, 4 (там, где сейчас на набережной находится филиал музея Новосибирска) был подписан акт, по которому земли Алтайского округа ведомства Кабинета его величества были переданы городу Ново-Николаевску «в собственность на выкуп». 3355 десятины 692 кв. саженей [7, д. 20, л. 1, 2; 10]. Стоимость земли, на которой стоял город, определялась в 600 тыс. рублей. Довольно большая сумма, одновременно отягощавшая город, но и развязавшая ему руки для полноценного развития. Платеж предусматривал рассрочку на 20 лет под 4% годовых [7, д. 1, л. 74–76; д. 20, л. 1, 2; 5].

Деяния В.Б. Фредерикса были высоко оценены городским самоуправлением. В 1908 году ему было присвоено звание первого почетного гражда-

нина Ново-Николаевска. Следующими были томский губернатор Николай Львович Гондатти (1910 г. – за многочисленные заслуги в деле оказания помощи городу при пожаре 1909 г.) и городской голова Владимир Ипполитович Жернаков (1914 г. – за эффективное управление городом, проект Алтайской железной дороги). Его портрет даже было решено поместить в зале городской думы.

Революция 1917 г. прервала традицию почетного гражданства, и в советское время она была восстановлена лишь в 1967 г. по инициативе председателя городского исполкома Ивана Павловича Севастьянова. В мае 1996 г. городской совет депутатов изменил название звания с «Почетный гражданин города Новосибирска» на «Почетный житель города» и решил присваивать его один раз в два года [11, л. 69]. Причины этой замены совершенно неясны и в протоколе заседания сессии горсовета не приводятся. Просто приняли «единогласно» [11, лл. 5, 6].

За 117 лет истории Новосибирска звание почетного гражданина (жителя) города получили 36 человек. В этом ряду политики, военные, ученые, спортсмены, деятели культуры, священнослужители. Последним или крайним стал нынешний губернатор В.Ф. Городецкий. Звание ему присвоено в 2014 г. за «большой вклад в социально-экономическое развитие Новосибирска».

Нынешний мэр не торопится с присвоением, но регламент обязывает, и ожидается, что в текущем году почётный список пополнится – уже даже намечены кандидатуры. Правда, в марте этого года нынешний Совет депутатов принял решение присваивать звание «Почетный житель города» посмертно [12]. Решение не столько спорное, сколько очень противоречивое. Житель посмертно?! Другое дело – гражданин.

Быть может, городскому Совету депутатов стоит вернуть первоначальное название этого статуса, а заодно и исправить эмоциональный порыв предшественников, утвердив справедливость и восстановив министра императорского двора В.Б. Фредерикса в звании почетного гражданина города?

Литература

1. Чрезвычайное заседание городской думы // Свободная Сибирь. – 1917. – 8 марта (№ 52). – С. 3.
2. Историческое собрание гор. думы // Свободная Сибирь. – 1917. – 4 марта (№ 49). – С. 2.
3. Управление Новониколаевском в дореволюционный период [Электронный ресурс] // Новосибирская городская муниципальная избирательная комиссия. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.novo-sibirsk.ru/vystavki/2009/1.php> (дата обращения: 24.03.2017).
4. Свет негасимый (православная церковь в Новосибирске) // История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. I. – Новосибирск. 2005.
5. Косякова Екатерина. Жизнь после смерти [Электронный ресурс] // Сибнет.ру. – Режим доступа: <http://info.sibnet.ru/article/69102/> (дата обращения: 05.03.2017).
6. Центральный государственный исторический архив, ф. 1287, оп. 38, д. 3561. л. 33-44 об. Цит. по: Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова, Л. Н. Цеplяев. – Новосибирск, 1978. – С. 260, 261.

7. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. д-97. – Оп. 1.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 19. – Д. 1926. – Л. 8.
9. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 23. – Д. 32. – Лл. 23-26.
10. Государственный архив Алтайского края. – Ф. 4. – П. 1. – Д. 2319. – Л. 2.
11. Новосибирский городской архив (НГА). – Ф. 745. – Оп. 1. – Д. 247. – Лл. 5,6.
12. Ющенко, Е. «Почетного жителя Новосибирска» горсовет решил давать и посмертно [Электронный ресурс] / Е. Ющенко // Новосибирские новости. – Режим доступа: <http://nsknews.info/news/166490> (дата обращения: 29.03.2017).

УДК 94 (367)

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БОЛГАР О СВОЕМ СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРОШЛОМ В XVI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ БОЛГАРСКОЙ КНИЖНОСТИ)

Добычина Анастасия Сергеевна

научный сотрудник, кандидат исторических наук

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

andobychina@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются особенности исторической памяти болгар о своем средневековом прошлом в XVI в. по материалам наиболее репрезентативных памятников болгарской книжности этого периода. Проведенный анализ показывает, что в условиях османского владычества историческая память болгар была тесно сопряжена с православной славянской традицией и актуализацией историко-апокрифических произведений.

Ключевые слова. Историческая память, болгарская книжность XVI в., Кирилло-Мефодиевская традиция, Болгарская апокрифическая летопись, Яков Крайков.

THE FEATURES OF BULGARIAN HISTORICAL MEMORY ABOUT MEDIEVAL PAST IN THE 16TH CENTURY (ACCORDING TO THE BULGARIAN LITERATURE)

Dobychina Anastasia Sergeevna

research fellow, Candidate of Historical Sciences

The Institute of Slavic Studies

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

andobychina@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the features of Bulgarian historical memory about medieval past in the 16th century according to the most representative

works of Bulgarian literature of this epoch. The analysis shows that in terms of Ottoman rule Bulgarian historical memory was closely connected with Slavic Orthodox tradition and actualization of historical and apocalyptic literature.

Keywords. Historical memory, Bulgarian literature of the 16th century, SS. Cyril and Methodius tradition, Bulgarian apocryphal chronicle, Jakov Krajkov.

Проблема исторической памяти как одного из компонентов коллективной памяти, соотношения между памятью и историей получила широкое освещение в научной литературе. Усилиями ученых разных специальностей было выработано общее понимание феномена исторической памяти, которая рассматривается как «совокупность относительно устойчиво сохраняемых на протяжении двух или более поколений знаний и представлений о коллективном прошлом определенного социума» [1, с. 3]. В последние десятилетия феномен исторической памяти и особенно ее социальные функции активно изучаются в русле болгарской медиевистики [2] [3] и отечественной исторической болгаристики [4, с. 137–145] [5, с. 252–261]. Это связано, прежде всего, с особенностями исторического развития болгарских земель, длительное время входивших как в состав Византийской, так и Османской империй. Именно историческая память о своем прошлом как во времена византийского, так и османского владычества позволила населению болгарских земель сохранить идентичность и дважды возродить собственную независимую государственность.

Согласно наблюдениям Г.Г. Литаврина и И.Ф. Макаровой, после включения болгарских земель в состав Османской империи характерной особенностью болгарского самосознания стало противопоставление себя мусульманскому миру, поэтому главным этносохраняющим фактором была вероисповедная принадлежность, а агнографическая литература XV–XVI вв. выполняла историко-информативные функции [6, с. 208–209, 210–211].

Османское завоевание вынудило представителей Тырновской книжной школы и их учеников бежать в западные и юго-западные болгарские земли, где они тесно взаимодействовали с сербской литературно-книжной традицией, что наиболее ярко проявилось уже со второй четверти XV в. в творчестве таких выдающихся книжников, как Константин Костенецкий [7, с. 30–70], Владислав Грамматик [8] и др. В связи с повышенным вниманием болгарских книжников к проблемам языка и сохранению письменной православной славянской традиции тема появления славянской письменности и освещение обстоятельств миссии равноапостольных солунских братьев Константина-Кирилла Философа и Мефодия приобретают особую актуальность. На XVI в. приходится окончательное закрепление распространившейся еще в середине XV в. идеи тесной связи св. Константина-Кирилла с болгарскими землями, болгарам и болгарским языком [9, с. 129–136].

Так, согласно Дриновскому списку Синодика царя Борила XVI в., св. Кирилл переложил «Божественное писание от греческого языка на бол-

гарский» и просветил «болгарский род» [10, с. 150]. В «Тиквешском» сборнике, датированном второй половиной XV–XVI вв., фигурирует т.н. «Солунская легенда» XII в., в которой приводится апокрифическая версия истории создания славянской азбуки св. Кириллом, который во время осады Фессалоники болгарской армией во главе с «князем Десимиром Моравским, Радивоем, князем Преславским и всеми болгарскими князьями» попадает в плен и в «городе Равен на реке Брегалнице» создает «32 (или 35) буквы» [11, с. 283]. Примечательно, что, согласно «Солунской легенде», миссия св. Кирилла продиктована Божьей волей, когда тот слышит из алтаря пророческий голос, призывающий его «идти в обширную землю к славянским народам, называемым болгарями», чтобы крестить их и «дать им закон» [11, с. 282]. Помимо идей о «болгарском» характере миссии равноапостольного Кирилла, «Солунская легенда» содержит в себе много фольклорных мотивов: болгары-«человекоядцы», их язык «устрашает» [11, с. 282] и т.д. Согласно М. Каймакамовой, фольклорные и пророческие мотивы, а также сам контекст «Тиквешского» сборника, содержащего в себе иные апокрифические произведения, позволяют отнести «Солунскую легенду» к средневековым болгарским историко-апокалиптическим сочинениям [12, с. 291].

Очевидно, что такие сочинения были особенно востребованы в переломную для болгарской истории османскую эпоху, о чем свидетельствует появление в составе т.н. Кичевского сборника, датированного концом XVI – началом XVII в., списка Болгарской апокрифической летописи, создание которой исследователи относят к периоду византийского владычества в болгарских землях [13, с. 485–516]. Перечень представленных в нем болгарских династий и правителей отражает представления болгар о своем прошлом, которые они могли почерпнуть либо из народнохристианских сочинений подобного рода, либо из помянников типа Синодика царя Борила [10]. Примечательно, что и в «Болгарской апокрифической летописи», и в Синодике, среди наиболее значимых для истории средневековой Болгарии правителей фигурируют такие, как Борис I (852–889) и Петр I (927–969). Так, в Синодике Борис I – это «первый царь болгарский... иже болгарский род к богоразумию святым крещением приведший» [10, с. 149], а в Болгарской апокрифической летописи он выступает как полуполюгендарный персонаж, который «был благочестив и благоверен», «крестил болгарскую землю... И царствовал шестнадцать лет, не имея ни греха, ни жены» [14, с. 196]. Царь Петр фигурирует в Синодике как «царь святой» [10, с. 149], а в Болгарской апокрифической летописи его правление представлено как «золотой век»: «В дни и годы святого Петра царя болгарского было изобилие всего сиречь пшеницы и масла, меда, молока и вина, и все дарами Божиими грелось и кипело, и не было оскудения ни в чем, но были сытость и изобилие во всем, пока изволил Господь» [14, с. 196]. Именно из апокрифических сказаний черпает сведения о царе Петре составитель сборника «Различных потреб» 1572 г., первый болгарский издатель, работавший в Венеции, Яков Крайков, поместивший в

своем сборнике приписку о Петре, «царе болгарском, иже беше тому на-
стоини град велики Преслав и умереть в велики Рим» [15, с. 33].

Таким образом, на основании наиболее репрезентативных памятников
болгарской книжности XVI в. можно констатировать, что в условиях пребы-
вания в составе Османской империи историческая память болгар была тесно
сопряжена с Кирило-Методиевской традицией и ее «болгаризацией», что
служило этносохраняющим фактором. В Синодиках сохраняется память о
благочестивых и святых болгарских правителях, на рубеже XVI–XVII вв.
актуализируются апокрифические произведения периода византийского
владычества, служившие своего рода аллюзией на реалии XVI в.

Литература

1. Мельникова, Е. А. Предисловие / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. – Москва, 2003.
2. Вачкова, В. Белите полета в българската културна памет / В. Вачкова. – София, 2010.
3. Каймакамова, М. Власт и история в средновековна България (VII–XIV век) / М. Каймакамова. – София, 2011.
4. Поливянный, Д. И. Царь Петр в исторической памяти болгарского средневековья / Д. И. Поливянный // Средновековният българин и «другите»: сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин П. Ангелов. – София, 2013.
5. Поливянный, Д. И. К изучению средневекового болгарского историописания / Д. И. Поливянный // Българско средновековие: общество, власт, история: сборник в чест на проф. д-р М. Каймакамова. – София, 2013.
6. Литаврин, Г. Г. Этническое самосознание болгар в конце XIV – начале XVI в. / Г. Г. Литаврин, И. Ф. Макарова // Этническое самосознание славян в XV столетии. – Москва, 1995.
7. Лукин, П. Е. Письмена и православие: историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого / П. Е. Лукин. – Москва, 2001.
8. Данчев, Г. Владислав Граматик. Книжовник и писател / Г. Данчев. – София, 1969.
9. Чешмеджиев, Д. Към въпроса за състоянието на Кирило-Методиевата идея през XV в. / Д. Чешмеджиев // Българският петнадесети век. – София, 1995.
10. Божилов, И. Борилов Синодик. Издание и превод / И. Божилов, А. Тотоманова, И. Билярски. – София, 2010.
11. Иванов, Й. Български старини из Македония. Фототипно издание / Й. Иванов. – София, 1970.
12. Каймакамова, М. Солунската легенда като извор за идейните настроения на българите в края на XII век / М. Каймакамова // Изследвания в памет на проф. доктор Г. Бакалов (1943–2012). – София, 2017.
13. Турилов, А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян / А. А. Турилов. – Москва, 2012.
14. Тъčkова-Займова, В. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България / В. Тъčkова-Займова, А. Милтенова. – София, 1996.
15. Цибранска-Костова, М. Етюди върху Кирилската палеотипия (XV–XVIII век) / М. Цибранска-Костова. – София, 2007.

О СКУЛЬПТУРНОЙ ГОЛОВЕ ЦАРИЦЫ АНТИЧНОЙ КОММАГЕНЫ ИЗ АРСАМЕИ НА РЕКЕ НИМФЕЙ

Обухов Сергей Владимирович

младший научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

kornelitta@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена голове мраморной скульптуры молодой женщины из раскопок в Арсамее на реке Нимфей, где находился центр царского и династического культов властителей античной Коммагены (I в. до н.э.). Автор полагает, что мраморная голова является идеализированным скульптурным портретом царицы Лаодики, матери Антиоха I Коммагенского (69–34 гг. до н.э.). Кроме того, автор, основываясь на ряде аналогий, считает, что Лаодика отождествлялась с богиней Коммагеной-Луной. Это свидетельствует о зарождении культа династии в античной Коммагене.

Ключевые слова. Эллинизм, Коммагена, портрет, Лаодика, Богиня, Луна.

ABOUT SCULPTURAL HEAD OF QUEEN OF ANTIQUE COMMAGENA FROM ARSAMEIA ON THE NYMPHAIOS.

Obuhov Sergey Vladimirovich

junior scientist

Moscow state University

Moscow, Russia

kornelitta@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the head of marble sculpture of young woman from excavations in Arsameia on the Nymphaios, where the centre of royal and dynastical cults of rulers of antique Commagena was (I B.C.). The author supposes, that marble head is idealized sculptural portrait of queen Laodica, a mother of Antiochus I (69-34 B.C.). Besides, the author, based on a series of analogies, thinks, that Laodica was identified with goddess Commagena-Moon. It testifies about genesis of dynastical cult in antique Commagena.

Keywords. Hellenism, Commagena, portrait, Laodica, Goddess, Moon.

В ходе раскопок 1953–1956 гг. американо-германской экспедицией в Арсамее на реке Нимфей (приток Евфрата), одном из центров царского и династического культов властителей античной Коммагены, государства, располагающегося на границе юго-восточной Анатолии и Северной Сирии

(II в. до н.э. I в. н.э.) была обнаружена мраморная голова высотой 35 см, принадлежащая скульптуре молодой женщины, с правильными, тонко и мягко моделированными чертами чуть пухлого лица и с слегка приоткрытым ртом. Волосы завязаны сзади в пучок и четко разделены прямым пробором на лбу; на нем же мы видим повязанную широкую ленту, концы которой спускаются до плеч. Теменная часть мраморной головы несколько сплюснута, а в центре образовавшейся площадки сделано небольшое отверстие круглой формы (рис.). По мнению Ф.К. Дернера и Т. Гозлл, это отверстие служило для крепления головного убора, может быть, короны, тиары или калафа [1, S. 209–210, Taf. 53–54; 2, S. 56, Abb. 79; 3, P. 85, Pl. 9b].

Голова статуи выполнена в строгой эллинской манере и восходит, с одной стороны, к пергамской школе скульпторов, поскольку в трактовке портрета чувствуется определенный элемент экспрессии и пафоса, характерный для этого направления в статуарном искусстве [4, с. 35–36]. С другой стороны, ее стилистические особенности могут быть навеяны традицией школы греческого скульптора эпохи поздней классики Праксителя (IV в. до н.э.). Творчество Праксителя насыщено духом сладкого отдыха, ленивой истомы. Округлые формы отличаются тонким переходом и тончайшей моделировкой поверхности [5, с. 199–210; 6, с. 194–201]. Перечисленные черты заметны и в оформлении головы молодой женщины из Арсамен-на-Нимфее. Весьма близкой аналогией коммагенскому памятнику является мраморная голова богини Гигиэи (III в. до н.э.), происходящая из раскопок Пантикапея и исполненная, вероятно, учениками Праксителя, работавшими в Александрии Египетской [7, с. 10, табл. XIV. 2]. С головой статуи из Арсамен-на-Нимфее имеет определенное сходство и архаистическая (точнее, неоклассическая) мраморная голова статуи Афродиты из того же Пантикапея I в. н.э. В ней также чувствуется влияние искусства эпохи классики [7, с. 11, табл. XVII].

Кого же изображает голова скульптуры из коммагенского святилища? Очень может быть, что это – царица, на что косвенно указывает головная повязка, являющаяся, по-видимому, диадемой-знаком власти, использующимся в официальной иконографии владыками эллинистических государств, начиная с эпохи Александра Великого [8]. К примеру, с диадемами изображались Береника II, жена царя Египта Птолемея III (247–222 гг. до н.э.), Филиста, жена тирана и царя Сиракуз Гиерона II (275–216 гг. до н.э.) [9, S. 60–61, 66–67], царица Понта Лаодика (II в. до н.э.) [10, 109, 136, Taf. XLII. 854], Клеопатра VII Египетская (51–30 гг. до н.э.), властительница Мавретании и жена царя Юбы II Клеопатра Селена [11, 151–152].

Можно отметить, что наибольшее сходство в трактовке диадемы наблюдается между памятником из Коммагены и портретом Клеопатры Селены на монетах, так как диадема последней также представлена в виде длинной широкой ленты, повязанной на лбу и спускающейся до плеч. Как верно замечает Ф.К. Дернер, широкие диадемы вообще характерны для официальной иконографии царей позднего эллинизма [1, S. 216], что проявляется, в

частности, в скульптурных портретах той же Клеопатры VII Египетской из музея Ватикана [11, с. 152] и Адобогियोны, дочери Дейотара, тетрарха Галатии в Малой Азии [11, с. 34].

Весьма трудно связать скульптурный портрет из Арсамей-на-Нимфее с какой-либо исторической личностью, однако, как справедливо полагают Ф.К. Дернер и Т. Гоэлл, эта голова принадлежит статуе царицы Лаодики, матери Антиоха I Коммагенского, правившего в 69–34 гг. до н.э. Из эпиграфических источников известно, что она была дочерью селевкидского царя Антиоха VIII Грипа и Клеопатры VI Трифании (OGIS.I. 383–398). В подтверждение своего предположения исследователи ссылаются на факт возведения Митридатом I Каллиником, мужем Лаодики и отцом Антиоха I, мавзолея для собственного захоронения и посмертного обожествления. Не исключено, что Лаодика вошла, как царская супруга, в число лиц, почитаемых вместе с ее супругом [1, S. 210]. Однако ничто не мешает думать, что бюст коммагенской царицы был исполнен уже в период правления ее сына Антиоха I, поэтому, может быть, еще более верно говорить о почитании Лаодики в качестве царского предка в Арсамее-на-Нимфее.

Есть и альтернативное мнение, касающееся интерпретации мраморной головы из Арсамей-на-Нимфее. Так, Г. Вальдманн полагал, что она принадлежит статуе богини Коммагены, которая на так называемом «львином гороскопе» из Нимруд-Дага символически представлена в образе лунного серпа [12, S. 152]. К этому же мнению осторожно склоняется и М.А.Р. Колледж [2, P. 85]. Во многом эта гипотеза кажется нам заманчивой, поскольку иконографически голова из Арсамей-на-Нимфее весьма схожа с портретом царицы Клеопатры Селены, отождествленной с Луной [13, с. 182–183], на монетах [11, с. 152] и на гемме из Эрмитажа, на которой властительница Нумидии и Мавретании изображена в фас с лунным серпом за спиной [14, с. 42–43, рис. 17]. Кроме того, весьма вероятно, что к теменной части скульптурной головы из Арсамей мог крепиться калаф, аналогичный калафу статуй и фигурам на барельефах богини Коммагены из святилища на горе Нимруд-Даг [15, S. 258–259, 319–320, Taf. XXXI; 16, Pl. 75]. В то же время наличие диадемы у головы скульптуры из Арсамей исключает однозначное решение проблемы, поэтому можно думать, что перед нами идеализированный портрет царицы Лаодики с чертами богини Луны (Селены)-Коммагены (?). Отождествив себя с Коммагеной-Селеной, Лаодика предстала перед своими подданными в образе бессмертной богини плодородия и материального процветания. Было бы весьма заманчиво связать подобное представление с тем, что в надписях времени Антиоха I она имеет титул «богини» (OGIS.I. 383–398). Правда, не совсем ясно, была ли обожествлена Лаодика при жизни по примеру властительниц из царского дома Селевкидов [17, P. 432] или получила этот статус после своей кончины уже в рамках культа династии, как было сказано ранее.

В любом случае, памятник официального искусства из Арсамен-на-Нимфее может указывать на определенные зачатки царского и династического культов в эпоху, предшествующую времени правления Антиоха I, при котором культ живого властителя и династии достигли наибольшего процветания.

Рис. (взято из 2. Wagner J. Neue Funde zum Götter und Königskult unter Antiochos I von Kommagene // Antike Welt, Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte, Sondernummer 6, 1975. Abb. 79.)

Литература

1. Dörner, F. K. Arsameia am Nymphaios. Die Ausgrabungen im Hierotheseion des Mithradates Kallinikos von 1953-1956 / F. K. Dörner, Th. Goell. – Berlin, 1963.
2. Wagner, J. Neue Funde zum Götter und Königskult unter Antiochos I von Kommagene / J. Wagner // Antike Welt. Kommagene. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte. – 1975. – Sondernummer 6. – S. 51-59, Abb. 75-86.
3. Colledge, M. A. R. The Parthian Art / M. A. R. Colledge. – London, 1977.
4. Вальдгауэр, О. Ф. Античная скульптура / О. Ф. Вальдгауэр. – Петроград, 1923.
5. Вошинина, А. И. Античное искусство / А. И. Вошинина. – Москва, 1962.
6. Блаватский, В. Д. Античная скульптура / В. Д. Блаватский. – Москва, 2008.
7. Кобылина, М. М. Античная скульптура Северного Причерноморья / М. М. Кобылина. – Москва, 1972.
8. Ritter, H. W. Diadem und Königsherrschaft. Untersuchungen zu zeremonien und Rechts grundlager des Herrschertitritts bei der Persern bei Alexander dem Grosser und in Hellenismus / H. W. Ritter. – München und Berlin, 1965.
9. Lange, K. Herrscher Köpfe des Altertums im Münzbild ihrer Zeit / K. Lange. – Berlin-Zürich, 1938.
10. Regling, K. Die Antike Münze als Kunstwerk / K. Regling. – Berlin, 1924.
11. Хафнер, Г. Выдающиеся портреты античности / Г. Хафнер. – Москва, 1984.
12. Waldmann, H. Die Kommagenischen Kultreformen unter König Mithradates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I / H. Waldmann. – Leiden, 1973.
13. Кравчук, А. Закавказье / А. Кравчук. – Москва, 1973.
14. Неверов, О. Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог / О. Я. Неверов. – Ленинград, 1988.
15. Humann, K. und Puchstein O. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien / K. Humann. – Berlin, 1890.
16. Ghirshman, R. M. The Parthians and Sasanidas / R. M. Ghirshman. – London, 1962.
17. Schwentzel, Ch. G. Reines commagénien. La place des basilissai dans le hiérothésia et Iotapè Philadelphie / Ch. G. Schwentzel // Res Antiquae. – 2010. – No. 7. – P. 429-440.

**КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ
ДЛЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ**

Солодянкина Ольга Юрьевна
профессор, доктор исторических наук, доцент
Череповецкий государственный университет
Череповец, Россия
olga_solodiantkin@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются те представления, которые могут сформироваться и формируются в результате обучения английскому языку у китайских студентов, обучающихся в Шанхайском технологическом институте, когда в процессе обучения используется пособие «Выдающиеся деятели западной культуры: какие имена достойны упоминания в Китае».

Ключевые слова. Стереотипные представления, межкультурная коммуникация, Восток-Запад.

**CULTURAL TRANSFER WITH THE CHINESE SPECIFICS:
REPRESENTATION OF FIGURES OF THE WESTERN HISTORY
AND CULTURE IN THE MANUAL FOR THE CHINESE STUDENTS**

Solodyankina Olga Yurievna
Professor, Doctor of Science (History)
Cherepovets State University
Cherepovets, Russia
olga_solodiantkin@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the representations which can be created as a result of learning English by Chinese students in Shanghai Institute of Technology when their teachers of English uses the textbook «The excellent figures in western culture: Names worth knowing in China».

Keywords. Stereotypic representations, cross-cultural communication, East-West.

Учебная литература во многом формирует устойчивые стереотипы; эта ее особенность заложена в самой дидактической функции учебников и учебных пособий. В данной статье будут рассмотрены те представления, которые могут сформироваться и формируются в результате обучения английскому языку у китайских студентов, обучающихся в Шанхайском технологическом институте, когда в процессе обучения используется пособие «The

excellent figures in western culture: Names worth knowing in China» [1]. Это пособие подготовила группа китайских преподавателей английского языка. В сборник вошли биографии ста тридцати трех деятелей западной культуры, чьи имена, как следует из заглавия, нужно знать китайцам. Материал изложен параллельно на английском и китайском языках.

Структура изложения материала, касающегося каждого деятеля культуры, идентична. Сначала идет имя, под которым человек известен (например, Чайковский), а затем уже – полное имя. Рядом с именем указан флаг, символизирующий национальную принадлежность героя. Занятно, что флаги идут современные, так что Чайковский изображен под российским триколором, а Маркс – под черно-красно-желтым германским флагом.

Далее указана национальность персонажа, годы жизни и смерти, знак зодиака. Думаю, что российскому обывателю не пришло бы в голову рассматривать эту информацию как основную, но для китайца она существенна. Китайцу нужно знать, что Пушкин по знаку Зодиака – Близнецы [1, с. 145].

Далее указана профессия, затем следует краткое описание персонажа, чтобы был ясен его вклад в мировую культуру. Например: «Зигмунд Фрейд – еврей, австрийский психиатр и психоаналитик, ставший основателем школы психоанализа в психиатрии. Теория структуры психики, которую он развивал, имела огромное значение для понимания человеческой личности. В целом его концепция бессознательного имеет длительный и постоянно действующий эффект на критику современной культуры, высказываемую в наши дни» [1, с. 201]. Также читатель может узнать, что Чайковский – русский композитор периода романтизма, написавший симфонии, оперы, балеты и другие музыкальные произведения. Среди его наиболее выдающихся произведений указаны балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», первый фортепианный концерт, три последние симфонии и опера «Евгений Онегин» [1, с. 155–156]. А, например, Карл Маркс – основатель марксизма [1, с. 195].

После краткого резюме следует более развернутое описание жизненного пути личности с изложением основных фактов биографии. Приводятся примеры работ, созданных (написанных, сочиненных и т.п.) данным героем. Затем дается краткая характеристика персональной репутации персонажа. Так, Чайковский назван выдающимся композитором в истории музыки [1, с. 156]. Неожиданна репутация Фрейда. Он назван одним из наиболее влиятельных мыслителей первой половины XX века и столпом атеизма XX века [1, с. 202]. Психоаналитик – это понятно, но главная опора атеизма... И сравним его репутацию (влиятельный мыслитель первой половины XX века) с Марксом. Маркс именуется в этом разделе не иначе как «великий учитель мирового пролетариата и в целом рабочего люда; пионер современного коммунистического движения; величайший мыслитель тысячелетия» [1, с. 196]. То есть для китайцев масштабы личностей Фрейда и Маркса несоизмеримо разные.

Заканчивается биографическая статья провоцирующим вопросом «А знаете ли Вы что?», после чего идет набор любопытных или противоречивых фактов, касающихся героя изложения. Например, про Горького написано: «Имя Горького имеет особый смысл. По-русски, “Горький” означает “горький”, а “Максим” значит “величайший”. Он начал свою писательскую карьеру под псевдонимом “Максим Горький”, что отражало его гневное чувство по отношению к русской действительности и стремление писать только горькую правду. А на самом деле его звали Алексей Максимович Пешков» [1, с. 220]. Особенно интересны китайцам те факты биографии, что связывают героев с Китаем. Так, в разделе про Марию Склодовскую-Кюри говорится, что у нее учились многие студенты, в том числе физику под ее началом изучали два китайца, Ши Шийян и Жень Дажанг [1, с. 200].

Каждую статью сопровождает визуальное изображение героя – фотография, портрет или бюст, причем нередко не самый распространенный вариант изображения (например, в случае И.С. Тургенева) [1, с. 169].

Итак, кто же вошел в список тех деятелей западной культуры, чьи имена достойны, чтобы их знали китайцы?

Прежде всего, 20 деятелей античности: Гомер, Пиндар, Сафо, Геродот, Софокл, Аристофан, Сократ, Демокрит, Платон, Аристотель, Эвклид, Архимед, Юлий Цезарь, Цицерон, Вергилий, Лукреций Кар, Овидий, Тит Ливий, Плиний, Октавиан Август.

Затем, двадцать пять героев средневековья и Ренессанса: Карл Великий, Фома Аквинский, Ричард Львиное Сердце, Марко Поло, Франсуа Вийон, Роджер Бэкон, Чосер, Данте, Джотто, Бокаччо, Петрарка, Донателло, Леонардо да Винчи, Макиавелли, Микеланджело, Рафаэль, Тициан, Коперник, Джордано Бруно, Колумб, Галилей, Томас Мор, Шекспир, Гоббс, Кеплер, Сервантес.

Следом размещены биографии философов, писателей, ученых, художников, скульпторов, музыкантов Нового времени. Это Ньютон, Лейбниц, Френсис Бэкон, Ян Амос Коменский, Локк, Декарт, Мильтон, Бернини, Рубенс, Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро, Поуп, Дефо, Гете, Шиллер, Кант, Бах, Моцарт, Гейне, Уильям Блейк, поэты «озёрной школы», Байрон, Шелли, Гюго, Пушкин, Гойя, Бетховен, Шопен, Шуберт, Чайковский, Стендаль, Бальзак, Джейн Остин, Флобер, Золя, Мопассан, Тургенев, Лев Толстой, Ибсен, Диккенс, Харди, Шоу, Уитмен, Марк Твен, Клод Моне, Ван Гог, Сезанн, Роден, Дебюсси, Маркс, Дарвин.

Из деятелей двадцатого века в сборник вошли следующие имена: Мария Кюри, Фрейд, Томас Элиот, Вирджиния Вульф, Йейтс, Эзра Паунд, Фолкнер, Хемингуэй, Андре Жид, Камю, Сартр, Горький, Матисс, Пикассо, Дали, Шёнберг, Соссюр, Черчилль, Чаплин, Хичкок, Эйнштейн, Эдисон, Айседора Дункан, Жан Пиаже, Элвис Пресли, Уолт Дисней, Лучано Паваротти, Генри Форд, Коко Шанель, Одри Хепберн, Альфред Эйзенштадт.

Собственно, только три ныне живущих человека удостоились попадания в сборник биографий – архитектор Фрэнк Гири, автор грандиозных небоскребов, и не нуждающиеся в представлениях Билл Гейтс и Опра Уинфри.

Как видим, в этом наборе присутствует только пять имен русских деятелей: это литераторы Пушкин, Тургенев, Толстой, Горький и композитор Чайковский. Характерно, что китайскому студенту эти деятели представлены определенным образом. Посмотрим, что сообщается как любопытная деталь из биографии Льва Толстого: «Хотя он был русским писателем, но, как никто другой, был знаком с классической китайской философией и любил традиционную китайскую культуру. И в старости он всё еще испытывал сильную любовь к китайской культуре и китайцам. Уже в последний год жизни он произнес с глубоким чувством: «Если бы я был молодым, я бы непременно поехал в Китай» [1, с. 172].

Итак, пособие «Выдающиеся деятели западной культуры: какие имена достойны упоминания в Китае» создает необычный для европейца круг информации, предлагает оригинальный срез представлений, дает возможность посмотреть на западную культуру (куда входит и Россия) глазами китайца.

Литература

1. Yao Chunyu et al. The excellent figures in western culture: Names worth knowing in China. – Beijing: Chemical Industry Press, 2012.

РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

УДК 94(47).04-05

КАМЕНЬЕ В ГОРОДЕ ВОЛОГДЕ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ

Адаменко Ольга Николаевна

директор, кандидат исторических наук

Общество с ограниченной ответственностью «Старый город»

Вологда, Россия

aonVGPU@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены местность «Камень» и Ильинский мужской монастырь в городе Вологде в XV–XVII веках. На основе комплекса археологических, письменных и картографических источников изучены этапы истории, планировка территории в эпоху средневековья, материальная культура и повседневная жизнь вологжан.

Ключевые слова. Русский Север, средневековье, городские монастыри, Камень, археология Вологды.

ANCIENT STONE SETTLEMENT CALLED «KAMENIE» IN
THE TOWN OF VOLOGDA: THE RESULTS OF HISTORICAL
AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Adamenko Olga Nikolaevna

director, PhD (HISTORY)

Limited Liability Company «Old Town»

Vologda, Russia

aonVGPU@yandex.ru

Abstract. The article considers the terrain of Kamenie and Il'insky male monastery in the town of Vologda in the XV-XVII centuries. Based on the complex of archaeological, written and cartographic sources examined were the stages of history, the layout of the territory in the Middle Ages, material culture and everyday life of Vologda citizens.

Keywords. Russian North, the Middle Ages, urban monasteries, Kamenie, Vologda archaeology.

Городские монастыри – распространенное явление в Древней Руси. Они являлись средоточием духовной культуры средневекового города, играли центральную роль в распространении православия, грамотности, ремесла на протяжении всего периода своего существования. Вологда не является исключением – на территории города в разные эпохи существовало шесть православных монастырей. Мужские монастыри – это Троице-Кайсаров (Герасимова пустынь), Ильинский, Воскресенский, Воздвиженский, Свято-Духов Знаменский (Галактионова пустынь); а также женский Горний Успенский монастырь. Кроме того, в центре города размещались городские подворья других монастырей, откуда осуществлялась координация торговли, взаимосвязь с Вологодским архиерейским домом. История городских монастырей Вологды была частично освещена в краеведческих работах середины XIX – начала XX в., были опубликованы акты, не сохранившиеся сегодня в подлинниках. Реконструкция архивов вологодских монастырей, в том числе и городских, проведена М.С. Черкасовой [1, с. 101–105, 420–427].

История средневекового городского монастыря может быть отражена через призму комплекса источников – письменных, картографических и археологических. Архивные изыскания, а также многолетние археологические работы на территории Ильинского монастыря в Каменье позволяют нам представить обобщающую картину его существования. Ильинский монастырь, что в Каменье (в Кобылкиной улице, в Горах) располагался в центральной части города, между старым городищем XIII – середины XVI в. и территорией городской крепости середины XVI века. Топоним «Каменье», согласно местным преданиям, объясняется размещением здесь строительного материала для крепостных стен. Истории и архитектуре Ильинского монастыря посвящены работы П.В. Щукина, И.В. Евдокимова, Н.И. Суворова, М.С. Черкасовой [1, с. 101–102, 420–421; 2, с. 239–241, 251–254; 3; 4, с. 284–298, 311–324; 5, с. 337–348]. Восемь актов по истории данного монастыря было опубликовано, 34 документа хранятся в архивах Вологды и Санкт-Петербурга. Из них в фонде Вологодского архиерейского дома содержится 29 актов 1644–1710 гг. [6]. Среди них преобладают челобитные, написанные на имя вологодских архиереев. В актах отражены внутримонастырские взаимоотношения, этапы строительства и в целом финансовое положение монастыря, связи его властей с другими монастырями и переводы между ними игуменов, а также денежные споры–невыплаты по заемным кабалам, дела о воровстве, торговые споры. Документы позволяют расширить, в дополнение к списку П. Строева, перечень персоналий [7, ст. 769].

Как указывает М.С. Черкасова, Ильинский монастырь мог возникнуть уже в XV в., когда стал активно распространяться культ Варлаама Хутынского [1, с. 101]. Краеведы традиционно связывают возникновение обители с эпохой Ивана Грозного. В 1612 г. монастырь был razoren, позднее восстанавливается при участии купеческой семьи Акишевых. Сложность их взаимодействия с монастырской администрацией отражают акты середины XVII в.

Территорию Ильинского монастыря возможно определить ретроспективно, обращаясь к планам города конца XVIII в. На них, помимо привычной нам «регулярной» поквартальной разбивки, нанесена предшествующая уличная планировка, а также обозначена параллельная ей монастырская территория [8]. Систематизация материалов писцевой книги 1627 г. впервые была проведена Н.В. Фалиным, указывающим в районе Ильинского монастыря на Кобылкину улицу [9]. В переписной книге 1678 г. указывается на заселение собственно Ильинской улицы (21 двор) [10, с. 127–128]. Описание 1685/1686 гг. отразило особенности топографии данной местности: «От Ильинского мосту и оторву вверх по реке по Вологде до жилых дворов порожние земли в длину 60 сажен. И около города на тех местах лежит каменные дичь, и белой камень, и щебень кирпичной, и известь» [11, с. 176]. Таким образом, остатки известняка и бутового камня, не востребованного при строительстве крепостных стен, лишь частично реализованных в камне, долгое время занимали участок шириной около 130 м от крепостного рва.

Писцовые книги Вологды XVII в. позволяют установить плотность застройки возле церквей Ильинского монастыря. В 1627 г. здесь располагались «собинные» игуменская и дьяконская кельи, восемь «казенных келий с сенми». Территория монастыря общей площадью около трёх десятин была ограничена «забором» со святыми воротами, внутри ограды и «за улицей» (вероятно, Кобылкиной) располагались огороды [4, с. 319–320]. В 1678 г. в монастыре указаны одна игуменская и шесть братских келий [10, с. 128]. В 1711 г. на «домовой земле» монастыря указывалось 5 келий, 8 дворов, одно огородное место и одно пустое домовое место, при этом совокупная площадь составляла всего 0,4 десятины, не учитывая прихрамовой территории [11, с. 181–182].

Камень расположено в зоне археологического наблюдения А-2 г. Вологды, что налагает на застройщиков обязательство организовать археологические работы [12]. На настоящий момент культурный слой Камня исследован в 11 шурфах, а также в зачистках, инженерных шурфах и траншеях около церквей [13; 14]. В результате были обнаружены находки XV–XIX вв. Зафиксирована мощность культурного слоя от 0,4 до 1,8 м.

Непосредственно на территории монастыря признаки «Камня» минимальны. Скопление известняка было обнаружено на пр. Победы, 28. Яма ленточного фундамента XIX в., как правило, сформированного из битого кирпича, оказалась забутована обломками известнякового камня. На других участках Камня залежей известняка не обнаружено. При проведении инженерных исследований фундамента церкви Варлаама Хутынского был обнаружен обломок надгробной известняковой плиты с резным геометрическим орнаментом. Фрагменты белокаменных блоков с подтесанными краями единичны, но обнаружены и около ц. Ильи Пророка, где, как известно, часть пола в алтаре и солея были белокаменными [4, с. 289]. Таким образом, на обследованной территории не было обнаружено масштабного складирования материалов времени

строительства городской крепости. Для сравнения, в районе «Известной горы» и на Пречистенской набережной, где также хранились «прежние городовые запасы», наоборот, выявлены, мощные напластования извести [15, с. 85–89, 24]. Поблизости известняк был обнаружен около Ильинского моста через крепостной ров, в начале современной ул. Ленинградской [17].

Рядом с монастырем ожидаемо было выявление погребений. На настоящий момент известно о наличии средневекового некрополя на участке между церквями и непосредственно рядом с ними, а также к северо-востоку от ц. Ильи Пророка. Вероятно, основной некрополь располагался около Ильинского храма. В Каменье были обнаружены и фрагменты деревянных настилов XVI–XVIII вв. «дерегулярного» направления (в шурфах на пр. Победы, 28, ул. Засодимского, 12) [18]. В шурфе на ул. Засодимского, 12 была выявлена трасса Кобылкиной улицы, характеризующаяся раздробленной керамикой (более шести тысяч фрагментов на трех квадратах), настилом в виде древесного тлена, остатками частокола из жердей. Элементы бревенчатых конструкций (нижние венцы срубов) середины XVIII в., расположенных также согласно «дерегулярной» планировке города, расчищены в шурфах на пр. Победы, 30, 32-а [16].

Участок непосредственно перед входом в храмы в XVI–XVII вв., полагаем, оставался хозяйственно слабо освоенным. Здесь не было выявлено архитектурно-археологических конструкций, не обнаружено и захоронений. Вероятно, здесь располагалась предхрамовая площадь либо монастырский огород (сад). В результате археологических работ на территории Ильинского монастыря были обнаружены находки, характеризующие быт посадского населения Вологды XV–XVII вв. Наиболее существенными являются находки ножей, костяных гребней и накладок, печных изразцов, обувных подковок, фрагментов кожаной обуви, глиняных ангобированных игрушек. В 2016 г. был обнаружен фрагмент бирюзового стеклянного перстня конца XIII–XIV вв. – редкая находка для средневековой Вологды. Был также найден костяной конёк для катания по льду – в крупной кости животного было просверлено сквозное отверстие для крепления коньков к обуви, нижняя «рабочая» поверхность заполирована в процессе использования. Керамическая коллекция включает фрагменты глиняных сосудов XV–XIX вв., часть из них украшена линейно-волнистым орнаментом.

Таким образом, комплекс письменных, археологических и картографических источников по истории Ильинского монастыря позволяет разносторонне изучить топографию Каменья, повседневную историю монастыря (ремесло, быт, внутренние взаимоотношения в обители), а также его связи с другими церковными корпорациями и населением г. Вологды.

Литература

1. Черкасова, М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв: исследование и опыт реконструкции / М. С. Черкасова. – Вологда. 2012.
2. Щукин, П. В. О бывшем Ильинском монастыре в Вологде / П. В. Щукин // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1849. – № 25.

3. Евдокимов, И. В. Два памятника зодчества в Вологде / И. В. Евдокимов. – Вологда, 1922. – 46 с.
4. Суворов, Н. И. Церковь Св. Илии Пророка в г. Вологде / Н. И. Суворов // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1880. – № 14.
5. Čerkasova, M. S. Stadtkloster im soziokulturellen Raum von Vologda (16–Anfang des 17. Jahrhunderts) / M. S. Čerkasova // Monastische Kultur als transkonfessionelles Phänomen. Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts Moskau. Band 4. – Berlin-Boston, 2016. – S. 337-348.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 1260. – Оп. 1. №№ 420, 496, 506, 532, 793, 1241, 1487, 2571, 4572, 4677, 4967, 5117, 5311, 6872, 6986, 7230, 7519, 7885, 8095, 9145, 9545, 9776, 10202, 10236, 10868, 11083, 11107, 13261; Там же. Оп. 10. № 8.
7. Строев, П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церкви / П. Строев. – Санкт-Петербург, 1877. – Ст. 769.
8. Копия первого конфирмованного плана г. Вологды 1781 г. [Электронный ресурс] / ГИС «Город Вологда в XVIII – начале XXI в.: планировка, застройка, топонимика, объекты культурного наследия. – Режим доступа: <http://historymaps35.ru> (дата обращения 25.05.2017).
9. Фалин, П. В. Топографическое описание Вологды в XVII веке [Электронный ресурс] / Н. В. Фалин // Вологодская областная универсальная научная библиотека. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/ancient/mode/look_09.htm (дата обращения 25.05.2017).
10. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 2 т. Т. 1 / подготовка к изданию И. В. Пугач (отв. редактор), М. С. Черкасова. – Москва: Кругъ, 2008. – 412 с.
11. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 2 т. Т. 2 / подготовка к изданию И. В. Пугач (отв. редактор), М. С. Черкасова. – Москва: Кругъ, 2008. – 412 с.
12. Проект «Границы зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории г. Вологды» // Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории г. Вологды, градостроительных регламентов и режимов использования земель в пределах указанных границ: постановление Правительства Вологодской области от 28.12.2009 № 2087.
13. Кукушкин, И. П. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования города Вологды (1947-2010 гг.)» Вологда, 2010 / И. П. Кукушкин // Архив АУК «Вологодареставрация».
14. Адаменко, О. Н. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования города Вологды (2011-2015 гг.)». Вологда, 2015 / О. Н. Адаменко, И. П. Кукушкин // Архив АУК «Вологодареставрация».
15. Никитинский, И. Ф. О «темной пещере» в Известной горе / И. Ф. Никитинский // Археология Вологды: история и современность. – Вологда, 2007. – С. 85-89.
16. Адаменко, О. Н. Отчет по результатам археологических исследований в городе Вологде в 2015 году (Пречистенская набережная от ул. Зосимовской до ул. Лермонтова; пр. Победы, 30; пр. Победы, 32-а) / О. Н. Адаменко // Архив ИА РАН. Р-1.
17. Никитинский, И. Ф. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в г. Вологде в 1986 г. / И. Ф. Никитинский // Архив ИА РАН. Р-1.
18. Адаменко, О. Н. Отчет по Открытому листу № 902 «Об археологических разведках на территории Вологодского городища в г. Вологде в 2008 году» / О. Н. Адаменко // Архив ИА РАН. Р-1.

МАССОВЫЕ ПЕРЕХОДЫ РУСИНОВ В ПРАВОСЛАВИЕ И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Минкова Кристина Владимировна

старший преподаватель кафедры американских исследований,

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

k.minkova@spbu.ru

Акимов Юрий Германович

профессор кафедры американских исследований,

доктор исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

y.akimov@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние официальных и неофициальных действий российских государственных деятелей в отношении поддержки переходов закарпатских и галицких греко-католиков в православие на возрастание политической напряженности между Российской империей и Австро-Венгрией. Авторы приходят к выводу о том, что как сами переходы греко-католиков в православие, так и политика российских властей в этом вопросе чрезвычайно болезненно воспринимались правительством Австро-Венгрии и, без сомнения, сыграли значительную роль в развязывании Первой мировой войны.

Ключевые слова. Русины, греко-католики, переходы в православие, Российская империя, Австро-Венгрия, граф Бобринский, Николай II.

MASS CONVERSIONS OF RUSYNS TO ORTHODOXY AND THE BEGINNING OF THE GREAT WAR

Minkova Kristina Vladimirovna

Ph.D., Senior Lecturer, Department of American Studies

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

k.minkova@spbu.ru

Akimov Yuriy Germanovich

Dr. Prof., Professor, Department of American Studies

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

y.akimov@spbu.ru

Abstract. The article examines the impact of official and unofficial actions of Russian statesmen in supporting the Transcarpathian and Galician Greek Catholics' transitions to Orthodoxy on the growing political tension between the Russian Empire and Austria-Hungary. The authors come to the conclusion that both the transitions of Greek Catholics to Orthodoxy and the policy of the Russian authorities on this issue were extremely painful for the Austro-Hungarian government and undoubtedly played a significant role in unleashing the First World War.

Keywords. Rusyns, Greek Catholics, conversion to Orthodoxy, the Russian Empire, Austria-Hungary, Count Bobrinsky, Nikolay II.

К 1914 г. история переходов галицких и закарпатских русинов в православие насчитывала уже не одно десятилетие [1]. Влияние на этот процесс оказывали как внешние, так и внутренние факторы (письма домой русинских эмигрантов, перешедших в православие после переезда в Северную Америку [2], возвращение ряда из них на родину из-за депрессии 1907 г., процессы насильственной мадьяризации русинов и т.п.), однако официальная Вена рассматривала их прежде всего как следствие «царистских махинаций» и считала тех, кто менял веру, предателями [3, р. 406]. Главная цель российской политики в отношении славян-униатов, по мнению австро-венгерских властей, состояла в итоге в присоединении Галиции и Закарпатя.

С осени 1911 г. количество переходов австро-венгерских униатов в православие резко возросло. Хотя рост русофильских настроений в Галиции и Закарпатье был вызван, скорее, проукраинской (и антирусской) политикой Австро-Венгерских властей, последние были склонны объяснять эти процессы подъемом русофильства в смежных областях Российской империи, провозглашая греко-католиков не только славянами, но и «русскими». Таким образом, с точки зрения российского правительства и самих русинов, речь шла, по сути, о присоединении к Российской империи земель, населенных *русскими людьми*.

Весьма значительную роль в «пропаганде» переходов венгерских и закарпатских русинов в православие играла в начале XX в. Русская православная церковь РПЦ. Так, например, 2 августа 1911 г. по инициативе графа В.А. Бобринского, возглавлявшего Галицко-русское благотворительное общество, в Почаевском монастыре, расположенном практически на границе с Австро-Венгрией и служившем центром паломничества православных русинов, состоялась встреча представителей Святейшего Правительствующего синода с группой галицких русофилов. На встрече присутствовали известные церковные и общественные деятели: епископ Холмский и Люблинский Евлогий (В.С. Георгиевский) и епископ Волынский и Житомирский Антоний (А.П. Храповицкий) – будущие известные деятели русского религиозного зарубежья. В ходе этой встречи обсуждалась активизация мер по усилению присутствия РПЦ в Австро-Венгрии. Галичане объяснили, что

«...нужно большое число приходов, которые бы выразили желание перейти в православие и твердо стояли на своем». Они сказали, что найти 20–30 таких приходов не составит труда, но без священника, инфраструктуры и соответствующей подготовительной работы эти приходы не выдержат давления властей и откажутся от своих убеждений через 2–3 недели [4, р. 485–486]. Кроме этого, обсуждался вопрос подготовки русинских священнослужителей в русских семинариях, дабы поставить их в более выгодное положение перед властями Австро-Венгрии, чем работавших там русских священников. Результатом этой встречи стало значительное увеличение числа русинских православных священнослужителей, окормлявших новообращенных в Галиции и Закарпатье уже с конца 1911 г.

Со своей стороны, австро-венгерские и немецкие власти не делали различий между славянофильством и русофильством, а заодно значительно преувеличивали популярность этих идей среди российских политиков и в обществе [5]. Впрочем, нельзя отрицать и того, что массовые переходы в православие униатов Галиции и Закарпатья способствовали росту числа «потенциальных русских» в этих регионах. Стремясь воспрепятствовать эскалации опасного процесса, власти Австро-Венгрии пытались подавить его чрезвычайно непопулярными мерами – штрафами, публичными порками, запретами на массовые сборища, размещением в деревнях войск, ссылками и обвинениями в государственной измене. Например, накануне Первой мировой войны в Мараморош-Сигете и Львове прошло два крупных и широко освещенных в прессе процесса по обвинению новообращенных в православие в государственной измене. 98 человек, среди которых были крестьяне, священнослужители, журналисты и студенты, после перехода в православие должны были поминать в молитвах не императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, а русского царя Николая II. Следовательно, по утверждению обвинения, они косвенно выступали за присоединение Галиции и Закарпатья к России; кроме того, их подозревали в шпионаже в пользу Российской империи. В частности, один из священников был арестован после того, как его заметили измеряющим мост через реку Черемош, по которой проходила граница между Галицией и Буковиной [3, р. 411–412, 420]. Следует отметить, что указанные процессы не только способствовали росту русофильских настроений как в Австро-Венгрии, так и в сочувствовавшей *русским братьям* России, но и стали весомым политическим фактором в сложных взаимоотношениях России, Австро-Венгрии и Германии накануне войны [6, р. 7]. Свой вклад в дальнейшее усугубление конфликта внесла противоречивая фигура графа Бобринского, пожелавшего выступить свидетелем на процессе в Мароморош-Сигете. Поскольку помимо своей общественной деятельности Бобринский был еще депутатом Государственной думы, власти Австро-Венгрии расценили его действия как стремление российских властей вмешаться во внутренние дела Австро-Венгрии и даже обвинили Россию в потворствовании «религиозным фанатикам вроде Бобринского» [7, s. 240].

Существенному ухудшению дипломатических отношений между двумя империями немало способствовала личная поддержка переходов австро-венгерских католиков в православие императором Николаем II. В частности, имеются сведения о том, что в 1913 г. он дал аудиенцию уже упоминавшемуся епископу Антонию, по итогам которой на обучение и содержание в Галичине 20–25 православных священников из императорской казны было тайно выделено 60 тыс. руб. [8] Кроме того, Николай II принял графа Бобринского по его возвращении из Маромороша и в конце беседы вручил ему крупную сумму денег и свой портрет [7, с. 246]. Известно также, что министерство финансов Российской империи выделило более 40 тыс. рублей на оплату услуг защитников на мароморош-сигетском и львовском процессах [9]. Перечисленные меры, ставшие известными как австро-венгерским, так и германским властям, дали им повод говорить о большой «русской игре»: 5 июня 1914 г. австрийский министр иностранных дел Берхтольд писал премьер-министру Штюргку: «Наши отношения (с Россией. – *Авт.*), которым мы придаем такое важное значение, в будущем будут зависеть от наших успехов в предотвращении русификации рутенов, которая активно развивается на нашей территории» [10, р. 12].

Литература

1. Суляк. С. Г. Русины: из истории православной традиции / С. Г. Суляк // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 3. – С. 130-134.
2. Акимов. Ю. Г. Особенности формирования русинской диаспоры в США в конце XIX в. / Ю. Г. Акимов, К. В. Минкова // Русин. – 2016. – № 1(43). – С. 128-144.
3. Brady, J. Transnational Conversions: Greek Catholic migrants and Russky Orthodox conversion movements in Austria-Hungary, Russia, and the Americas (1890–1914) / J. Brady.
4. Himka, J.-P. The Propagation of Orthodoxy in Galicia on the Eve of World War I / J.-P. Himka // *Ukraina: Kul'turna spadshchyna, natsional'na svidomist', derzhavnist'. Zbirnyk naukovykh prats.* – 2001. – Vol. 9. – P. 480-496.
5. Fadner, F. L. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia; Karazin to Danilevskii, 1800-1870 / F. L. Fadner. – Washington: Georgetown University Press, 1962.
6. Von Hagen, M. L. War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918 / Von Hagen, M. L. – Washington, D.C.: University of Washington Press, 2007.
7. Bachmann. K. Ein Herd der Feindschaft gegen Russland: Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Russland (1907–1914). Schriftenreihe des Österreichischen Ost- und Südosteuropa-Instituts Bd. 25 / K. Bachmann. – Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 2001.
8. Письмо министра финансов П. Барка И. Л. Горемыкину от 10 марта 1914 г. // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 10. – Д. 855. – Л. 1.
9. Письма министра финансов П. Барка 7 марта и 7 мая 1914 г. // РГИА. – Ф. 565. – Оп. 15. – Д. 1080. – Л. 80 и 82.
10. Zeman, Z. A. B. The Break-Up of the Habsburg Empire: 1914-1918: A Study in National and Social Revolution / Z. A. Zeman. – London: Oxford University Press, 1961.

КОНЦЕПЦИЯ КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ XVI–XVII ВВ.

Ерохин Владимир Николаевич

профессор кафедры документоведения и всеобщей истории,

доктор исторических наук, доцент

Нижегородский государственный университет

Нижегородск, Россия

erohin_vladimir@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается познавательное значение концепции «конфессионализации» для изучения истории реформационного периода и обсуждается возможность использования этого подхода к изучению Реформации в Англии.

Ключевые слова. Реформация, конфессионализация, Англия, религиозно-политическая история, история Нового времени.

THE CONCEPT OF CONFESSIONALIZATION AND POSSIBILITIES OF ITS' USE IN STUDY OF RELIGIOUS AND POLITICAL HISTORY OF ENGLAND OF 16TH – 17TH CENTURIES

Yerokhin Vladimir Nikolaevich

Professor, Department of Universal History and Documentation Studies,

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor

Nizhnevartovsk State University

Nizhnevartovsk, Russia

erohin_vladimir@inbox.ru

Abstract. The article deals with heuristic potential of «Confessionalization» as a concept for studying history of Reformation period and considers possibilities of use of this concept for the study of Reformation in England.

Keywords. Reformation, Confessionalization, England, religious and political history, modern history.

Конфессионализация – понятие, на основе которого в немецкой историографии в 1980-е гг. был развернут концептуально-методологический подход в изучении реформационной эпохи раннего Нового времени. Понятие «конфессионализация» открыло новые возможности в рассмотрении религиозно-политической борьбы между католиками и протестантами в эпоху Реформации, а также позволило найти продуктивный подход к изучению становления протестантских и католических политико-территориальных сообществ реформационного и постреформационного периодов.

В изучении истории Реформации вплоть до XIX в. среди историков сохранялись конфессиональные пристрастия. В результате в трудах историков, в зависимости от принадлежности исследователя к протестантской или католической религиозно-культурным традициям, при оценке боровшихся друг с другом религиозных сообществ, шла речь об «истинной» или «ложной» вере. Даже после того, как историки перестали откровенно демонстрировать свою вероисповедную принадлежность, тем не менее, применительно к характеристике борьбы католиков и протестантов, исследователи вели речь о противостоянии сил «реакции» и «прогресса», что особенно было характерно для историков, симпатизировавших протестантам. «Силы реакции», «носители отживших религиозных форм» в лице католиков, тем не менее, так и дожили до XX в. Хотя, казалось бы, с точки зрения протестантов и прогрессистов, «носители ложной папистской религии» разлагаются уже столетиями, католицизм все еще не только подает признаки жизни, но и не спешит исчезать с поверхности земли и даже в некоторых отношениях отыгрывает прежде потерянные позиции.

Способность взглянуть на религиозно-политическую борьбу реформационного периода поверх вероисповедных позиций побуждала изменить угол зрения, и такой продуктивный подход был предложен. Новизна и эвристический потенциал понятия «конфессионализация» состоят в том, что его использование позволяет выстроить конфессионально нейтральные перспективы в рассмотрении периода сосуществования лютеранства, кальвинизма и католицизма между 1550 и 1650 гг. с точки зрения не только их взаимной борьбы, которая, конечно, тоже чрезвычайно важна для данной эпохи. Как было обращено внимание, история противостоявших друг другу религиозных направлений важна также и в рамках внутренней логики и потенциала развития самих этих конфессий, которые, хотя и развивались при несомненном влиянии этого противостояния, но только лишь к конфронтации не сводились.

К использованию понятия «конфессионализация» параллельно пришли специалист в изучении немецких католиков реформационного периода Вольфганг Райнхард (Wolfgang Reinhard), изучавший протестантов Хайнц Шиллинг (Heinz Schilling) [1; 2]. В рамках концепции конфессионализации сложилось мнение, что в эпоху Реформации в католическом и протестантском сообществах разворачивались процессы, удивительно сходные по характеру и последствиям. Католическая церковная организация и протестантские церкви прилагали усилия к тому, чтобы верующие в рамках обоих направлений стали в гораздо большей степени рефлексирующими, размышляющими христианами. Согласно В. Райнхарду, модернизации Европы способствовали как Реформация, так и «католическая реформа» и контрреформация. Стали использоваться понятия «лютеранская конфессионализация», «кальвинистская конфессионализация», «католическая конфессионализация». Во всех этих процессах, как отмечается, проявлялось, по словам Гер-

харда Острайха (Gerhard Oestreich), схожее по своим последствиям «социальное дисциплинирование». И протестанты, и католики становились более сознательными христианами [3]. Для современников, принадлежавших к разным конфессиям, их оппоненты были носителями «ложной веры», но по своим итоговым последствиям, и в самом деле, разворачивался своего рода «процесс дисциплинирования» сообщества, который был составной частью формирования государства Нового времени, которое становилось бюрократическим. Изучение католицизма и протестантизма раннего Нового времени оказалось возможным ввести в одни и те же интерпретативные рамки. Первоначально концепция конфессионализации использовалась только для изучения религиозно-политической истории Священной Римской империи германской нации, но довольно быстро многие историки, в том числе отечественные исследователи, обратили внимание на гораздо более широкие познавательные возможности этого подхода [4; 5].

Религиозная нетерпимость была вполне совместима с формированием суверенного государства раннего Нового времени, и поначалу государство в этот период даже нуждалось в такой нетерпимости и как в инструменте внутригосударственных дисциплинарных практик, и для обособления и защиты своих интересов в международных отношениях. Становление национального государства в раннее Новое время требовало способа обоснования преодоления средневекового универсализма, когда вся Западная и Центральная Европа мыслились как христианское сообщество, признающее авторитет одного властного центра – папского Рима. Поэтому государственная консолидация и модернизация раннего Нового времени опирались также на религиозный компонент.

Как представляется, концепция «конфессионализации» может быть полезной и для того, чтобы осмыслить с ее помощью также историю Англии реформационного периода. В британской исторической науке стали появляться работы, где начинает реализовываться такая постановка вопроса на основе изучения истории постреформационного английского католицизма [6]. Вместе с тем, на основе концепции конфессионализации новыми смысловыми нюансами наполняется изучение истории утверждения реформированной религии в Англии. После разрыва с Римом в 1534 г. глава английского государства – монарх был провозглашен также главой Церкви Англии, и эта правовая норма, по сути дела, окончательно конституировала английскую и британскую государственность как полностью суверенную. До принятия в 1829 г. парламентского Акта об эмансипации католиков лица католического вероисповедания не могли занимать государственные и общественные должности, поскольку требовалось, чтобы все должностные лица хотя бы один раз в течение года принимали причастие в Церкви Англии. Британские же монархи по сей день не могут исповедовать католицизм и остаются главой Церкви Англии.

Литература

1. Reinhard, W. Probleme deutsche Geschichte 1495–1806. Reichreform und Reformation 1495–1555 / W. Reinhard. – Stuttgart: Klett-Cotta Verlag, 2001. – 382 S.
2. Schilling, H. Aufbruch und Krise. Deutsche Geschichte von 1517 bis 1648 / H. Schilling. – Berlin: Siedler, 1988. – XX, 507 S.
3. Oestreich, G. Neostoicism and the Early Modern State / G. Oestreich; Translated by David McLintock. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – VIII, 280 p.
4. Confessionalization // The Encyclopedia of Protestantism / Ed. by Hans J. Hillerbrand. 4 vols. – New York; London: Routledge, 2004. – Vol. 1. – P. 819–824.
5. Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / под ред. А. Ю. Прокопьева. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. – 208 с.
6. Marshall, P. Confessionalization and Community in the Burial of English Catholics, c. 1570–1700 / P. Marshall // Getting Along? Religious Identities and Confessional Relations in Early Modern England / eds. N. Lewycky and A. Morton. – Farnham: Ashgate, 2012. – P. 57–77.

УДК 2

МАКСИМ ГРЕК О РУССКИХ ЕРЕСЯХ

Исаков Алексей Александрович
доцент, кандидат философских наук
Арзамасский филиал ННГУ
Арзамас, Россия
Blauer-Reiter@yandex.ru

Аннотация. Доклад посвящен определению круга сочинений Максима Грека, имеющих противоеретическую направленность. Формально у этого автора нет сочинений против еретиков, но к их числу в действительности можно отнести некоторые противоиудейские и противолютеранские тексты. Они позволяют подтвердить и расширить имеющиеся в науке представления о религиозном диссидентстве в России шестнадцатого века.

Ключевые слова. Ересь, астрология, иудаизм, лютеранство, Максим Грек.

MAXIM THE GREEK ABOUT THE RUSSIAN HERESIES

Isakov Alexey Alexandrovich
Assistant Professor, PhD (Philosophy)
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Arsamass Branch
Arzamas, Russia
Blauer-Reiter@yandex.ru

Abstract. The aim of the research is the identification of the works of Maxim the Greek against the Russian heretics. Formally, Maxim never wrote against

heretics. In reality, the texts against Judaism and Lutheranism devoted to them. They significantly extend the existing ideas about the Russian heresies of the sixteenth century.

Keywords. Heresy, astrology, Judaism, Lutheranism, Maxim the Greek.

Жизнь Максима Грека в России пришлось на период между двумя крупными диссидентскими движениями жидовствующих и феодосиан, в связи с чем его тексты редко привлекают для характеристики ересей как таковых. Начиная с фундаментальной работы В.С. Иконникова, они связываются преимущественно с критикой нееретических форм диссидентства, вызванных распространением апокрифических текстов и астрологии [1, с. 315–329]. Однако и этот, и другие исследователи все же подчеркивали то обстоятельство, что полемические сочинения Максима скорее свидетельствуют о существовании каких-то последователей ереси жидовствующих в Москве времен Василия III, чем о реальной победе над ней в 1504 году [1, с. 197]. С точки зрения историко-философского исследования это очень важно, поскольку в мировоззрении всех трех крупных русских ересей (стригольников, жидовствующих и феодосиан) прослеживаются преемственные идеи, особенно относительно загробной жизни и заупокойно-поминального культа. Следовательно, сочинения Максима Грека наряду с сообщениями иностранных авторов (Герберштейна, Иовия и т.д.) могут привлекаться для характеристики эпохи, когда русские ереси находились в латентном состоянии и не вели открытой проповеди.

Первая группа сочинений Максима, которые чаще всего атрибутируют как противоеретические, – это сочинения против иудеев. Противоиудейские и противоеретические тексты впервые отождествил митрополит Макарий (Булгаков) в своей «Истории русской церкви» [2, с. 275–277]. Однако В.С. Иконников показал, что в Москве времен Максима Грека существовала иудейская диаспора, которая еще с середины предшествовавшего столетия не боялась вступать в споры о вере и была связана не только с литовским, но и крымским еврейством [1, с. 199–201]. Поэтому столь прямолинейная атрибуция была бы справедливой, если бы жидовствующие были просто ренегатами (как считает, например, А.И. Алексеев [3, с. 498–500]). Однако все известные попытки реконструкции литературы жидовствующих говорят об обратном [4]. Даже в случае с таким текстом, как «Совет к собору православному на Исака жидовина, волхва, чародея и прелестника», не все очевидно, поскольку Максим содержательно не характеризует взглядов Исака, а лишь встает на иосифлянскую позицию по вопросу о наказании еретиков [5, с. 42–45].

Гораздо больший интерес представляют «Словеса супротивна противу глав Самуила евреина» [5, с. 45–51]. «Главы Самуила евреина» – средневековый трактат антииудейской направленности – были переведены знамени-

тым оппонентом Максима Николаем Немчином*, причем, скорее всего, также в целях антииудейской полемики. Однако трактату нашлось другое применение. Местные иудаизанты (сами иудеи вряд ли бы стали пользоваться антииудейским текстом) стали использовать его для пропаганды своих взглядов. В эпоху раннего нового времени так часто пропагандировали идеи атеизма (самый яркий пример – трактат «Амфитеатр вечного провидения» Дж. Ванини), и подобная практика позволяет предположить существование проеретических версий некоторых обличительных текстов, что составляет, безусловно, отдельную источниковедческую проблему. На эту мысль наводит и содержание сочинения Максима, который усматривает в «Главах» скрытую пропаганду тезиса о том, что Христос – это еще один пророк, а не сам Бог. Он обвиняет автора трактата (а с ним и автора перевода) в попытке компромисса там, где компромисса быть не может: евреи или должны признать Христа Богом, или нести наказание до конца. Частичная уступка, признание его святым или пророком вроде Еноха или Илии не избавит их от наказания.

Вторая группа текстов – это сочинения, которые в разное время и разными исследователями атрибутировались как противолютеранские. Впервые целый противолютеранский корпус выделил у Максима Филарет (Гумилевский), отнесший к нему пять текстов, только один из которых имел соответствующее заглавие [6, с. 197]. Против этого выступили И.И. Соколов, произвольно расширивший круг противолютеранских сочинений Максима [7, с. 57], и Д.В. Цветаев, аргументированно отведший саму возможность их появления [8, с. 536–538]. Хорошо обоснованная позиция Д.В. Цветаева возобладала в науке, но после работ Н.В. Сеницыной и Л.И. Журовой [9; 10], вскрывших текстологическую историю прижизненных собраний сочинений Максима Грека, стало ясно, что во всей этой дискуссии оказался прав Н.М. Карамзин [11, с. 198], изначально считавший противолютеранским лишь одно сочинение, имевшее соответствующий заголовок в прижизненном Максиму Румянцевском сборнике. Сложно допустить, что сам автор перенаправил этот текст, который позже действительно был переозаглавлен переписчиками («лжторы» были заменены «еретиками»).

Зато большое значение для нашего поиска имеет текст, долгое время связывавшийся со «Словом на Лютора-иконоборца». Это «Слово на хульники Пречистыя Божией Матери», которое также характеризовали то как противолютеранское, то как связанное с жидовствующими. Однако в нем описывается богородичная ересь, не характерная ни для того, ни для другого (и не совпадающая с несторианством), в связи с чем мы полагаем этот источник уникальным для изучения русского религиозного вольнодумства первой половины XVI столетия. Речь идет о представлении, согласно которому Бо-

* Впрочем, это атрибуция самого Максима. Возможно, у русского перевода этого текста мог быть и другой автор.

городица была освящена присутствием Христа в ее чреве, но лишь до того момента, как он покинул его, после чего стала обыкновенной женщиной и не может быть объектом поклонения [5, с. 395–405]. Христос здесь признается Богом, что заставляет предположить неиудаизантский характер соответствующей ереси и либо пересмотреть представление о ереси жидовствующих, либо предположить существование пока не известного по другим источникам еретического течения.

Остальные «противолютеранские» тексты из перечня Филарета написаны на самом деле против различных апокрифических представлений. В нем следует выделить восходящую к манихейству традицию, представленную апокрифическими сюжетами о «рукописании» Адама и состязании мудрецов при дворе персидского царя [5, с. 424–430], а также обсуждение вопроса о способе размножения первых людей до грехопадения [5, с. 431–435]. Сочинения против апокрифов тесно переплетаются с противоастрологическими сочинениями, которые мы можем, в отличие от них, рассматривать и как собственно противоеретические в связи с известным составом литературы жидовствующих, включавшей значительное число астрологических трактатов.

Таким образом, информацию о русских ересьях несут различные сочинения Максима Грека, в силу чего невозможно отождествление какой-то их традиционно выделяемой группы с искомым нам корпусом. Среди т.н. противоиудейских сочинений на эту роль, прежде всего, претендуют «Словеса супротивна противу глав Самуила евреина», среди т.н. противолютеранских – «Слово на хульники Пречистыя Божией Матери».

Интересно, что в двух наиболее содержательных противоеретических текстах Максим спорит со взглядами, которые можно истолковать как попытку догматического компромисса по поводу божественности Христа и статуса Богородицы. Это наводит на мысль о том, что оппоненты нашего героя не стремились полностью покинуть почву христианства и даже православия. Это может быть отчасти объяснено с точки зрения А.Ю. Григоренко, полагающего, что «жидовствующие» на самом деле представляли собой последователей более древней, «софийной» традиции, восходящей к наследию Кирилла и Мефодия и сохранявшейся в Новгороде, а их борьба против московского культа Богородицы, привнесенного позже с Балкан, есть идейное выражение политической борьбы Новгорода с Москвой. Однако А.Ю. Григоренко постоянно настаивает на том, что представители новгородской традиции все же оставались в рамках ортодоксии, отличаясь лишь более отвлеченным пониманием ее [12]. В сочинениях же Максима Грека мы хоть и видим отражение понятной в таких условиях практики догматического компромисса, но все-таки не можем не отметить, что компромисс этот заходит достаточно далеко для того, чтобы признать оппонентов Максима именно еретиками.

Литература

1. Иконников, В. С. Максим Грек и его время. Историческое исследование / В. С. Иконников. – Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1915. – 604 с. – (Иконников В. С. Собрание исторических трудов. Т. 1).
2. Макарий (Булгаков). История русской церкви в период разделения ее на две митрополии. Кн. II / Макарий (Булгаков). – Санкт-Петербург: Тип. Ю.А. Бокрама, 1874. – 528 с.
3. Алексеев, А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие / А. И. Алексеев. – Москва: Индрик, 2012. – 560 с.
4. Дмитриев, М. В. От антииудаизма к иудаизантизму в православной культуре Востока Европы в конце XV-XVI веке / М. В. Дмитриев // *Polystoria: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе*. – Москва, 2016. – С. 207-264.
5. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Кн. I. 2-е изд. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1894. – 440 с.
6. Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862–1720 / Филарет (Гумилевский). – Харьков: В унив. тип., 1859. – 447 с.
7. Соколов, И. И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках / И. И. Соколов. – Москва: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. – 450 с.
8. Цветаев, Д. В. Протестантство и протестанты до эпохи преобразований / Д. В. Цветаев. – Москва: Унив. тип., 1890. – 782 с.
9. Сеницына, Н. В. Максим Грек в России / Н. В. Сеницына. – Москва: Наука, 1977. – 333 с.
10. Журова, Л. И. Румянцевское собрание сочинений Максима Грека (К вопросу о соотношении собраний сочинений Максима Грека) / Л. И. Журова // *Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); редкол.: А. А. Алексеев, О. А. Белоброва, Д. М. Буланин, Н. В. Понырко, М. А. Салмина*. – Санкт-Петербург, 1996. – Т. 50. – С. 475-478.
11. Карамзин, Н. М. История Государства Российского. Т. VII / Н. М. Карамзин. – Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1819. – 235, 107 с.
12. Григоренко, А. Ю. Новгородская ересь «жидовская мудрствующих» в историко-культурном контексте эпохи / А. Ю. Григоренко // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. – 2010. – Т. 2, № 4. – С. 162-171.

**К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ
В «СТРАСТЯХ СВЯТЫХ ПЕРПЕТУИ И ФЕЛИЦИТАТЫ»
И «АПОЛОГЕТИКЕ» ТЕРТУЛЛИАНА:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ***

Каргальцев Алексей Витальевич
преподаватель, кандидат исторических наук
Теологический институт
Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии
Санкт-Петербург, Россия
kargaltsev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу свидетельств о человеческих жертвоприношениях в римской Северной Африке, по сообщениям христианских писателей и данным агиографической традиции. Автор приходит к заключению, что между фрагментами «Страстей святых Перпетуи и Фелицитаты» и «Апологетике» Тертуллиана есть несомненная параллель, которая указывает на существование практики человеческих жертвоприношений на рубеже II–III вв.

Ключевые слова. Северная Африка, Римская Империя, Карфаген, Тертуллиан, христианские мученики.

**TO THE QUESTION OF HUMAN SACRIFICE IN THE
«THE PASSION OF THE SAINTS PERPETUA AND FELICITATA»
AND «APOLEGETICS» OF TERTULLIAN:
CULTURAL AND HISTORICAL PARALLELS**

Kargaltsev Alexey Vitalyevich
lecturer, PhD
Theological Institute of the Evangelical Lutheran Church of Ingria
Saint-Petersburg, Russia
Kargaltsev@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the evidence of human sacrifices in Roman North Africa, according to the reports of Christian writers and the data of the hagiographic tradition. The author comes to the conclusion that some fragments of «The Passion of the Saints Perpetua and Felicitata» and of «Apologetics» by Tertullian have indisputable parallels, that indicate the existence of the practice of human sacrifice at the turn of the II–III centuries.

Keywords. North Africa, The Roman Empire, Carthage, Tertullian, Christian martyrs.

* Подготовка материала выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01260a2 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры».

Зловещая практика человеческих жертвоприношений в Северной Африке в пунийский период хорошо фиксируется как источниковой традицией, так и археологическими находками (Diod. XIII, 86; XX, 14; Curt. Ruf. IV, 3; Plut. Desuperst., 13; Just. Epit. Trog., XVIII, 6–7; Tert. Apol., 9, 2–3; Euseb. Praeparat. Evang., IV, 16) [1]. Речь в данном случае идет о жертвах Баал-Хамону и Танит. Эти божества были известны в римском пантеоне под именами Сатурна и Юноны Целесты, культ которых, несмотря на гибель Карфагенской державы, продолжал отправляться в Африке и в республиканский и в имперский периоды¹. Нельзя сказать, что практика таких жертв носила повсеместный и ординарный характер, как и то, что она не эволюционировала на протяжении столетий в период VI в. до н. э. – I в. н. э., равно как сложно отделить достоверные свидетельства греко-римских авторов от пропаганды, очерняющей их соперников в Средиземноморье. Так или иначе вся совокупность источников скорее подтверждает реальное существование практики человеческих жертв, особенно младенцев, которая была характерна для финикийской религиозной культуры. В ее основе, по всей видимости, лежала традиция принесения в жертву младенца-первенца мужского пола, которая повсеместно на Ближнем Востоке приобрела форму заместительной жертвы и сохранилась в исходном виде лишь у пунийцев². Однако если верить сообщению Диодора, карфагеняне также не были последовательны в отправлении культа Баал-Хамона и прибегали к нему в моменты наивысшей опасности (Diod. XX, 14, 4–5). Но представление о том, что человеческая жертва являлась наивысшей формой жертвоприношения божеству, по всей видимости, изначально играла и продолжала играть важную роль в пунийской религиозной культуре³.

В этом контексте огромный интерес для исследования представляют сообщения христианских авторов и особенно свидетельства агиографических источников из римской Северной Африки, не связанные с официальной римской религиозной идеологией. «Страсти святых Перпетуи и Фелицитаты» (памятник, рассказывающий о гибели группы христиан в Карфагене в 203 г.) содержат важную подробность, когда осужденные христиане оказываются перед воротами амфитеатра, где им предстояло пострадать, им приказывают облачиться в костюмы, мужчин – в алые жрецов Сатурна (Баала), женщин – в белые жриц Цереры (Танит) (Pass. Perp., 18, 4) [4, с. 234]. Ряд исследователей, как представляется не без оснований, видит в этом

¹ Явным свидетельством в пользу почитания Баала в эпоху принципата было участие его жрецов в качестве фламинов императорского культа [2, S. 551].

² Ср.: И сказал Господь Моисею, говоря: освяти Мне каждого первенца, разверзающего всякие ложесна между сынами Израилевыми, от человека до скота: Мои они (Exod. 13, 1–2); Иеремия называет появление у израильтян практики человеческих жертв причиной гнева Господа и последовавшего вавилонского плена (Jer. 32, 35–36).

³ Ж. Шарль-Пикар предпринял попытку интерпретировать миф о Дидоне, основательнице Карфагена, как свидетельство в пользу человеческой жертвы для спасения города [3, P. 29–44].

фрагменте намеков на человеческие жертвоприношения. Так, Ж. Шарль-Пикар высказал предположение, что в Северной Африке, где и в римское время продолжали приносить человеческие жертвы, под видом *damnatio ad bestias* поклонялись Баал-Хамону [5]. Связь культа Баала с играми в амфитеатре подтверждается стелой, обнаруженной недалеко от города Суфетула. Выполненная по обету, она содержит в верхней части изображение Сатурна-Баала, а в нижней *venatores* вступают в схватку с быком [6, р. 321–322].

Эти тезисы находят подтверждение и у современника событий карфагенского пресвитера Тертуллиана, который в своем «Апологетике» сообщает следующее: «В Африке дети открыто приносились в жертву Сатурну вплоть до проконсульства Тиберия, который самих священников на тех же деревьях их храма, что укрывали преступления, принес распятыми живых в жертву, как свидетельствуют воины нашего отечества, которые совершили это самое дело при том проконсуле. Но тайно и теперь совершается это священное дело» (Tert. Apol., 9, 2–3). Интерпретация этого небольшого фрагмента сопряжена с рядом трудностей. В первую очередь, встает вопрос о датировке события. Среди наместников африканских провинций не известен ни один с именем Тиберий. А. Выпустек полагает, что Тертуллиан ошибочно называет проконсулом императора Тиберия, в правление которого, действительно, был принят закон, направленный против галльских друидов, также практиковавших человеческие жертвоприношения [7, р. 265–268]. Безусловно, подробности, которые сообщает Тертуллиан, едва ли допускают такую широкую интерпретацию, но, пожалуй, следует согласиться с мнением Т.Д. Барнса, что до обнаружения каких-либо новых письменных данных, идентификация африканского Тиберия вряд ли возможна [8, р. 18]. С другой стороны, следует принять во внимание замечание Д.Б. Райвса, что, поскольку высказывание Тертуллиана лишено полемического накала, и учитывая задачи, стоящие перед апологией, карфагенский пресвитер сообщает о событии хорошо известном в Африке, поскольку в противном случае оно могло быть легко опровергнуто противниками христиан [9, р. 56].

Оставляя в стороне вопрос, в какой мере акция Тиберия могла ограничить детские жертвоприношения, следует обратить внимание на тот факт, что сами жрецы Сатурна были принесены в жертву. Грамматика текста Тертуллиана может допускать разночтения, но, на наш взгляд, правильно было бы считать, что они были распяты по обету самого Тиберия. Само возможное существование вотивных крестов (*votive crosses*) не зафиксировано другими источниками и встречается только у Тертуллиана. Практика распятия была широко распространена в Римской империи, но нигде мы не встречаем специальных крестов. С другой стороны, предположить, что проконсулом был исполнен какой-то обет, жертвами которого и стали распятые жрецы, также сложно, но можно допустить, что это религиозный обряд, а точнее, насмешка над религиозной практикой пунийцев. Жрецы получили то наказание, которое, по мнению римлян, и заслуживали, — те, кто приносили человеческие жертвы, сами оказались принесены в жертву.

Какие же возможны интерпретации обоих приведенных фрагментов источников? Ф. Мартелли полагает, что, поскольку речь идет о событиях, произошедших в начале правления Септимия Севера, уроженца Большого Лептиса, официальная римская религия идет на компромисс с местными африканскими традициями в угоду императору [10].

На наш взгляд, возможна и иная интерпретация. Речь идет о событиях, произошедших в наиболее романизированной области Северной Африки, где доля пунийского населения была наименьшей, что не исключало контактов римлян с пунийцами. Римские чиновники, распявшие жрецов Сатурна или казнившие Перпетую и ее товарищей, не были приверженцами пунийской религии и человеческих жертвоприношений, но наблюдали или слышали что-то о подобных практиках. Тем более, что обвинение в адрес христиан в убийстве младенцев было одним из распространенных. В этом смысле христианство или культ Сатурна могли мало различаться в восприятии отдельных римских магистратов, но были одинаково отвратительны.

В этой связи становится ясной причина упоминания Тертуллианом об этом сюжете, апологет поясняет, что виновники человеческих жертв – не христиане, но почитатели Сатурна и одновременно римляне. Что в свою очередь является подтверждением слов Тертуллиана, что тайная практика человеческих жертвоприношений продолжалась и в его время.

Литература

1. Fedele, F. Tharros: Ovicaprini sacrificali e rituali del tofet / F. Fedele, G. V. Foster // *Rivista di studi fenici*. – 1988. – Vol. 16. – P. 29-46.
2. Di Vita, A. Gli 'Emporia' di Tripolitania dall'età di Massinissa a Diocleziano: un profilo storico-istituzionale / A. Di Vita // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1982. – Tl. II, Bd. 10, 2. – S. 515-595.
3. Charles-Picard, G. Les religions de l'Afrique antique / G. Charles-Picard. – Paris: Pion, 1954. – 266 p.
4. Пантелеев, А. Д. Страсти святых Перпетуи и Фелицитаты / А. Д. Пантелеев // *Ранние христианские мученичества. Переводы, комментарии, исследования* / ред. А. Д. Пантелеев. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 209-248.
5. Каргальцев, А. В. Христианские мученики в пространстве римских зрелищ / А. В. Каргальцев // *Новый Гермес*. – 2016. – № 8. – С. 118-125.
6. Le Glay, M. Saturne africain. Monuments I: L'Afrique proconsulaire / M. Le Glay. – Paris: E. de Boccard, 1961. – 464 p.
7. Wypustek, A. The Problem of Human Sacrifices in Roman North Africa / A. Wypustek // *Eos*. – 1993. – N 81. – P. 263-280.
8. Barnes, T. D. Tertullian. A historical and literary study. 2 ed. / T. D. Barnes. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 351 p.
9. Rives, J. B. Tertullian on Child Sacrifice / J. B. Rives // *Museum Helveticum*. – 1994. – Vol. 51. – P. 54-63.
10. Martelli, F. Aspetti di cultura religiosa punica (il molk) negli autori cristiani / F. Martelli // *Atti del I Convegno internazionale di studi fenici e punici*. – Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche. Istituto per la Civiltà Feniciae e Punica, 1983. – P. 425-436.

ФЕНОМЕН ИКОНОБОРЧЕСТВА

Ложкин Евгений Александрович
студент 2-го курса факультета политологии
Государственный академический
университет гуманитарных наук
Москва, Россия
E_lozhkin98@rambler.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу первого периода иконоборчества (VIII в). Рассматриваются причины появления данной ереси и цели, которые она преследовала в период своего становления. В статье, прежде всего, ставится и разбирается вопрос идентификации проблемы иконоклазма и ее соотношения с проблемами политическими и религиозными.

Ключевые слова. Христианство, православие, Византия, иконоборчество, икона, ересь, политика.

THE PHENOMENON OF ICONOCLASM

Lozhkin Evgeny Alexandrovich
2-nd year student, State academic university of humanitarian sciences
politolgy department
Moscow, Russia
E_lozhkin98@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the question of the first period of iconoclasm (VIII c). This article made characterize about reasons for the appearance of this heresy and the purposes that she wished during her becoming. First of all, this article analyzed the problem of identifying the problem of iconoclasm and correlation of all this with political and religious problems.

Keywords. Christianity, Orthodoxy, Byzantium, Iconoclasm, Icon, Heterodoxy, Politics.

Феномен иконоборчества, возникшего в Византии в конце VII в., можно считать следствием и идейным продолжением монофелитства. Особенно остро данный вопрос обсуждался в восточных провинциях, где ощущалось сильное влияние еретических течений монофизитства, павликиан и манихеев [1, с. 53]. К тому же приграничные земли империи, попадавшие в зону завоеваний арабов, находились под сильным влиянием ислама, полностью отрицавшего поклонение христианским символам веры. Зарождение иконоборческих настроений в высших церковных кругах империи связывают с деятельностью митрополита Константина Фригийского, жившего в конце VII века [2, с. 229]. Значительное влияние иконоборческих настроений

ощущалось и в высших кругах византийского общества. Здесь огромную роль играли армяне-монофизиты, составлявшие значительную часть военной знати.

Серьёзной проблемой тогдашней экономики Византии являлось чрезмерное монастырское землевладение, включавшее в себя около половины всех земельных наделов государства. Ещё в VI–VII вв. в империи небывалое распространение получило монашество. Огромные монастырские владения не облагались налогами, и вся тяжесть налогообложения лежала на светских землевладельцах, многие из которых разорялись, попадая в зависимость от владельцев крупных поместий. Состояние экономики неуклонно ухудшалось [3, с. 229].

Исходя из этих религиозных и экономических предпосылок, император Лев III Исавр стал формировать новую религиозную доктрину, призванную примирить противоборствующие стороны и искоренить монастыри. Лев III был выходцем из Сирии и, что тогда нечасто случалось в императорской среде, достаточно образованным человеком, знал греческий и арабский языки и хорошо понимал как византийскую, так и арабскую культуры. Реформы Льва Исавра поначалу встретили понимание в среде части высшего духовенства и, что особенно важно, в армии. Также Львом Исавром были приняты гражданский (эклог) и крестьянский законы, изменявшие налогообложение и облегчавшие положение крестьянства.

В 727 г. Лев решил на беспрецедентный поступок. Он повелел снять икону Христа с ворот Халки, что, впрочем, сразу привело к народным волнениям в столице и восстанию в феме Эллада [4, с. 90–91].

С 741 г. императором Византии стал сын Льва Константин V, прозванный иконопочитателями Копронимом. Обладая значительным влиянием на некоторых церковных иерархов, император решил собрать Собор. На состоявшемся в 754 г. Вселенском Соборе присутствовали только иконоборцы, что заранее предreshало результат: иконопочитание было объявлено идолопоклонничеством. Отныне религиозные изображения стали разрушаться и заменяться изображениями императора. Результаты собора особенно сильно ударили по монашеству, испытывавшему много бед в ходе гонений, начавшихся в 761 г. Наиболее яркий эпизод произошел в 766 г., когда многих малоазиатских монахов силой собрали в городе Эфес и приказали отречься от обета и немедленно взять себе жену [5, с. 635]. Часть послушалась императорского приказания, но многие предпочли принять мученическую смерть. Всякая попытка иконопочитателей противодействовать новой религиозной политике жестоко пресекалась. Монастырские школы переходили в ведение светских властей. Покидавшие монастыри монахи были вынуждены заниматься ремеслом, торговлей или идти на военную службу, что положительно сказалось на экономике государства.

Смысл и значение феномена иконоборчества невозможно исчерпать только христологическими спорами. Сам Лев III в письме к папе Григо-

рию II дал себе характеристику: «Я царь и вместе с тем иерей» [6, с. 259], которой определял свой статус, очень хорошо показывала все его намерения. Передел земель Римского и Константинопольского патриархатов, проведенный им впервые за все время существования церкви, является убедительным подтверждением его стремления объединить все под своей властью. Данные действия характеризуют Льва как сторонника старого императорства, имевшего власть во всех сферах, не исключая церковь. Дело в том, что в принявшей христианство единой Римской империи император не был верховным иереем. Область религии оставалась вне его подчинения и была самостоятельна в своих решениях. Конечно, нельзя сказать, что такое разделение политической и церковной властей никогда не нарушалось, однако ни один христианский император до Льва Исавра не делал подобных антицерковных заявлений. Из этих слов напрямую следует признание подчиненности церкви императору, что хорошо прослеживается на примерах иконоборческих патриархов, действовавших по указанию василевса и не имевших собственного влияния. Достаточно вспомнить патриарха Анастасия, который был оставлен Константином V на Константинопольской кафедре после неудачной поддержки им опиравшегося на иконопочитателей узурпатора Артавазда.

Константин V, продолжатель начинаний отца, созвал Собор, состоявшийся в 754 г. в императорском дворце Иерия, запретил почитание икон. Даже название места проведения Собора весьма символично отсылает к претензиям императора на статус верховного Иерея. В этом поместном Соборе, претендовавшем на статус Вселенского, принимали участие только допущенные императором епископы-иконоборцы. Отныне изображения религиозные стали заменяться изображениями императора.

Говоря об этом Соборе, сразу же хочется остеречь от неправильного его понимания. Некоторые историки и религиоведы [4, с. 87–88] склонны считать иконоборчество проявлением реформаторства в современном смысле этого слова, с чем никак нельзя согласиться. Можно подвергнуть сомнению, что иконоборчество было феноменом реформации и уж тем более борьбой с предрассудками в современном понимании или опрощением. Для иконодолов икона прежде всего олицетворяла собой факт вочеловечения Христа. Но она не являла собой идола, потому что являлась только живым напоминанием существования Христа, его образом, а не самим предметом поклонения. Моление происходило не иконе, а на икону.

Иконоборчество же объявляло поклонение иконам идолопоклонничеством из особого богословского понимания сути иконы. Иконокласты прежде всего обращали внимание на то, что на иконе Христос изображается только как человек, то есть игнорируется его божественное естество. Более того, изображение Христа на иконе ими понималось как смешение двух неслиянных природ. На основе такого понимания, идущего ещё от монофизитства, строилась иконоборческая концепция.

Результаты собора особенно сильно ударили по монашеству, испытывавшему много бед в 766 году, когда многих малоазиатских монахов силой собрали в городе Эфесе и приказали отречься от обета и немедленно взять себе жену. Часть послушалась императорского приказа, но многие предпочли принять мученическую смерть. Всякая попытка иконопочитателей противодействовать новой религиозной политике жестоко пресекалась. Так Константин, избранный в 753 г. Патриархом Константинопольским, в 766 г. был изгнан с престола из-за потворства иконопочитанию. А в 768 г., повосточному жестоко подвергнут длительным истязаниям и унижениям, после чего казнен. В этот период в особенности религиозная политика патриарха была подчинена воли императора.

Во Льве Исавре и Константине V нетрудно распознать императоров, стремившихся восстановить образ дохристианского языческого императора со всеми его претензиями на все власти. В этом контексте становится очевидно, что выступления против монашества и икон были скорее проявлением политических устремлений вкупе с властными амбициями, чем выражением особой христологической доктрины.

Литература

1. Лазарев, В. Н. История византийской живописи / В. Н. Лазарев. — Москва: Искусство, 1986.
2. Антология восточно-христианской богословской мысли. Т. 2 / под ред. В. Н. Подгорбунских. — Москва; Санкт-Петербург: Никея-РХГА, 2009.
3. Брун, М. Византийцы в Италии в IX-X в. Очерки из истории византийской культуры / М. Брун. — Одесса: Изд. императорского Новороссийского университета, 1883.
4. Грегоровиус, Ф. История города Афин в Средние века / Ф. Грегоровиус. — Москва: Альфа-Книга, 2009.
5. Успенский, Ф. И. История Византийской империи / Ф. И. Успенский. — Москва: Астрель, 2011.
6. Грегоровиус, Ф. История города Рима в Средние века / Ф. Грегоровиус. — Москва: Альфа-Книга, 2008.

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ТЕАТР В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Лурье Зинаида Андреевна
аспирант, Институт Истории СПбГУ
Санкт-Петербург, Россия
z.lurie@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль и значение театральных постановок в немецком регионе в позднее Средневековье и накануне Реформации. Рассмотрены вопросы организации и устройства постановок, состав зрителей и проблема трансляции социальных идентичностей.

Ключевые слова. Реформация, Томас Наогеорг, Башня священников, Мартин Лютер, процессии, Карнавал, фастнахтшпили, мистерии.

THE LATE-MEDIAVAL GERMAN THEATER WITHIN SOCIAL COMMUNICATION

Lurie Zinaida Andreevna
Graduate student, Institute of History of St. Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
z.lurie@spbu.ru

Abstract. The article examines the role and significance of theatrical productions in the German region in the late Middle Ages and on the eve of the Reformation. The questions of the organization and arrangement of productions, the composition of the viewer and the problem of the translation of social identities are considered.

Keywords. Reformation, Thomas Naogeorgus, Tower of the Priests, Martin Luther, procession, Carnival, Fastachtspiel, mystery.

Немецкая культура периода позднего Средневековья традиционно описывается как культура городская. Начиная с конца XIV – начала XV вв. наблюдался рост общего благосостояния городов, развитие социальной организации и городской культуры, в связи с чем особенное значение приобрела праздничная культура в городах. В среднем, горожанин проводил в увеселениях от 90 до 120 дней, согласно календарю воскресных дней и церковных праздников [1, с. 63–64]. Религиозные, шутовские и политические процес-

* Текст написан в рамках проекта РГНФ «Печать и коммуникативные практики профессиональной эпохи: Центральная Европа и Прибалтика» № 15-31-01009.

сии с завидной регулярностью двигались по улицам города, зачастую от главных городских ворот через все значимые пространства города (мимо ратуши, кафедральной церкви, резиденции и т.д.) к конечному пункту «паломничества». На праздничные мероприятия вместе собирались различные сословия и корпорации – представители духовной и светской знати, родовой аристократии и нового патрициата, интеллектуалы, клирики, монахи и монахини, рыцари, ремесленники и другие представители среднего бюргерства, городская беднота необычайно пестрого состава и, наконец, крестьяне. Разумеется, ни один праздник не обходился без музыки, танцев, песен, различных соревнований и игр, угощения и выпивки. Однако разнообразные увеселения имели значение не только как форма досуга, но выполняли ритуальную и коммуникативную функции, будучи инструментами манифестации власти, социальной иерархии и выражением корпоративной идентичности [2].

В позднее Средневековье значительное развитие получили театральные постановки – «игры» (*spiel, spil, spyl* и т.п.) – как важнейшая часть праздничной культуры [3, с. 375]. Представления были тесно связаны с паратеатральными практиками (процессиями) и часто разыгрывались во время одной из остановок процессии, часто как завершающий этап ритуала (*Prozessionsspiele*). При этом, до начала Реформации нам известно буквально несколько упоминаний о постановках по случаю важных политических событий (посещение делегатами из Швица Берна в 1486 г., заключение союза между Берном и Базелем, рейхстаг). В этих случаях процессии завершали общегородские турниры и танцы, т.е. те виды деятельности, которые подразумевали вовлечение всех горожан в культуру придворных увеселений [1, с. 71–74]. Таким образом, позднесредневековые «игры» в немецком регионе: это постановки на сюжеты Св. Писания и Св. Предания, приуроченные к большим и малым церковным праздникам (мистерии), и представления на светские сюжеты. Последние традиционно разделяют сатирические тексты, известные в отечественной литературе как *фастнахтшпили*, и аллегорические дидактические пьесы – *моралите* (от фр. *Moralité*, нравоучение).

Эстетика и механизмы функционирования светского и религиозного театра позднего Средневековья в немецких землях, не будучи унифицированными, были достаточно универсальны. В отличие от итальянского и французского региона, где уже с середины XIV в. за театральные постановки были ответственны специальные гильдии (ит. *compagnie*, фр. *confrerie*), здесь таких организаций не возникло. Это была скорее прецедентная практика. Руководители постановок (*Hauptleute*) назначались городским советом из числа клириков, образованных бюргеров (школьных педагогов, хронистов, писарей) или «театралов» – мейстерзингеров или музыкантов. На этих людей возлагалась обязанность формирования профессиональной команды (*Spielleute*), проведения репетиций и собственно организации спектакля [4,

с. 163–195]. Актерский коллектив формировался на добровольной основе, и его состав был достаточно эклектичным. Известно, например, что в нюрнбергских фастнахтшпилях принимали участие не только члены ремесленных цехов, но и дети патрициев. Ввиду этого существование длительного актерского союза представлялось городскому совету Нюрнберга невозможным, в результате чего труппы ежегодно переформировывались [5, с. 23]. Такая ситуация представляется достаточно характерной и для других регионов, хотя и при том, что соотношение сословий и корпораций в актерских образованиях менялось сообразно со спецификой социально-политического устройства на местах.

Основное ядро зрителей вне зависимости от типа спектакля составляли члены городского совета, молодые патриции, а также городские интеллектуалы и представители среднего бюргерства. Именно им отводились места на деревянных пристройках к окружавшим площадь или иное подходящее пространство зданиям, как, например, в сценическом пространстве Люцерна [6, с. 138–141]. Если подобные установки отсутствовали, то элита образовывала первое зрительское кольцо. В целом, празднества и театральные спектакли привлекали фактически все городское население, жадное до зрелищ и развлечений. Если же постановки устраивались на более широких площадках (например, площадке для танцев) или за городской чертой, в пограничье деревень, то среди зрителей было и сельское население. По сведениям источников начала XVII в., число зрителей могло достигать 1,5–2 тысячи человек, и в общем нет основания считать, что это число отличалось для более раннего периода. Очевидно, что уследить за содержанием спектакля могло только весьма ограниченное число людей, большинство же получало поверхностные визуальные впечатления, тем не менее, весьма значительные.

Театральные тексты позднего средневекового периода обладают рядом особенностей, связанных с принципами организации материала и стратегией коммуникации. Принципиально важная особенность – вступительная и заключительная речи герольда (или герольдов), обращенных к публике, что, безусловно, отражает представление о театре как инструменте внушения и назидания. В позднесредневековых текстах все чаще встречаются упоминания «всей общины», «всего города» (*Gemeinschaftstat*, *Gemeinschaftserlebnis*, *Gemeinschaftsveranstaltung*) и иные схожие понятия (например, «горожане и земляки» (*burgenses et populares*) и т.д.), указывающие на роль театра в формировании гражданской общности. Подразумеваемые сценическим текстом общности (иудейская община, римские подданные и пр.) напрямую соотносились со зрительской аудиторией. Логика действий и сценариев также подразумевала наличие «обратной связи» с публикой, которая должна была реагировать на реплики соответствующим образом [7, с. 131–132, с. 137–138]. При этом границы между реальностью и спектаклем были не до конца осознаваемы публикой, чему способствовали выходы актеров в несценическое пространство и использование современного гражданского платья на сцене.

что в свою очередь обуславливало высокий уровень эмоционального вовлечения зрителей и их самовосприятие как участников сценического действия [8, с. 286–287].

Дидактический и коммуникативный потенциал театра был осознан в полной мере в период Реформации. Иезуит Петр Канизий, значительный деятель католической Контрреформации, во второй половине XVI в. указывал, что протестантские спектакли – исключительно мощное оружие в борьбе с «истинной Церковью». Подобные оценки, только в зеркальном отражении, давали и сами протестанты [9]. Постановки играли значительную роль в период ранней Реформации, а впоследствии стали неотъемлемой частью протестантской праздничной и академической культуры (как часть образовательного процесса). С этими процессами было связано отделение театра от общего ритуального позднесредневекового контекста и превращение спектакля в самостоятельный вид искусства. При этом, однако, механизм организации и календаря постановок, а также значение и функции театра в контексте социальной коммуникации в XVI–XVII вв. преимущественно остались прежними.

Литература

1. Schmuje, L. Feste feiern wie sie fallen – Das Fest als Lebensrhythmus im Mittelalter / L. Schmuje // Stadt und Fest / Hrsg. von P. Hugger. – Stuttgart; Zürich, 1987. – S. 61-78.
2. Heers, J. Vom Mummenschanz zum Machttheater. Europäische Festkultur im Mittelalter / J. Heers. – Frankfurt am Mai, 1986.
3. Schulz, M. Die Eigenbezeichnungen des mittelalterlichen deutschsprachigen geistlichen Spiels / M. Schulz. – Heidelberg, 1998.
4. Freise, D. Geistliche Spiele in der Stadt des ausgehenden Mittelalters: Frankfurt, Friedberg, Alfeld / D. Freise. – Göttingen, 2002.
5. Spiewok, W. Das deutsche Fastnachtspiel. Ursprung, Funktionen, Aufführungspraxis: 2. überarb. U. erw. Aufl. / W. Spiewok. – Greifswald, 1997.
6. Tydeman, W. The Theatre in the Middle ages / W. Tydeman. – Cambridge; New York, 1979.
7. Schmidt, R. H. Raum, Zeit und Publikum des geistlichen Spiels / R. H. Schmidt. – München, 1975.
8. Kindermann, H. Theatergeschichte Europas: 10 Bde. Bd 2. / H. Kindermann. – Salzburg, 1959.
9. Лурье, З. А. Лютеранская проповедь и драматургия: опыт типологических параллелей / З. А. Лурье // Религия. Церковь. Общество / под ред. А.М. Прилуцкого. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 180-197.

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тихомирова Галина Владимировна

*доцент кафедры философии и истории, кандидат исторических наук
Вологодский институт права и экономики ФСИН России*

Вологда, Россия

galikt@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме реализации религиозных свобод заключенных Великобритании. Рассмотрены история тюремного священничества и современные проблемы, связанные с реализацией свободы совести в пенитенциарной системе.

Ключевые слова. Религиозные свободы, пенитенциарная система, капеллан, заключенные, тюрьма, религия.

RELIGIOUS FREEDOM OF PRISONERS IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE GREAT BRITAIN: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Tikhomirova Galina Vladimirovna

*Associate Professor, Ph.D. in History, Department of Philosophy and History
Vologda Institute of Law and Economics*

of the Federal Penitentiary Service of Russia

Vologda, Russia

galikt@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of realization of religious freedoms of UK prisoners. The history of prison priesthood and modern problems connected with the realization of freedom of conscience in the penitentiary system are considered.

Keywords. Religious freedom, the penitentiary system, chaplain, Prisoners, Prison, religion.

В Великобритании (как и в других странах Западной Европы) в настоящее время пытаются учитывать религиозные воззрения осужденных, но не всегда это удается. К тому же из-за разнообразия религий невозможно предоставить равные условия для представителей разных конфессий, что создаст дискриминацию.

Англиканские капелланы состоят в штате тюрем и получают официально зарплату [1]. При этом капеллан в Англии и Уэльсе должен был принад-

лежать к англиканской церкви, что было принято в XIX в. и до сих пор не подверглось изменению [2]. По экономическим причинам нерационально к каждому отдельному тюремному учреждению прикреплять более одного капеллана, который является представителем определенной религии. Однако, официальный капеллан, являющийся представителем одной религии, при наличии разнообразия вер у контингента осужденных может уже рассматриваться в качестве дискриминации представителей других конфессий. Таким образом, попытка предоставить осужденным в местах лишения свободы более полный доступ к религиозным ритуалам и представителям религии сама уже создает дополнительные претензии.

Большую известность получили ряд судебных решений, выигранных осужденными (как в национальных судах, так и в Европейском суде) по вопросу конфессионального питания, притом что их религиозность весьма сомнительна.

Вопросы конфессионального питания в британских тюрьмах становятся в настоящее время темами скандалов. Так, в начале 2013 г. министр юстиции Объединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии Джереми Райт (*Jeremy Wright*) был вынужден оправдываться, когда при исследовании халяльного мяса для заключенных было обнаружено свиное ДНК [3].

Исламский радикализм и активное его распространение среди осужденных к лишению свободы становится одним из значимых факторов против поощрения практики разрешения разнообразия религиозных традиций в тюрьмах. Распространение экстремистских форм ислама отмечают среди заключенных в тюрьмах Франции, Великобритании, ФРГ. Исследователи считают, что нередко из тюрем приходит пополнение в террористические организации [4, с. 44–45]. В Великобритании мусульмане составляют лишь три процента населения страны, но среди заключенных тюрем их доля составляет 12,6 процента. Всего на 2011 г. мусульманское население в тюрьмах Британии достигло 10600 человек [5]. Еще больший процент осужденных мусульман среди несовершеннолетних: в учреждении Feltham для малолетних преступников в Западном Лондоне 1/3 заключенных мусульмане (229 из 686 подростков) [6].

В настоящее время проблема учета конфессионального состава осужденных в местах лишения свободы становится всё более актуальной для пенитенциарных систем европейских стран. Значительный опыт в этом направлении накоплен в Великобритании, тогда как в большинстве других западноевропейских стран подобная статистика не ведется и учитываются лишь самые общие сведения по данному вопросу. Однако «Европейские пенитенциарные правила» (1987 г.) и «Европейские тюремные правила» (2006 г.) содержат рекомендации, а по отдельным аспектам даже требования по предоставлению определенных религиозных свобод заключенным. Прежде всего, данные требования касаются свободы вероисповедания и воз-

возможности соблюдения религиозной обрядности, но также включают право встречи заключенных (в особенности, если одном месте собирается достаточное количество лиц, исповедующих одну веру) с духовными лидерами (официальными представителями) своих религий. При отсутствии постоянно действующей системы учета религиозной принадлежности заключенных реализация упомянутых требований пенитенциарных и тюремных правил становится невозможной или, по меньшей мере, слабо организованной. Впрочем, даже в Великобритании в настоящий момент проблема обеспечения верующих соответствующим духовным наставничеством далеко не решена – верующие более традиционных конфессии обеспечены в этом плане лучше, хотя их доля среди заключенных постепенно снижается. Причину этому нужно видеть в целом комплексе составляющих: консервативность английского законодательства (сохраняющего нормы XVIII–XIX вв.); очень быстрое изменение конфессионального состава заключенных; недостаток проверенных священнослужителей для некоторых конфессий, которым можно было бы доверить работу среди осужденных.

Министерство юстиции и Министерство внутренних дел Объединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии регулярно формируют статистические отчеты о состоянии тюремного населения в стране, куда также включаются вопросы происхождения, расы, национальности и религии заключенных. Наряду с ними по данным вопросам готовятся отчеты для Парламента Объединенного королевства, которые содержат преимущественно ранее опубликованные Министерством юстиции сведения. На основе данной источниковой базы возможно не только выявить текущее состояние, но и проследить динамику изменений конфессиональной структуры тюремного населения в стране.

Значительная доля изменений конфессионального состава тюремного населения Великобритании пришлась на 1990-е годы. Как показывают статистические данные, приведённые Дж. Бекфордом и С. Гиллиат, за 7 лет (с 1991 по 1997 г.) численность нерелигиозной группы выросла в 2,3 раза (или на 130%) – с 6866 до 15840, а количество мусульман увеличилось на 88% (с 1959 до 3693). Однако и общая численность заключенных в этот период увеличилась на 34% (с 43601 до 58005) [6]. Поэтому, хотя общая численность христиан-заключенных также выросла на 11% (с 32991 до 36498), их доля среди тюремного населения понизилась с 76% до 63% [7].

В последующие годы наметившиеся тенденции сохранились.

В 2007 г. среди заключенных Англии и Уэльса больше всего было отмечено лиц, не имеющих религиозной принадлежности (32%), следующими по численности шли: англикане (29%), католики (17%) и мусульмане (11%). В отчете также отмечалось, что, по сравнению с 2006 г., в 2007 г. численность буддийских заключенных увеличилась на 12% (в 2006 г. – 1430 и в 2007 г. – 1610). Количество мусульман по сравнению с 2006 г. увеличилось на 8%, католиков – на 4%, заключенных других христианских вероисповеданий – на 8% [8, с. 82].

Несмотря на то что система учета религиозной принадлежности заключенных в Великобритании является лучшей среди стран Западной Европы, она все же далека от совершенства. Существующая статистика не показывает религиозную принадлежность к различным течениям одной религии (кроме христианских), что мешает объективно оценить потребности заключенных в обеспечении духовным наставничеством. Например, в исламе на достаточно крайних по отношению друг к другу (вплоть до полного антагонизма) позициях стоят сунниты, шииты и алавиты. Внутри этих групп также существует дробление на различные направления с весьма противоположными взглядами. Соответственно духовный наставник, представляющий одно направление, не подходит для верующих, относящихся к другому.

Литература

1. Мурзин, Е. Мы служим Христу в единстве, но не уподобляясь друг другу [Электронный ресурс] / Е. Мурзин // Сайт Синодального Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями «Победа.ru». – Режим доступа: <http://www.pobeda.ru/content/view/3722/> (дата обращения: 02.04.2013).
2. Скоморох, О. Капелланская доля. Опыт тюремного служения в европейских странах [Электронный ресурс] / О. Скоморох // Журнал Московской патриархии 2011. – № 8. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-248352.html> (дата обращения: 02.04.2013).
3. Halal meat pies and pastries for prisoners found to contain pork DNA [Electronic Resource] / by Ruth Elkins // The Times UK News. – 2013. – 2 February. – Mode of access: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/uk/article3676407.ece> (дата обращения: 20.09.2013).
4. Де Шаретт, Л. Как радикальные исламисты заражают тюрьмы / Л. Де Шаретт // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2013. – № 5. – С. 44-45.
5. Generation of young Muslims ending up in jail 'because of out-dated imams who fail to engage with them'. By Richard Hartley-parkinson [Electronic Resource] // MailOnline. – 2012. – 10 January. – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2084722/Generation-young-Muslims-ending-jail-old-fashioned-way-treated-mosques-family-breakdown.html> (дата обращения: 12.09.2013).
6. Religion of Crime: Muslims 1/3 of Inmates in UK's Toughest Juvie Prison; Muslims Treated Better [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.debbieschlussel.com/46393/religion-of-crime-muslims-13-of-youths-in-uks-toughest-juvie-prison-muslims-treated-better> (дата обращения: 12.09.2013).
7. By Debbie Schlusel [Electronic Resource] // Debbie schlusel. – 2012. – January 23. – Mode of access: <http://www.debbieschlussel.com/46393/religion-of-crime-muslims-13-of-youths-in-uks-toughest-juvie-prison-muslims-treated-better/> (дата обращения: 12.09.2013).
8. Желтов, А. А. Проблемы реализации религиозных свобод осужденных в странах Европейского Союз / А. А. Желтов, Г. В. Тихомирова // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Вологда, 2016. – С. 174-178.

**РЕЛИГИОЗНЫЙ «ЭНТУЗИАЗМ» АМЕРИКАНСКОГО
«ВЕЛИКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ» СЕРЕДИНЫ XVIII В.:
ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА
ДЖ. УИТФИЛДА И Ч. ЧОНСИ**

Хрулёва Ирина Юрьевна
доцент кафедры новой и новейшей истории,
кандидат исторических наук
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
irinakhruleva@mail.ru

Аннотация. Первое «Великое Пробуждение», охватившее все британские колонии в Северной Америке в 1730-50-е гг. и протекавшее параллельно с просветительским движением, рассматривается в историографии как одна из значимых предпосылок начавшейся вскоре войны за независимость США. Оно стало первым движением в американской истории, носившем по-настоящему межколонияльный характер. В статье представлена теологическая полемика главного идеолога Пробуждения – Дж. Уитфилда – и его основного оппонента, лидера «старых огней» Ч. Чонси.

Ключевые слова. Великое Пробуждение, война за независимость США, религия в США, религиозный энтузиазм, Просвещение.

**RELIGIOUS ENTHUSIASM OF THE FIRST GREAT AWAKENING
IN BRITISH AMERICA OF THE MID XVIIIth CENTURY:
CHARLES CHAUNCY'S THEOLOGICAL DEBATE
WITH GEORGE WHITEFIELD**

Khruleva Irina Yurievna
Associate Professor, Ph.D
Moscow State University
Moscow, Russia
irinakhruleva@mail.ru

Abstract. The First Great Awakening was a powerful religious movement that swept across all British colonies in North America in 1730s-1750s and coincided with the Enlightenment. It had a profound effect on all aspects of colonial life, greatly affecting religion, politics, and ideology. The First Great Awakening has always drawn a profound scholarly attention because it has been linked directly to the Revolution. The author examines the theological debate of the main revivalist – George Whitefield and his greatest «old light» opponent Charles Chauncy.

Keywords. Great Awakening, War for Independence, American religion, religious enthusiasm, Enlightenment.

Проблематике Первого «Великого Пробуждения» в британских колониях Северной Америки 1730-х – 1750-х гг. посвящено значительное количество научной литературы, однако до сих пор содержание, смысл, хронологические рамки и региональные особенности этого религиозного движения являются предметом острых дискуссий среди исследователей [1, с. 5–7]. Сам термин «Великое Пробуждение» (*«The Great Awakening»*), прочно вошедший в научную литературу, вызывает серьезные возражения ряда исследователей, отрицающих «невероятную» силу, масштаб и неожиданность этого явления, буквально «захлестнувшего» все континентальные владения Великобритании на Атлантическом побережье Северной Америки [2, с. 305–325].

Первое Великое Пробуждение было сложным и неоднозначным явлением, в рамках которого эволюционировало множество разнонаправленных течений [3, 204–205]. Поэтому было бы неверным связывать его исключительно с деятельностью разнообразных религиозных движений пиетистского толка, вдохновленных приездом известного английского проповедника, основателя методизма Джорджа Уитфилда [4, с. 103–108]. Их оппоненты, выступавшие против «энтузиастического» религиозного обновления, столь яростно проповедовавшегося сторонниками «оживления», также влияли на складывание принципиально новой религиозной ситуации в Британских колониях [1, с. 48–51].

Для того чтобы составить общую картину религиозного противостояния 1730-40-х годов, нужно охарактеризовать такие ключевые для религиозной ситуации Первого Великого Пробуждения понятия, как «новые огни» (*«New Lights»*) и «старые огни» (*«Old Lights»*). Говоря в общем, сторонники первых представляли собой евангелическое, пиетистское движение, проповедовавшее более искренний, проникновенный контакт с Богом; их активность несла изменения в систему церковных приходов, вызвала дробление последних, отделения групп верующих и конфликты с местными священниками. Подобный сепаратизм был серьезной угрозой для официальных или просто традиционно укрепившихся в отдельных регионах церквей. Лидерами «новых огней» были так называемые «странствующие проповедники», сторонники Дж. Уитфилда, стремившиеся охватить своей проповедью как можно больше людей вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, зажечь в них искреннюю веру, отвратить от всепоглощенности материальными заботами. Благодаря неиссякаемой энергии Уитфилда у большинства жителей колоний была реальная возможность хотя бы раз в жизни услышать проповедь знаменитого проповедника [5, с. 82–83]. Умело используя прессу, Уитфилду удавалось собирать огромные толпы людей. Стремясь охватить своим влиянием все более широкую колониальную аудиторию, Уитфилд и его сторонники подвергли яростной критике представителей «невозрожденного» духовенства (или «старых огней», используя терминологию тех лет). Так, например, в опубликованных дневниках Дж. Уитфилда содержалось немало критических суждений в адрес пуританских

священников и положения дел в Бостонских церквях. По мнению Уитфилда, в Бостоне все больше и больше людей либо вообще теряют интерес к религии, либо заражены тлетворными идеями в духе деизма, и «все их представление о Христе идет из головы, а не из сердца» [6, с. 502–505].

«Старые огни» включали в себя не просто ортодоксальное духовенство. Среди них встречались и те священнослужители, чьи воззрения испытали на себе мощное воздействие идей Просвещения [7, с. 121]. Они-то и выступали против того «хаоса», который вносили в размеренную религиозную жизнь колоний «новые огни» [8, с. 51], называя их «бродажничающими бездельниками, сующими свой нос в чужие дела» [9, с. 10]. Самым авторитетным оппонентом «странствующих проповедников» был бостонский конгрегационалистский священник Чарльз Чонси (1705–1787), убеждавший жителей колоний в том, что «просвещенный разум, а не возбужденные чувства всегда должны быть путем к спасительному познанию Бога». Чонси пытается дать определение энтузиазму, слову, «которое употребляется скорее в негативном смысле, указывающее на воображаемое, а не настоящее божественное вдохновение. В этом смысле энтузиаст – это тот, кто ... ошибочно принимает собственные страсти за божественное откровение... Это своего рода болезнь, сумасшествие». Энтузиазм – это «величайший враг церкви во все времена», «но ни в чем энтузиазм не проявляется больше, как в нежелании прислушиваться к доводам Разума» [10, с. 2–5].

Чонси называет энтузиастом того, кто ошибочно считает себя избранным обладателем дарованных Господом особых способностей и снизошедшего на него Святого Духа, который на самом деле является лишь плодом его больного воображения. По словам Чонси, эта страшная болезнь под названием энтузиазм развязывает людям язык, делая энергичными и говорливыми, их тела начинают трястись и шататься из стороны в сторону, когда они, по их мнению, чувствуют особую близость с Господом [10, с. 4]. Как бороться с энтузиазмом? По мнению бостонского священника, главное, всецело положиться на Библию и пользоваться собственным рассудком: «Пользуйтесь даром Разума и Понимания, которые Господь дал Вам ... После Священного Писания, нет большего врага энтузиазма, чем разум» [10, с. 16–18]. Чонси даже употребляет словосочетание «просвещенный разум» (*enlightened mind*), говоря, что именно он «должен стать путеводителем для того, кто называет себя человеком». Чонси считал, что «христианство – религия разума и справедливости в равной степени как и эмоций и чувств, но если последним двум аспектам уделить больше внимания, чем первым двум, человечество погрузится в беспорядок» [9, с. 422].

Острая религиозная полемика эпохи «Великого Пробуждения» [11, с. 5–14] привела к утверждению принципов религиозного плюрализма; постепенно сходила на нет негативная коннотация слова «энтузиазм», бывшего долгое время синонимом религиозного экстремизма. Интересно, что с течением времени такие ключевые понятия протестантской религиозной культу-

ры, как «оживление», «пробуждение», «энтузиазм» перейдут в политический лексикон [12, с. 213–215]. Во время Войны за независимость характерна постоянная апелляция лидеров патриотического лагеря к энтузиазму, теперь воспринимаемому как синоним высокой, благородной убежденности в идеалах свободы и независимости.

Литература

1. Smith, J. *The First Great Awakening: Redefining Religion in British America, 1725–1775* / J. Smith J. – Madison, 2015.
2. Butler, J. *Enthusiasm Described and Decried: The Great Awakening as Interpretative Fiction* / J. Butler // *The Journal of American History*. – 1982. – Vol. 69, No. 2.
3. Pestana, C. G. *Protestant Empire: Religion and the Making of the Atlantic World* / C. G. Pestana. – Philadelphia, 2009.
4. Noll, M. A. *The Rise of Evangelicalism: The Age of Edwards, Whitefield and the Wesleys* / M. A. Noll. – Leicester, 2004.
5. *George Whitefield: Life, Context, and Legacy* / Geordan Hammond and David Ceri Jones, eds. – Oxford, 2016.
6. *George Whitefield's Journals*. – Philadelphia, 2001.
7. Wohl, H. *Chauncy and the Age of Enlightenment in New England: Dissertation* / H. Wohl. – State University of Iowa, 1956.
8. Corrigan, J. *The Hidden Balance. Religion and the Social Theories of Charles Chauncy and Jonathan Mayhew* / J. Corrigan. – N.Y., 1987.
9. Chauncy, Charles. *Seasonable thoughts on the state of religion in New-England* / Chauncy Charles. – Boston, 1743.
10. Chauncy, Charles. *Enthusiasm described and caution'd against* / Chauncy Charles. – Boston, 1742.
11. Whitefield, G. *A letter to the Reverend Dr. Chauncy* / G. Whitefield. – Boston, 1745.
12. Mahaffey, J. D. *Preaching Politics: The Religious Rhetoric of George Whitefield and the Founding of a New Nation* / J. D. Mahaffey. – Waco, TX, 2007.

Научное издание

Материалы
III Всероссийской научной конференции
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(памяти доктора исторических наук, профессора Ю.К. Некрасова)

19–20 мая 2017 года

Подписано в печать 30.10.2017. Формат 60 × 84/16.

Усл. п. л. 12,5. Тираж 100 экз. Заказ № 346.

Отпечатано: Институт социально-экономического
развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@yscc.ac.ru

*Доктор исторических наук,
профессор Ю.К. Некрасов
(1935–2006)*